
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
V. F. WINTER
DAYTON
Camaro
АДАПТАЦИЯ
Привыкнуть к боли — не значит перестать её чувствовать.
18+

V. Winter
АДАПТАЦИЯ

https://litres.ru/74724434
SelfPub; 2026

Аннотация

Я не собиралась заканчивать выпускной год в другом городе. Не собиралась переезжать, привыкать к чужому дому и тем более объяснять каждому встречному, почему моя жизнь пошла совсем не по тому плану, который я когда-то для неё придумала.

И всё же теперь я здесь. Среди людей, которые уже успели составить обо мне мнение, даже не потрудившись узнать поближе. И с машиной, которую никому не позволю у меня отнять, — моей «Пантерой».

Я рассчитывала, что смогу просто закончить школу, не привлекая к себе лишнего внимания. Не ввязываться в чужие истории, не отвечать на неудобные вопросы и не давать никому повода интересоваться моей жизнью больше, чем необходимо.

Но Круз Уитман...

Он слишком любопытен, чтобы не замечать того, о чём я предпочитаю молчать. А я слишком упряма, чтобы облегчить ему задачу.

Похоже, этот год окажется куда сложнее, чем я рассчитывала.

Содержание

ПЛЕЙЛИСТ РОМАНА	5
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	61
Глава 5	75
Глава 6	97
Глава 7	118
Глава 8	135
Глава 9	163
Глава 10	191
Конец ознакомительного фрагмента.	212

АДАПТАЦИЯ

Привыкнуть к боли — не значит перестать её чувствовать.

Я не собиралась заканчивать выпускной год в другом городе. Не собиралась переезжать, привыкать к чужому дому и тем более объяснять каждому встречному, почему моя жизнь пошла совсем не по тому плану, который я когда-то для неё придумала.

И всё же теперь я здесь. Среди людей, которые уже успели составить обо мне мнение, даже не потрудившись узнать поближе. И с машиной, которую никому не позволю у меня отнять, — моей «Пантерой».

Я рассчитывала, что смогу просто закончить школу, не привлекая к себе лишнего внимания. Не ввязываться в чужие истории, не отвечать на неудобные вопросы и не давать никому повода интересоваться моей жизнью больше, чем необходимо.

Но Круз Уитман...

Он слишком любопытен, чтобы не замечать того, о чём я предпочитаю молчать. А я слишком упряма, чтобы облегчить ему задачу.

Похоже, этот год окажется куда сложнее, чем я рассчитывала.

ПЛЕЙЛИСТ РОМАНА

Музыка, которая звучит между строк.
Midnight in NM — Scott Ruth
No Surprises — Radiohead
Outsider — The Daylights
Ooh La La — Goldfrapp
Inside of Love — Nada Surf
Let Down — Radiohead
Eyes Without A Face — Sinnerella
I Still Haven't Found What I'm Looking For — U2
Cinnamon — Jome
Stupid Girl — Garbage
Pieces (Hushed) — Andrew Belle
If Words Were Bullets — The Daylights
Weapons — The Daylights
With Or Without You — U2
Cry Baby — The Neighbourhood
Daddy Issues — The Neighbourhood
Family Portrait — P!nk
I Promise — Radiohead
Exogenesis: Symphony Pt. 3 (Redemption) — Muse
СЛУШАТЬ ПЛЕЙЛИСТ В SPOTIFY

Глава 1

Шей

Есть такой вид адаптации — адаптация к боли, о которой почти никто не говорит. Не тот, когда ты плачешь до опухших глаз, запираешься в комнате и не отвечаешь на сообщения. Это было бы даже проще. По крайней мере, тогда все понимают, что тебе плохо, и иногда тебе не приходится объяснять почему.

А бывает иначе. Ты просто становишься тише. Перестаёшь рассказывать, что у тебя в голове, потому что каждый раз, когда пытаешься подобрать слова, всё кажется либо слишком сложным, либо слишком страшным, либо вообще каким-то ненастоящим. Поэтому, когда тебя спрашивают, как ты, ты привычно отвечаешь: «Всё нормально». Иногда даже улыбаешься, чтобы человек не стал задавать следую-

щий вопрос.

Потом привыкаешь молчать настолько, что уже не понимаешь, что именно нужно сказать, если кто-то всё-таки решит докопаться до правды. Я, кажется, научилась этому слишком быстро.

Тейт сидел напротив меня через щербатый деревянный стол и что-то говорил. Его губы двигались, иногда он делал паузу, хмурился, проводил ладонью по волосам, снова начинал говорить, но слова до меня почти не доходили. Они тонули в глухом гуле полупустого паба, в звоне посуды за соседними столами, в приглушённой музыке, доносившейся откуда-то из глубины зала, и в собственном пульсе, монотонно отдававшемся в висках.

Я смотрела на него и пыталась понять, в какой момент перестала вслушиваться.

Наверное, тогда, когда он сказал:

— Нам нужно закончить, Шей.

Или:

— Мы больше не вывозим.

Я уже не была уверена, какие именно слова он произнёс. В памяти они почему-то слились в одну короткую фразу, после которой ничего особенного не произошло.

Не было ощущения, будто меня ударили. Не перехватило дыхание, не захотелось схватить его за руку и сказать, что он не может вот так просто взять и закончить всё между нами. Я просто продолжала смотреть на него, пытаясь найти внутри

себя хоть какую-нибудь реакцию, которая соответствовала бы происходящему.

Но внутри было пусто.

Я смотрела на его знакомое лицо, которое ещё совсем недавно мне хотелось разглядывать часами, на пальцы, которыми он сейчас нервно постукивал по столу, на тёмную футболку, которую видела на нём уже десятки раз. Когда-то мне казалось, что я знаю Тейта лучше всех. Сейчас же я даже не могла заставить себя спросить, почему он решил уйти.

Под столом я спрятала руки и провела большим пальцем по внутренней стороне запястья. Я сжала кожу ногтями — сначала слегка, потом сильнее. Боль была маленькой, тупой и настоящей, намного понятнее всего того, что происходило в моей голове последние несколько дней. Я продолжала давить ногтями, пока кожа не начала гореть, и только тогда немного ослабила хватку.

Мне хотелось почувствовать хоть что-нибудь. Не потому, что я хотела сделать себе больно. Просто мне нужно было убедиться, что хоть что-то ещё способно до меня достучаться.

— Шей.

Я подняла глаза. Тейт, кажется, уже несколько минут молчал, просто глядя на меня.

— Ты вообще слышала, что я тебе сказал?

— Да, — голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Тогда скажи хоть что-нибудь, — нахмурившись, по-

просил он.

Я посмотрела на него и впервые за весь разговор действительно задумалась, что именно от меня сейчас требуется. Он хотел знать, почему я последние дни почти не отвечаю на сообщения, ничего не рассказываю и на любые вопросы отделываюсь одним и тем же: «Всё сложно».

Его попытки достучаться до меня были очевидны, но я не знала, что ответить. Как объяснить то, о чём я сама с трудом могла думать, не говоря уже о том, чтобы произнести вслух? Последние несколько дней моя жизнь напоминала кошмар, из которого я никак не могла выбраться. А он, похоже, принимал моё молчание за нежелание подпускать его ближе.

— Я устал, Шей, — тяжело выдохнул Тейт, откидываясь на спинку стула.

На этот раз я услышала каждое слово.

— Я не знаю, как тебе помочь, если ты сама не говоришь мне, что с тобой происходит, — он устало провёл ладонью по лицу. — Я пытаюсь понять, что случилось, спрашиваю тебя, а ты каждый раз закрываешься. И теперь твоя мать вдруг решила отправить тебя в этот чёртов Дейтон именно в выпускном классе. Почему? Что вообще произошло? Почему ты просто согласилась? Почему не попыталась её переубедить? Хотя бы ради нас, Шей.

Последние слова прозвучали уже тише, и именно поэтому зацепили сильнее всего.

Хотя бы ради нас.

Я опустила взгляд на стол. Между нами стояли два почти нетронутых напитка, и мой давно успел остыть. Наверное, его тоже.

— Я не знаю, что тебе сказать, — призналась я.

Это было, наверное, самое честное, что я могла ему сейчас дать.

Тейт замолчал. Он смотрел на меня так, словно всё ещё ждал, что я наконец заговорю, объясню ему то, что так тщательно прятала последние дни, и тем самым дам ему хоть какую-то причину остаться. Я видела это по его лицу и от этого чувствовала себя ещё хуже, потому что даже сейчас, когда он фактически просил меня впустить его внутрь, я не могла этого сделать.

Всё моё барахло уже ждало меня в машине на парковке перед пабом: чемодан, рюкзак и всё остальное, что я успела запихнуть туда перед отъездом. Оставалось только выйти отсюда, сесть за руль и завести двигатель. Через несколько часов я должна была оказаться в Дейтоне, и почему-то именно мысль об этом сейчас казалась гораздо реальнее всего происходящего за этим столом.

— Я люблю тебя, Шей. Но я больше так не могу, — Тейт продолжал смотреть на меня, будто всё ещё ждал, что я попытаюсь его остановить. Что скажу хоть что-нибудь, лишь бы он не ставил точку.

На этот раз я даже не стала искать подходящие слова. Просто медленно кивнула. В его взгляде на мгновение мелькнула

растерянность, но я не стала ничего объяснять. Мне нечего было ему сказать.

Человек, которого я ещё совсем недавно боялась потерять, только что решил уйти, а единственное, что я чувствовала, — усталость.

Я поднялась из-за стола, достала из заднего кармана шорт купюру и бросила её на стол. Тейт тут же покачал головой, но я уже не стала ничего объяснять. Схватила куртку, лежавшую рядом на сиденье, и накинула её на плечи, стараясь не задерживаться здесь ни секундой дольше.

Мне было проще уйти первой, чем остаться и потом смотреть, как он уходит от меня.

— Прости меня, — тихо прошептала я, сама не понимая, за что именно прошу прощения.

И вышла из паба, не оборачиваясь.

Дорога до грёбаного Дейтона оказалась на удивление спокойной. Я почему-то ожидала пробок, нервных водителей и бесконечных фур, которые будут тянуться передо мной половину пути, заставляя то и дело сбрасывать скорость, но трасса почти не доставляла проблем.

Миля за милей оставалась позади, а за окном постепенно менялся свет. Сначала низкое солнце ещё било в лобовое стекло, заставляя щуриться, когда особенно неудачно выныривало из-за деревьев, но потом его свет начал понемногу угасать, и вскоре от дня остались только серые сумерки, редкие огни вдоль дороги и красные огоньки задних фонарей впереди.

В салоне играла «Midnight in NM» Скотта Рута. Не особенно задумываясь, я прибавила громкость, позволяя музыке хотя бы ненадолго заглушить всё, что последние несколько часов без конца крутилось у меня в голове.

Я до сих пор не могла поверить, что действительно еду в Дейтон.

Не на пару дней, не в гости и даже не на каникулы, после которых можно будет собрать вещи и вернуться домой, а на целый выпускной год. В город, который я сама никогда бы не выбрала, к Хайди и Колину, с которыми не была особенно близка, и к Дейзи, которую знала всю жизнь, но никогда не представляла рядом с собой каждый день.

И ведь всё это должно было случиться именно сейчас. Когда у нормальных людей на уме колледжи, вечеринки, выпускной и всё то дерьмо, которое обычно кажется самым важным на свете. А я сидела за рулём и пыталась привыкнуть к мысли, что завтра проснусь в чужой комнате и мне придётся делать вид, будто моя жизнь не развалилась буквально за несколько дней.

Чем ближе становился Дейтон, тем сильнее хотелось развернуться и поехать обратно, хотя я прекрасно понимала, что возвращаться мне всё равно некуда.

Я сильнее сжала руль, и взгляд сам собой опустился на руку. Чуть выше запястья темнел маленький чертёнок с крошечным трезубцем.

Тейт всегда говорил, что ангелом меня назвать сложно. И уж точно не святой. По его мнению, мне гораздо больше подходил маленький чертёнок — наглый, самодовольный, который вечно творит какую-нибудь херню, прекрасно об этом знает и ни капли не жалеет.

Я провела большим пальцем по краю татуировки, и внутри неприятно дёрнулось. Ещё полгода назад я даже представить не могла, что однажды буду смотреть на неё и думать о том, как человек, который оставил её на моей коже, сможет вот так просто исчезнуть из моей жизни.

Чёрт, Тейт.

Я ведь всё ещё люблю его. Не «любила когда-то», не «мне было хорошо с ним» — люблю. Вот в чём была самая мерзкая часть. Даже сейчас, когда я злилась на него за то, что он сдался, когда хотелось обвинить его во всём и сказать себе, что он просто не смог меня понять, я всё равно хотела одного — чтобы он оказался рядом.

Мы ведь могли это пережить. Этот переезд, расстояние, чёртов Дейтон, сотни миль между нами — всё это могло быть дерьмовым, сложным, неудобным, но не невозможным.

Я могла приезжать к нему, он мог приезжать ко мне, мы могли часами висеть на телефоне, ругаться из-за ерунды, мириться, снова скучать друг по другу. Мы могли даже ненавидеть расстояние до тех пор, пока оно наконец не закончилось.

Но теперь расстояние было вообще не самым страшным.

Страшно было то, что Тейт больше не хотел проходить его вместе со мной.

Если бы я только могла вернуть тот разговор хотя бы на несколько минут назад. Заставить себя открыть рот и сказать ему хоть что-нибудь, кроме своего жалкого «я не знаю, что тебе сказать». Возможно, он бы остался.

Я въехала в город, когда на улице уже окончательно стемнело. Телефон с включённым навигатором лежал на панели, и время от времени я бросала на него быстрый взгляд, сверяясь с маршрутом. Несколько поворотов спустя вокруг начали появляться небольшие дома, магазины и заправки, а затем и тихие жилые улицы. !Я почти не смотрела по сторонам, слишком занятая мыслями о том, что завтра придётся проснуться здесь и каким-то образом начать жить так, будто последние несколько дней не случились.

Телефон вдруг завибрировал, и сердце так резко дёрнулось, что я на секунду перестала нормально дышать. А что, если он передумал? Если тоже сейчас прокручивает в голове нашу последнюю встречу и понимает, что не хотел заканчивать всё именно так? Может, всё ещё можно исправить.

Я схватила телефон и быстро взглянула на экран, уже собираясь открыть сообщение. Но вместо имени Тейта там высветилось имя матери.

Разочарование оказалось почти физическим. Я на мгновение задержала взгляд на экране, пытаясь понять, зачем она пишет мне сейчас.

Когда я снова посмотрела на дорогу, прямо передо мной вспыхнули красные стоп-сигналы.

— Чёрт!

Я резко вдавила педаль тормоза. Машина дёрнулась, ремень безопасности больно врезался в плечо, а шины взвизгнули по асфальту. Телефон выскользнул из пальцев и упал куда-то между сиденьем и центральной консолью. Через мгновение раздался глухой удар, и машину тряхнуло от столкновения с чужим бампером.

Несколько секунд я просто сидела в темноте салона, тупо глядя на руль и пытаясь прийти в себя. Всё внутри было натянуто до предела, а мысли путались, не позволяя сосредоточиться даже на том, что только что произошло. В какой-то момент оставаться на месте стало просто невозможно. Я судорожно дёрнула застёжку ремня, распахнула дверь и выскочила наружу в одной майке.

— Блядь…

Ругательство сорвалось раньше, чем я успела сделать первый шаг. Я посмотрела на джип впереди, и меня тут же охватил новый страх: вдруг там кто-то пострадал? Чёрт, почему

я вообще не смотрела на дорогу?

Я быстро обошла переднюю часть «Камаро», почти не чувствуя холодного воздуха на голых руках, и только тогда увидела смятый передний край. На секунду я застыла, разглядывая повреждение, а потом шумно выдохнула и провела ладонью по волосам.

— Нет, ну охренеть просто.

Попыталась заставить себя думать последовательно, но мысли путались, перескакивая с одного на другое. Сначала нужно проверить, всё ли в порядке с водителем. Потом разобраться с машиной. Потом уже думать обо всём остальном.

— Боже, я больше не могу, — пробормотала я, с досадой пнув носком ботинка асфальт. — Просто прекрасно, Шей. Именно этого тебе сейчас не хватало.

Я не хотела здесь быть. Не хотела уезжать. Не хотела оставлять Тейта. Не хотела объяснять матери то, чего она всё равно не собиралась слышать. А теперь ещё и умудрилась разбить машину отца и, возможно, покалечить совершенно ни в чём не виноватого человека.

Снова посмотрела на джип. Из него по-прежнему никто не выходил, и это начинало меня всерьёз нервировать.

— Да что там происходит? — пробормотала я, направляясь к водительской двери. — Эй! Вы в порядке?

Ответа не последовало, и я, сделав ещё шаг вперёд, почувствовала, как тревога становится сильнее.

— Простите меня! Я... я так виновата. Вы как?

Тишина.

— Чёрт, я отвлеклась, — выпалила я, снова постучав по стеклу. — Я не хотела... Господи, пожалуйста, откройте. Вы меня слышите?

Я продолжала стучать, всматриваясь в темноту салона и всё сильнее убеждаясь, что что-то не так. Приложив ладони по обе стороны от лица, я попыталась убрать отражение и только теперь смогла нормально разглядеть салон.

Парень сидел за рулём, откинувшись на спинку сиденья, опустив голову и закрыв глаза ладонями. Несколько секунд я просто смотрела на него, не понимая, что происходит. Потом он медленно провёл руками по лицу, словно пытался прийти в себя, и я невольно задержала дыхание. Похоже, он всё-таки ударился.

— Вам нужна медицинская помощь? — спросила я, снова постучав по стеклу, на этот раз тише. — Вы не ушиблись?

Он убрал ладони от лица и повернул голову прямо ко мне. Наши взгляды встретились, и я сразу поняла, что он не просто злится. В его глазах стояла такая ярость, что мне на мгновение стало не по себе.

Парень резко потянулся к кнопке и опустил стекло всего на несколько дюймов.

— Какого хрена тебе от меня надо? Отвали, — бросил он.

Я даже не успела ничего ответить, как окно тут же поднялось обратно. Я отступила от джипа, глядя на тёмное стекло, и на мгновение застыла. А если он сейчас вызовет копов?

— Чёрт...

От этой мысли я растерялась ещё сильнее. Я понятия не имела, сколько они будут ехать и что вообще станут делать, если приедут.

— Пожалуйста! — крикнула я, снова обращаясь к водителю. — Давайте просто разберёмся сами! Я всё выплачу, слышите? Всё!

Тишина в ответ только сильнее заставляла меня нервничать.

— Я правда всё оплачу. Простите меня, пожалуйста. Я не хотела. Я просто отвлеклась всего на секунду...

Слова оборвались сами собой. Всего на секунду. Отлично. Прекрасное оправдание. Может, ещё рассказать ему, что последние несколько дней у меня выдались особенно хреновыми и поэтому я решила проверить его бампер на прочность?

Я вернулась к своей машине и снова посмотрела на разбитый передний край. Ещё вчера я бы, наверное, чуть ли не с голыми руками полезла исправлять каждую царапину, а сейчас стояла перед ней и чувствовала только усталость. Эта машина была единственной стабильной вещью в моей жизни, последней ниточкой, связывающей меня с прежними днями, когда хотя бы что-то казалось нормальным. Я столько лет держалась за неё, за её руль, за этот запах кожи и металла, за ощущение, что, пока я могу завести двигатель и уехать куда угодно, мне всё ещё есть куда бежать.

А теперь и она будто решила от меня отказаться.

— Чёрт... — выдохнула я.

Ладони сами сжались в кулаки, и я со всей силы ударила ими по капоту. Боль отозвалась в запястьях, но я тут же ударила снова, уже не чувствуя ни металла под руками, ни холода ночного воздуха. Внутри всё кипело так, что хотелось разбить к чёртовой матери не только эту машину, но и всё, что ещё оставалось целым.

Я пнула колесо, отскочила на шаг и тут же ударила по нему ботинком ещё раз.

— Как я могла вляпаться в это дерьмо?! — крикнула я, сама не понимая, кому именно задаю этот вопрос. — Когда же этот грёбаный день уже закончится?!

Собственный голос отразился от пустых витрин и вернулся ко мне каким-то чужим. После него вокруг снова стало тихо. Я стиснула зубы, чувствуя, как раздражение постепенно сменяется бессилием.

Последние несколько дней я убеждала себя, что справлюсь, что как-нибудь переживу ещё один разговор, ещё один переезд, ещё одну грёбаную проблему. Но теперь даже эта нелепая авария казалась последней каплей.

Я медленно опустилась на асфальт, прислонившись спиной к кузову машины. Несмотря на холодную ночь и тонкую майку, я почти не чувствовала холода — адреналин всё ещё не отпускал.

Пусть тот парень вызывает копов. Пусть весь этот грёбаный вечер идёт к чёрту. Сейчас мне нужно было только одно

— несколько минут, в течение которых от меня ничего не требовалось бы.

И, наверное, впервые за долгое время я перестала искать оправдания своему состоянию. Я действительно больше не справлялась.

Глава 2

Круз

Дышать получалось всё ещё тяжело, но уже не так, как несколько минут назад. Паника не исчезла — просто отступила куда-то глубже, перестав душить с той же силой. Я всё ещё чувствовал её последствия: сбившееся дыхание, напряжение в теле, дрожь в пальцах. А теперь к этому добавились короткий визг шин, резкое натяжение ремня на груди и тот глухой, неприятный звук, с которым чужая машина врезалась в мою.

Несколько медленных вдохов помогли немного прийти в себя. Ладони всё ещё дрожали, а в груди оставалась тяжесть, но дышать наконец стало легче.

Уже что-то.

Хотя ситуация всё равно была настолько хреновой, что хо-

телось засмеяться.

До этого в голове по кругу крутились слова физиотерапевта, тренера и отца, и каждый из них каким-то своим способом умудрился объяснить мне, насколько сильно я всё похерил.

Тебе нельзя играть.

Ты не должен был продолжать через боль.

Мы столько в тебя вложили, Круз.

Ты сам всё испортил.

А теперь эти голоса наконец затихли, уступив место тяжёлой усталости. Я откинулся на сиденье, прикрыл глаза и попытался хотя бы немного прийти в себя. После удара в голове неприятно гудело. Хотелось хотя бы несколько минут тишины, чтобы собраться с мыслями и понять, какого чёрта вообще произошло, но за окном вдруг раздался стук.

— Эй! Вы в порядке?

Кто бы там ни был, сейчас мне меньше всего хотелось с кем-то разговаривать. Раздражение вспыхнуло мгновенно: тот, кто умудрился устроить это именно здесь и именно сейчас, мог бы хотя бы не лезть ко мне с расспросами.

Я медленно открыл глаза, но даже не повернул головы. Может, если не отвечать, она поймёт намёк и наконец оставит меня в покое. Но хрена с два.

— Простите меня! Я... я так виновата. Вы в порядке?

Она не затыкалась. Вообще. Её голос то становился тише, то снова взвинчивался, а через стекло продолжали доносить-

ся новые удары ладонью.

— Чёрт, простите, я отвлеклась всего на секунду. Всего на одну секунду. Я не хотела... Пожалуйста, откройте. Вы меня слышите?

Слышу. К сожалению, слишком хорошо.

Я провёл ладонью по лицу и стиснул зубы, пытаясь не сорваться. В голове и без неё был полный бардак, а эта девчонка, похоже, решила добить меня собственным потоком извинений.

— Вам нужна медицинская помощь? — снова спросила она.

Только после этого я повернул голову и посмотрел на неё. Она пыталась разглядеть меня через стекло, прикрывая глаза ладонями от отражения, и выглядела так, будто всерьёз боялась обнаружить внутри труп.

Мне не нужна была помощь. По крайней мере, пока. Меньше всего хотелось, чтобы сейчас приехали копы, следом скорая, начались вопросы, мигалки, объяснения и весь этот грёбаный цирк, который окончательно добил бы остатки моего терпения. После такого вечера мне хотелось только одного — чтобы меня оставили в покое хотя бы на несколько минут.

Я нажал кнопку и опустил стекло ровно настолько, чтобы она услышала мой голос.

— Какого хрена тебе от меня надо? Отвали.

Она отшатнулась, будто я действительно собирался её уда-

рить, а я тут же поднял стекло обратно, отрезая её голос вместе со всем остальным, что происходило снаружи. Но тишины мне всё равно не досталось.

— Пожалуйста, давайте разберёмся сами! Я всё выплачу! — донеслось уже через закрытое окно.

Пусть выплачивает. Если ей от этого станет легче, пусть хоть новую машину мне покупает. Сейчас мне было абсолютно плевать на деньги, повреждения и даже на то, во сколько обойдётся этот грёбаный вечер. Хотелось только, чтобы она наконец замолчала.

И она действительно замолчала.

Правда, ненадолго.

Сначала снаружи послышался глухой удар, потом ещё один — уже заметно сильнее. Я открыл глаза и повернул голову к окну. Девушка стояла возле своей машины и со всей силы била ладонями по капоту.

— Чёрт! — выкрикнула она, снова ударив по металлу. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Следом она пнула колесо и принялась ругаться, совершенно забыв о моём существовании. Я продолжал смотреть на неё, сначала пытаясь понять, что, мать его, она вообще делает, а потом уже просто потому, что происходящее было настолько абсурдным, что злиться на неё стало почти невозможно.

— Как я могла... — она задохнулась от подступившей злости и снова пнула колесо. — Вляпаться в это грёбаное дерь-

мо?! Когда же этот день уже закончится?!

После этого будто что-то в ней окончательно надломилось. Она тяжело выдохнула и медленно опустилась на землю, прислонившись спиной к своей машине. Несколько секунд сидела неподвижно, закрыв лицо руками.

Я посмотрел на неё в зеркало. Только что она орала на всю улицу, била машину и ругалась так, будто готова была послать к чёрту весь мир, а теперь словно выключилась.

Что, мать его, с этой ненормальной вообще происходит?

В зеркале заднего вида мелькнули синие и красные огни. Следом раздался короткий сигнал, и стало понятно, что к месту столкновения наконец кто-то подъехал.

Я медленно выдохнул, уже понимая, что отсидеться в машине не получится. Хотелось просто закрыть глаза, переждать ещё немного и позволить этому грёбаному вечеру закончиться без моего участия, но теперь придётся как минимум объяснить копам, что произошло.

Полицейский вышел из машины и направился к девушке, сидевшей на асфальте с опущенной головой. Остановившись возле неё, офицер что-то спросил. Девушка подняла голову и посмотрела на него таким потерянным взглядом, будто не сразу поняла, что обращаются именно к ней. Он достал блокнот и оглядел место столкновения. Отлично. Сейчас начнётся.

Оставаться в стороне больше не имело смысла. Через пару секунд начнутся вопросы, а она, судя по её виду, вряд ли

сможет толком связать два слова. Да и в аварии участвовали мы оба, так что просто сидеть в машине и ждать, пока всё решится без меня, было бы совсем идиотски.

Я отстегнул ремень, открыл дверь и выбрался наружу. Холодный воздух сразу ударил в лицо, и только теперь я почувствовал, насколько душным успел стать салон. После нескольких часов за рулём тело затекло, и каждое движение давалось с неприятным усилием.

Подойдя к офицеру, я остановился и бросил короткий взгляд на девушку.

— Какие-то проблемы?

Мужчина повернулся ко мне, и только тогда я его узнал. Отец Люка Эмерсона, одного из наших основных лайнэкеров. Судя по тому, как он на несколько секунд задержал на мне взгляд, он тоже меня узнал.

Чёрт. Ну хоть в чём-то мне сегодня повезло.

— Я понимаю, как всё это выглядит, — сказал я. — Но здесь не всё так однозначно.

— И как же, по-твоему, я должен всё это воспринимать, Круз? — Он перевёл взгляд на тёмные следы торможения, оставшиеся за машиной девушки, задержался на них на пару секунд, а затем снова посмотрел на меня.

— Она моя девушка, — сказал я, кивнув в её сторону. — Мы сегодня немного поссорились. Я ехал впереди, она следовала за мной. Хотел остановиться и нормально с ней поговорить, но всё пошло немного не так.

Девушка удивлённо уставилась на меня, опираясь рукой о машину. Её взгляд метнулся от меня к офицеру и снова вернулся ко мне, будто она пыталась понять, как я вообще умудряюсь с таким спокойным лицом рассказывать эту новую версию событий после того, как буквально пять минут назад послал её к чёрту.

— Немного поссорились? — переспросил Эмерсон, явно удивлённый моим определением происходящего.

— Мы хотели поговорить и всё нормально решить. Но я резко остановился, она отвлеклась и не успела затормозить. Скорость уже почти сбросила, поэтому удар получился не сильным.

Я едва заметно качнул головой, давая ей понять, что сейчас лучше подыграть. Судя по тому, как она смотрела на меня, легче было бы снова въехать в мою машину.

Офицер ещё несколько секунд молча осматривал обе машины, после чего перевёл взгляд на меня.

— Кто-нибудь пострадал?

— Нет.

— Вам нужна медицинская помощь? — спросил он, переводя взгляд на девушку.

Она быстро покачала головой и обхватила себя дрожащими руками, пытаясь согреться. Тонкая майка почти не защищала от вечернего холода, и глубокий вырез невольно привлекал взгляд. Видимо, она сама только сейчас поняла, что выскочила из машины, даже не подумав о куртке.

— Хорошо. Тогда ещё один вопрос, — Эмерсон снова обратился ко мне. — Ты собираешься подавать заявление или требовать возмещения ущерба?

— Нет, — ответил я почти сразу. — Не собираюсь. Машина застрахована, повреждения незначительные. Мы сами всё решим.

Офицер нахмурился, ещё раз посмотрел на машины, будто проверяя, действительно ли всё настолько просто, как я пытаюсь представить.

— А вы? — спросил он уже её. — Вы тоже не хотите никаких претензий?

Она открыла рот, но ответить сразу не смогла. Только перевела взгляд на меня, и по её лицу было ясно, что сейчас она либо пошлёт мою замечательную версию событий куда подальше, либо всё-таки решит не усугублять ситуацию.

— Нет, — наконец выдавила она. — Я тоже не хочу никаких претензий.

Эмерсон кивнул и ещё раз окинул взглядом обе машины.

— Хорошо. Если никто не пострадал и вы оба не собираетесь подавать заявления, я не вижу смысла усложнять ситуацию. Только уберите машины с проезжей части — вы создаёте помеху движению.

— Конечно, — ответил я.

Он ещё раз посмотрел на нас обоих, словно хотел убедиться, что мы действительно поняли друг друга, после чего направился обратно к своей машине. Уже взявшись за ручку

водительской двери, он вдруг обернулся ко мне.

— Кстати, неплохая игра была в пятницу, Круз. Особенно в третьей четверти, когда вы перехватили инициативу и дожали соперника.

— Спасибо, мистер Эмерсон, — усмехнулся я.

— В следующий раз только постарайся не заставлять меня нервничать так сильно.

Он кивнул в сторону моей машины, после чего сел в патрульную машину. Двигатель тихо зарычал, и через несколько секунд автомобиль тронулся, оставляя нас посреди почти пустой улицы.

Я проводил патруль взглядом и только потом повернулся к ней. Судя по выражению её лица, благодарить меня за спасённую от копов задницу она явно не собиралась.

— Ты совсем охренел?

— Ну конечно, — я усмехнулся в сторону. Именно этого я и ожидал.

— Я твоя девушка?

— Ты сама слышала, что я сказал.

— Нет, я слышала, какой бред ты ему наговорил! — Она всплеснула руками. — Мы поссорились? Я не заметила твою машину? Серьёзно?

Я потёр лицо ладонями, чувствуя, как раздражение снова начинает подниматься.

— Давай сначала переставим тачки, а потом нормально поговорим.

Она несколько секунд смотрела на меня, явно пытаясь осмыслить всё произошедшее, затем перевела взгляд на машины.

— Какого хрена вообще... — выдохнула она и направилась к своей.

Я пошёл следом, и только теперь, оказавшись рядом, нормально рассмотрел её машину. Старый «Шевроле Камаро». Чёрт, тачка действительно была крутой. Не новенькая игрушка с салона, а настоящий старый автомобиль, за которым явно ухаживали и который не просто так оказался в её руках.

Я задержал на нём взгляд, пока она не обернулась.

— Что?

— Ничего, — бросил я и отвернулся.

Забравшись обратно за руль, я завёл двигатель и переставил джип ближе к бордюру. К счастью, всё это произошло не в людном месте. Меньше всего мне хотелось потом в понедельник объяснять кому-нибудь в школе, какого хрена моя машина получила по заднице посреди улицы.

Заглушив мотор, я вышел и обошёл машину. Задний бампер с правой стороны просел, пластик треснул, а на краске осталась широкая полоса от удара. Я поморщился. Хреново. Но с этим можно было разобраться завтра.

Сейчас больше всего меня напрягала она.

Девушка резко затормозила у бордюра, заглушила двигатель и, прежде чем выскочить наружу, потянулась за курткой, валявшейся на пассажирском сиденье. Захватив её, она

захлопнула дверь и уже на ходу принялась натягивать потёртую кожанку на плечи.

Я стоял у своей машины, наблюдая за ней в круге света от единственного фонаря. Тусклый свет подчёркивал резкие черты её лица, а светлые глаза на секунду поймали отсвет, когда она посмотрела прямо на меня. Половина лица тонула в тени, но даже так от неё веяло какой-то дикой, несгибаемой энергией. В ней вообще не было ничего от тех правильных девчонок, которых я привык видеть вокруг.

В ней было что-то до невозможности дерзкое. Даже сейчас, после всей этой истории, она смотрела на меня так, будто это я испортил ей вечер и теперь ещё обязан за это ответить.

Я точно знал, что раньше никогда не видел её в этом городе.

— Ну что, уже оценил ущерб? — спросила она, застёгивая куртку. — Сколько я тебе должна? Давай только побыстрее, ладно? Я вообще-то должна была приехать ещё час назад.

— Ещё пятнадцать минут назад ты чуть ли не умоляла меня простить тебя. А теперь уже торопишь, будто это я задерживаю тебя. Не многовато ли ты на себя берёшь? Это не я тебя в зад поцеловал, — я усмехнулся, глядя на неё.

Она выдохнула с таким видом, будто мои слова её уже порядком утомили, и запустила пальцы в волосы, зачесывая их назад.

— Круз... Кажется, так тебя назвал тот коп.

Я кивнул.

— Зачем тогда вообще было придумывать эту несусветную сказку про наши отношения, если ты сейчас сам всё только усложняешь? Я думала, ты хотел, чтобы мы быстро разобрались и разъехались.

— Несусветную? — переспросил я, зацепившись именно за это слово.

— Да, несусветную, — она закатила глаза и засунула руки глубже в карманы куртки. — Или ты правда собираешься сейчас обсуждать именно это?

— Нет.

— Вот и отлично. — Она на секунду прикрыла глаза, будто собирала последние остатки терпения. — Я чертовски устала. Давай просто обменяемся номерами, а когда узнаешь, во сколько обойдётся ремонт, напишешь мне. Я всё оплачу.

Она бросила взгляд на мою машину, задержавшись на повреждённом бампере, и уже собиралась отвернуться, но вдруг замерла. Несколько секунд смотрела куда-то мне за спину, а потом снова перевела взгляд на меня.

— Хотя постой.

Я чуть приподнял бровь. Судя по её выражению лица, она передумала. И почему-то мне уже не нравилось, что именно пришло ей в голову.

— С какого хрена ты вообще выставляешь меня виноватой? — возмутилась она.

— Потому что ты в меня въехала, — огрызнулся я.

— А ты стоял посреди дороги.

— И? — я вопросительно посмотрел на неё.

— И аварийка у тебя была выключена.

Она развернулась и указала мне за спину. Я проследил за её рукой и только тогда заметил знак, на который раньше даже не посмотрел: остановка запрещена.

Сунув руки глубже в карманы куртки, девушка совершенно спокойно посмотрела на меня.

— Я передумала. Ничего тебе выплачивать не буду.

На губах сама собой появилась усмешка. Ещё минуту назад она готова была отдать мне хоть последние деньги, лишь бы поскорее закончить этот кошмар, а теперь нашла один дорожный знак и с такой уверенностью перевернула всю ситуацию, будто только что выиграла дело в суде. Вот это, мать его, самооценка.

Я сделал шаг к ней, сокращая расстояние до нескольких дюймов. Свет фонаря падал прямо на её лицо, и теперь я мог разглядеть россыпь бледных веснушек на переносице и серо-голубые глаза, которые совершенно не вязались с её наглой физиономией.

Конечно. У такой бестии должны быть глаза ангела. Какая, мать её, ирония.

— Знаешь, что ты сейчас должна сделать? — спросил я, не отводя взгляда.

— Что? — Она вскинула подбородок, но отступать не ста-

ла.

— Поблагодарить меня.

На её лице на секунду появилось искреннее недоумение, будто она не могла решить, шучу я или действительно настолько охренел.

— За то, что я избавил тебя от лишних проблем, — я чуть подался вперёд, заставляя её запрокинуть голову, чтобы продолжать смотреть мне в глаза. — Если бы Эмерсон понял, что ты для меня никто, он бы начал задавать вопросы. Сначала заставил бы тебя дышать в трубку, а потом, глядя на твоё состояние, вполне мог отвезти в участок и устроить проверку на наркотики.

— Я не пила, — нахмурилась она.

— Конечно, — усмехнулся я. — Тогда ты просто по жизни такая... того?

Её глаза округлились от возмущения, и в следующую секунду она со всей силы толкнула меня ладонью в грудь.

— Ты совсем охренел? Я ничего не принимала.

Я провёл ладонью по груди там, где только что лежала её рука, скорее из-за неожиданного ощущения её прикосновения, чем от боли, и усмехнулся.

— Тогда дала бы ему проверить.

— Ты вообще слышишь, какой бред несёшь? — Она вскинула руку, перебивая меня. — Я всего лишь врезалась в твою машину. С чего вдруг меня должны были куда-то тащить?

— Потому что пять минут назад ты колотила по своей ма-

шине и посылала всё вокруг к чёрту, — напомнил я. — А сейчас стоишь передо мной и делаешь вид, будто ничего особенного не произошло. То тебя несёт на эмоциях, то ты уже совершенно спокойная. Не знаю, как у тебя там всё устроено, но со стороны это выглядит довольно хреново.

Она уставилась на меня, а потом коротко усмехнулась, явно не веря собственным ушам.

— Серьёзно? Ты сейчас решил поговорить со мной о том, как я себя веду? — Она сделала шаг ближе. — Может, сначала объяснишь, какого хрена вообще остановился посреди дороги? Что с тобой не так? В штаны наложил, пока ехал, или настолько срочно понадобилось устроить эту грёбаную драму посреди улицы?

Я сжал челюсть, но она не собиралась останавливаться.

— Сидел в своей тачке и наблюдал, как я разваливаюсь на хрен, будто это какое-то шоу. Так какого чёрта ты вообще сейчас рассказываешь мне, насколько я эмоционально нестабильная? Если тебя так беспокоило моё состояние, мог выйти. Мог спросить, нужна ли мне помощь. Но нет, ты предпочёл сидеть за стеклом и пялиться.

Она резко выдохнула и покачала головой.

— Так что оставь свои диагнозы при себе, Круз. Ты понятия не имеешь, что со мной происходит. И, судя по сегодняшнему вечеру, со своими проблемами тебе бы самому неплохо сначала разобраться.

Сунув руки в карманы куртки, она отвернулась. На этом,

похоже, разговор был закончен. Девушка направилась к своему «Камаро».

— Эй! Мы вообще-то не договорили, — бросил я, двинувшись следом.

Открыв водительскую дверь, она наклонилась внутрь и некоторое время что-то искала под сиденьем. Наконец выпрямилась, захлопнула дверь и осталась на месте, уставившись в экран телефона.

Я не видел, что там было, но успел заметить, как с её лица исчезло то упрямое выражение, с которым она только что спорила со мной. Взгляд потускнел, губы едва заметно дрогнули, и на мгновение она выглядела настолько расстроенной, что я невольно перестал усмехаться.

Потом она быстро заблокировала экран и на секунду задержала взгляд где-то в стороне, словно пожалела, что вообще полезла в телефон. Почти сразу лицо снова стало безразличным. Остановившись напротив, она протянула мне телефон.

Я посмотрел сначала на её ладонь, потом ей в глаза.

— Серьёзно?

— Более чем, — она чуть качнула телефоном, не убирая руки. — Давай закончим этот вечер с максимальной пользой для твоего самолюбия. Скинешь мне сумму, которую насчитает ремонт, и я переведу деньги. После этого забудем о существовании друг друга.

Она на секунду задержала на мне взгляд.

— Если, конечно, ты не собираешься ещё и моральный ущерб за собственную драму посчитать.

Я потёр шею и покачал головой, не удержавшись от короткого смешка. Похоже, спорить с этой девушкой можно было до самого утра и всё равно остаться виноватым. Пришлось признать хотя бы одно: язык у неё работал быстрее, чем тормоза.

Достав телефон из кармана, я протянул его ей. Она поднесла свой к моему, и через несколько секунд на экране появилось подтверждение обмена контактами. Я уже собирался убрать телефон, когда открылся её контакт.

Первым делом внимание приковало фото. Чёрно-белый кадр, где она запечатлена вполоборота: чуть опущенное плечо, рассыпанные по коже пряди и этот невыносимо прямой, пронизывающий насквозь взгляд, от которого даже на пикселях внутри трепетало что-то внизу живота. Чёрт, она была красивой.

Я завис на этом снимке чуть дольше положенного, а потом лениво скользнул взглядом ниже, к имени.

Шей Делейни.

Я беззвучно прокатал имя на языке, пробуя его на вкус, будто заучивая наизусть. Подняв глаза, я посмотрел на неё. Она в этот момент тоже изучала что-то на своём телефоне, явно проверяя, сохранился ли мой контакт.

— Шей, значит, — выдохнул я тихо, давая имени повиснуть между нами.

Она вскинула ресницы, поймав мой взгляд, на секунду замерла, а потом лениво, с вызовом отсалютовала двумя пальцами от виска и наконец развернулась к своей тачке.

Я улыбнулся, с ленцой наблюдая, как она направляется к своему «Камаро» в шортиках-убийцах, которые явно не оставляли равнодушными никого в радиусе мили, и неторопливо развернулся к своему потрёпанному джипу.

На экране всё ещё оставалось её имя.

Шей Делейни.

Странно, но мысль о том, что это имя останется всего лишь очередным контактом, который когда-нибудь затеряется среди сотен других, почему-то не нравилась мне. Я ещё не знал, что с этим делать, да и разбираться не собирался. Но одно уже было очевидно: её номер в моём телефоне появился вовсе не ради денег.

Глава 3

Шей

Я припарковалась перед домом Уинслоу и несколько секунд просто сидела за рулём, не спеша глушить двигатель. Пока я оставалась в машине, можно было делать вид, что это всё ещё временная остановка, очередной короткий этап пути. Стоило открыть дверь — и пришлось бы признать очевидное: следующие несколько месяцев мне действительно предстояло провести здесь.

Наконец я выключила двигатель и взяла с пассажирского сиденья телефон. Последним сообщением от матери было короткое: *Хайди ждёт тебя. Не задерживайся.*

Разумеется.

Ни «Как ты доехала?», ни «Ты в порядке?», ни даже раздражённого «Почему ты не отвечаешь?». Только Хайди. Как будто единственное, что действительно имело значение, —

сколько времени её сестра проведёт в ожидании.

Я усмехнулась про себя и убрала телефон в карман. До сих пор не понимала, каким образом одна попытка проверить входящее могла закончиться разбитым бампером, полицейским, незнакомым парнем с отвратительно самоуверенной улыбкой и моим обещанием оплатить ремонт его машины. Причём последнее до сих пор казалось самым нелепым пунктом во всём этом списке.

Дверь хлопнула за спиной, и взгляд сам поднялся к дому, освещённому тёплым светом фонаря над крыльцом.

Он был именно таким, каким я его запомнила: аккуратный фасад, подстриженный газон, безупречно чистые окна — ни одной детали, способной нарушить эту тщательно выстроенную картинку. Даже в полумраке дом выглядел так, будто всё здесь заранее знало своё место и не собиралось с него сдвигаться.

Наверное, для кого-то такой дом означал уют. Для меня он всегда был связан с порядком, которого от меня ждали, и жизнью, в которой слишком многое уже решено за тебя.

Открыв багажник, я вытащила чемодан и закинула рюкзак на плечо. После нескольких часов дороги руки уже ныли, а единственное, чего мне хотелось, — принять душ, закрыть за собой дверь и хотя бы ненадолго оказаться в тишине. До неё оставалось метров десять.

Подтащив чемодан к дорожке, я направилась к крыльцу. Дверь открылась ещё до того, как я успела поставить ногу на

первую ступеньку, и на пороге появилась Хайди.

Я остановилась на мгновение, разглядывая её. Она выглядела гораздо старше, чем я её помнила. Не столько из-за морщин или седины — ничего такого. Просто в ней появилось что-то тяжёлое, чего раньше не было. Взгляд стал строже, движения — медленнее, а идеально уложенные волосы и безупречно сидящая домашняя одежда только подчёркивали, насколько тщательно она привыкла держать под контролем собственную жизнь.

Младшая сестра моей матери. Когда-то мне казалось странным, насколько они разные. Теперь я, кажется, понимала почему. Возможно, годы, проведённые в одном доме, где главным событием дня становилось возвращение мужа с работы, действительно способны состарить женщину быстрее, чем сама жизнь.

Хайди скрестила руки на груди и посмотрела сначала на меня, потом на чемодан. Помогать она явно не собиралась, поэтому я молча потащила его дальше, пока колёса глухо не застучали по ступеням. Только когда багаж оказался на крыльце, она наконец заговорила:

— Я ждала тебя два часа назад.

Выпрямившись и поправив сползший с плеча рюкзак, я почувствовала, что запас терпения на сегодня окончательно закончился. Впрочем, сил на очередной спор тоже не осталось, поэтому ответ прозвучал на удивление спокойно:

— Не знала, что у меня заселение было назначено на опре-

делённое время, Хайди.

Несколько секунд она молча смотрела на меня, словно решая, стоит ли вообще отвечать на эту колкость. В итоге лишь отступила в сторону, освобождая проход.

Подхватив чемодан, я вошла в дом. Хайди закрыла дверь у меня за спиной, а затем обернулась и снова окинула меня взглядом — теперь уже медленно, с головы до ног. От этого взгляда почему-то захотелось проверить, не испачкалась ли я где-нибудь по дороге.

— Твоя мать, возможно, слишком многое тебе позволяла, Шей, но я не стану, — произнесла она наконец. — То, что она попросила меня приютить тебя до конца учебного года, ещё не означает, что здесь ты сможешь приходить и уходить когда тебе вздумается. Я не собираюсь закрывать глаза на то, что ты делала у себя дома.

Она выдержала короткую паузу, а затем добавила уже жёстче:

— И можешь даже не рассчитывать, что здесь тебе удастся продолжить тот путь, по которому ты шла в Кливленде. Я прекрасно осведомлена о том, из-за чего именно тебе пришлось покинуть город, и не позволю повторить это здесь.

Я несколько секунд смотрела на неё, пытаясь понять, в какой момент моя жизнь успела превратиться в чужую версию событий, о которой все почему-то знали больше меня. Если бы мать действительно рассказала ей причину моего внезапного переезда, Хайди вряд ли сейчас стояла бы передо мной

с таким выражением лица, будто я была куском грязи, случайно занесённым на подошве в её идеально чистый дом.

— И что же Элейн успела тебе рассказать обо мне? — спросила я с неподдельным недоумением.

— Достаточно, чтобы понимать, какую компанию ты себе нашла, — Хайди скрестила руки на груди.

— Ну конечно, — усмехнулась я, закатив глаза.

— Я серьёзно, Шей, — перебила она меня, шагнув ближе и ткнув пальцем мне в грудь. — Если я узнаю, что ты хоть как-то повлияла на Дейзи, обидела её или втянула в свои грязные дела, ты об этом пожалеешь.

Она убрала руку, и её взгляд скользнул в сторону кухни.

— Ужин уже остыл, если…

— Я не голодна, — перебила я её.

Хайди поджала губы, но спорить не стала.

— Элейн уже уладила все формальности с переводом, так что завтра поутру ты отправляешься в школу. Без обсуждений, — она качнула подбородком в сторону лестницы. — Твоя комната рядом с комнатой Дейзи. Поднимайся.

Я уже взялась за ручку чемодана, когда она добавила:

— И тебе стоит быть благодарной за то, что твоя мать выбрала для тебя мой дом, а не реабилитационный центр для малолетних.

Пальцы сильнее сжали ручку чемодана. На секунду мне захотелось обернуться и сказать ей всё, что я думаю о её гостеприимстве, но я заставила себя промолчать. После сего-

дняшнего дня меньше всего хотелось устраивать ещё один скандал.

— Обязательно, — бросила я через плечо. — Уже чувствую себя невероятно благодарной.

Я подхватила чемодан и потащила его наверх. Эта чёртова махина неприятно тянула руку, и на каждом шаге приходилось перехватывать ручку, чтобы не шарахнуть чемоданом по ступенькам. Будь Колин ещё внизу, он наверняка помог бы мне с ним, но, похоже, уже ушёл отдыхать.

И я, пожалуй, была этому даже рада. Колин был приятным мужчиной — таким же добрым, каким воспитал Дейзи. В нём не было этой тяжёлой, оценивающей манеры Хайди, от которой хотелось одновременно выпрямиться и исчезнуть. Если на её мнение мне было плевать, то его одобрение почему-то значило больше. Наверное, поэтому мне совсем не хотелось однажды поймать на себе его взгляд и увидеть там разочарование.

Я прошла мимо комнаты Дейзи и невольно замедлила шаг. Из-за приоткрытой двери доносилась приглушённая музыка — тот самый сахарный, глянцевый поп, под который обычно красят ногти перед вечеринкой. Сабрина Карпентер или кто-то в этом духе. Учитывая фанатичную любовь кузины к подобным трекам и её неукротимые кудри, иногда и правда казалось, что перед нами домашняя, но чертовски обаятельная копия какой-нибудь поп-дивы.

Она, скорее всего, даже не знала, что я уже приехала,

и, наверное, так было даже лучше. Дейзи была всего на несколько месяцев младше меня. Мы практически выросли вместе — делили семейные праздники, Рождество и Дни благодарения. И все те бесконечные вечера, которые наши родители считали своей священной обязанностью. Теперь мы обе заканчивали выпускной класс, только её последний год проходил в привычном доме, среди привычных людей, а мой внезапно превратился в какую-то странную ссылку с неопределённым сроком окончания.

Я задержалась возле её двери ещё на секунду, но стучать не стала.

Не потому, что не хотела её видеть. С ней всё было иначе, и если бы кузина сейчас распахнула дверь и, как обычно, начала рассказывать какую-нибудь ерунду, которая через пять минут заставила бы меня забыть о собственном плохом настроении, я, возможно, даже была бы ей благодарна. Просто сегодня у меня не осталось ни малейшего желания объяснять, что произошло и почему мне вдруг понадобилось жить в доме её родителей. Иногда проще дать человеку самому придумать удобную версию, чем пытаться разобрать правду на части, когда ты и сама ещё не понимаешь, куда деть каждую из них.

Зайдя в комнату, я сразу заперла дверь. Яркий верхний свет безжалостно высветил всё то, на что я предпочитала не смотреть: заправленную кровать, пустой письменный стол и уродливые занавески, которые будто специально подобрали,

чтобы окончательно испортить комнату. Я скинула рюкзак и села на край матраса, прямо в обуви. Тело после дороги ломило, голова гудела, а перспектива раскладывать вещи по чужим полкам казалась личным оскорблением.

Я уставилась на чемодан с совершенно идиотской надеждой: если не расстёгивать молнию, можно притворяться, что я здесь всего на пару дней. Будто утром мать позвонит и скажет, что всё отменяется, что Хайди передумала и больше не собирается пускать меня под свою крышу, а я смогу вернуться туда, откуда уехала. Не потому, что там меня кто-то ждёт или потому, что мне есть куда возвращаться, а просто потому, что тогда хотя бы не придётся привыкать к мысли, что теперь моя жизнь выглядит именно так.

Ладони сами собой скользнули по лицу, и я тяжело выдохнула. Больше всего злило даже не то, что меня отправили прочь, словно от меня нужно было избавиться, и не предвзятый взгляд Хайди, которая уже успела составить обо мне собственное мнение. Бесило другое — эта вечная привычка матери заворачивать всё в красивые слова, будто за каждым её решением обязательно стояла забота обо мне.

Мать могла сколько угодно распинаться о том, что так будет лучше для всех, говорить про выпускной, диплом и колледж, но я слишком хорошо её знала, чтобы верить в эту сказку. Иногда проще было назвать это заботой, чем признать очевидное: ей хотелось, чтобы проблема исчезла из дома. Чтобы всё снова стало как прежде, чтобы можно было

жить дальше, будто ничего не изменилось. А вместе со мной отпала бы и необходимость делать выбор, которого я от неё так и не дождалась.

Откинув голову на покрывало, я тупо уставилась в белый потолок. Стоило закрыть глаза, как я снова вспоминала его лицо и то, с какой уверенностью он говорил, будто имел полное право указывать мне, что думать и как себя вести.

Чёрт. Этот парень умудрился довести меня до такого состояния, что я сама себя едва узнавала. Ещё немного — и я бы, наверное, снова начала орать прямо посреди дороги. А ему, похоже, было совершенно плевать. Он посмотрел на меня как на какую-то психованную дуру, которая не умеет держать себя в руках.

Я усмехнулась и закрыла глаза.

Великолепно. Первый день ещё даже не закончился, а я уже успела показать себя совершенно незнакомому парню с худшей стороны.

И почему-то больше всего раздражало, что мне было совсем не всё равно, какое впечатление я на него произвела.

Я проснулась от какого-то шороха возле кровати.

Несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь понять, где нахожусь, пока память не вернула меня к вчерашнему вечеру. Настроение, и без того паршивое, стало ещё хуже.

Приподнявшись на локте, я увидела знакомую светлую кудрявую макушку, склонившуюся над моим чемоданом. Я слегка откашлялась, и Дейзи тут же обернулась.

— Шей! Ты проснулась! — радостно пропела она, поднимаясь с колен.

Дейзи уселась прямо на край кровати, аккуратно складывая мою кофту. Я подняла на неё удивленный взгляд.

— Я зашла разбудить тебя и увидела, что ты так и не разобрала чемодан, — пояснила она с мягкой улыбкой. — Не хочу, чтобы ты опоздала в школу в первый же день из-за всей этой возни с вещами. Решила немного помочь.

Я встала с кровати и подошла к чемодану. Он уже почти опустел — большая часть вещей была аккуратно разложена по полкам. Но стоило мне повернуться к Дейзи, как я заметила, что она вдруг смущённо опустила взгляд, уставившись на свои ладони.

— Ты чего? — нахмурилась я.

Она покраснела ещё сильнее и едва слышно пробормотала:

— Твоё бельё...

Стоило мне опустить взгляд на себя, как до меня наконец дошло, что именно так смутило Дейзи: на мне было то самое бельё в сетку, которое не оставляло абсолютно никакого ме-

ста для воображения.

Я выдохнула, схватила худи, которое Дейзи уже успела аккуратно сложить и убрать в комод, и подошла к ней.

— Дейзи, ты просто невероятно милая, — я мягко коснулась губами её щеки и направилась к ванной. — И я так рада тебя видеть.

— И я тебя! — радостно отозвалась она. — Ждём тебя на завтраке. Не задерживайся!

Я быстро приняла душ — в основном для того, чтобы не испытывать терпение Хайди ещё до завтрака. Желудок неприятно напомнил о себе, и я только тогда сообразила, что последний раз нормально ела вчера утром. Отличное начало новой жизни, Шей.

Натянув худи поверх майки, я нашла в комоде другие колготки, надела шорты и свои старые, порядком потрёпанные «Мартинсы». Возиться с волосами не хотелось совершенно, поэтому я собрала их в небрежный узел, даже не пытаясь разобраться со спутанными прядями. Выглядела я, скорее всего, так, будто ночь провела не в постели, а в каком-нибудь придорожном мотеле, но сегодня меня это волновало меньше всего.

Я ещё раз окинула себя взглядом в зеркало, поправила край худи и, решив, что для первого школьного дня после всего случившегося и так сойдёт, вышла из комнаты.

На лестнице уже тянуло кофе, а снизу доносились голоса. Я бросила рюкзак у двери и прошла на кухню. Колин сидел

за столом, неторопливо попивая кофе и пролистывая новости на планшете, пока Хайди собирала для Дейзи ланч-бокс. Сама Дейзи в это время уплетала вафлю, щедро поливая её кленовым сиропом.

Настоящая семейная идиллия. Чужая, идеальная картинка, к которой я никакого отношения не имела.

Раздражение, которое успело немного отступить после душа, снова неприятно шевельнулось внутри. Все трое обернулись на меня, и Хайди лишь скользнула по мне холодным взглядом, без слов давая понять, что с моим внешним видом она, похоже, никогда не смирится.

Колин, впрочем, только мягко улыбнулся и отложил планшет. В его волосах уже серебрилась густая седина, но сам он, не будучи крупным, сохранил подтянутое, спортивное телосложение человека, который привык держать себя в форме.

— Доброе утро, милая. Иди сюда. Как ты? — негромко позвал он.

— Доброе утро, — я подошла к столу, останавливаясь на безопасном расстоянии.

— Прости, что вчера тебя не дождался, — Колин виновато потёр переносицу. — Засиделся с рукописью, которую нужно было отправить в печать. К полуночи глаза уже слипались, так что я вырубился прямо на диване в кабинете. Как устроилась-то? Всё нормально?

— Ничего страшного, Колин. Я в порядке, — ответила я, пряча руки в карманы худи.

Он улыбнулся краешком рта, будто действительно мне поверил, и в этой его привычной мягкости было что-то до боли знакомое. Наверное, именно поэтому находиться рядом с ним мне всегда было чуть проще, чем выносить ледяной контроль Хайди — несмотря на то, что он даже не был мне кровным родственником и не обязан был меня любить.

Хайди молча поставила передо мной тарелку. Я кивнула ей в знак благодарности и села рядом с Дейзи. Колин тут же подлил мне в стакан сока, а я спокойно взялась за завтрак, время от времени поглядывая на них.

— Ты ведь уже определилась с колледжем, Шей? — спросил Колин, снова берясь за планшет.

— М-м-м, — кивнула я, продолжая есть.

— Заявку уже отправила?

— Почти. Всё заполнила, осталось только закончить пару вещей, — ответила я, проглотив кусок и потянувшись за стаканом.

— Это хорошо. Там ведь скоро дедлайн на раннюю подачу, разве нет?

— Да. В конце месяца, — ответила я, поставив стакан обратно.

— Значит, осталось совсем немного, — Колин посмотрел на меня поверх планшета.

— Я в курсе.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся он, но спорить со мной не стал.

Я снова взялась за вилку, спокойно продолжая завтрак.

Колин отложил планшет и поднялся из-за стола, чтобы взять кувшин с кофе. Наполнив чашку, он облокотился о столешницу и посмотрел на меня.

— Я видел, ты приехала на своей машине. Впечатляет. Шестьдесят девятый?

— Да, — я потёрла нос, глядя в окно.

— Хорошая машина, — с одобрением протянул он. — Редко встретишь такую в таком состоянии.

Хайди, до этого молча сидевшая напротив, перевела взгляд на меня.

— Я до сих пор не понимаю, как Элейн могла позволить тебе забрать её, — произнесла она, складывая салфетку рядом с тарелкой. — Ты вообще представляешь, сколько она стоит?

Улыбка сама собой исчезла.

— Отец всегда хотел, чтобы она была моей, — ответила я, стараясь говорить спокойно, хотя голос всё равно прозвучал резче, чем хотелось. — Не Элейн решать, кому её отдавать.

Хайди уже открыла рот, явно собираясь что-то возразить, но Колин опередил её. Всего один короткий взгляд в её сторону — спокойный, почти незаметный. Этого хватило.

Она поджала губы и промолчала.

Я снова посмотрела на тарелку. Не хотелось превращать обычный завтрак в очередной разговор о моём отце. Особенно сейчас.

— Раз уж у нас в семье появился ещё один водитель, — Колин снова опустился на стул, устраивая планшет на коленях, — может, тебя не затруднит подвозить Дейзи до школы?

Хайди даже не дала мне открыть рот.

— Нет, — отрезала она, уже берясь за свою чашку. — Я сама буду возить Дейзи.

— Хайди, — мягко остановил её Колин, но она лишь махнула рукой, не собираясь уступать.

— Я знаю, как Шей водит, — перебила она, бросив в мою сторону короткий взгляд. — И мне этого вполне достаточно.

— Насколько я помню, Шей вполне способна довезти пассажира из точки А в точку Б, — Колин едва заметно улыбнулся, наблюдая за ней поверх края чашки, — и не уничтожить при этом весь штат.

— Очень смешно, — сухо отозвалась Хайди.

— Я ведь прав? — спросил он, уже обращаясь ко мне.

— Вполне, — ответила я, пряча улыбку за глотком сока.

Разумеется, именно в этот момент память услужливо подсунула мне вчерашний вечер.

Вполне.

Если не считать того маленького обстоятельства, что вчера я умудрилась въехать в чужую машину.

Поставив стакан обратно, я мысленно пожелала своему бамперу дожить до ремонта. Если Колин увидит его раньше, придётся придумать что-нибудь убедительнее моего весьма уверенного «вполне».

— Вот и отлично. Значит, решено, — заключил Колин, не оставляя Хайди возможности снова вмешаться.

— Вы всё равно будете выезжать примерно в одно время, — продолжил он, повернувшись к Дейзи. — А так Шей заодно не будет чувствовать себя здесь совсем чужой.

Дейзи до этого молча ковыряла вилкой завтрак, но теперь перевела внимание на меня.

— Да, но у меня ещё тренировки после занятий, — ответила она. — Так что не волнуйся, Шей, обратно я доберусь с подругой.

Она немного замялась, прежде чем продолжить:

— Ты ведь не против, что я поеду с тобой?

— Нет, Дейзи. Я не против, — я улыбнулась ей, отложив вилку. — Я буду только рада, если ты будешь рядом.

На её лице тут же появилась облегчённая улыбка.

— Ну вот, договорились, — Колин хлопнул ладонью по столу. — А теперь давайте, идите, а то ещё опоздаете.

— Я сейчас, рюкзак забыла, — бросила Дейзи, первой выскользнув из-за стола.

Она скрылась в коридоре, а Колин задержался у зеркала, поправляя галстук.

— Я следом, — бросил он, приглаживая узел. — Только как уберёшь свою драгоценность с проезда, а то ты мне весь выезд перекрыла.

— Чёрт, точно, — пробормотала я, вспомнив, как умудрилась припарковаться.

Подхватив свой рюкзак, оставленный на проходе, я закинула его на плечо и направилась к выходу.

Дейзи как раз вернулась и, проходя мимо матери, наклонилась к ней, быстро поцеловала Хайди в щёку.

— Спасибо за завтрак.

— Пожалуйста, милая, — тепло ответила та.

Дейзи улыбнулась и вышла следом за мной, а Колин остался у зеркала, продолжая о чём-то говорить с женой.

Я уже открыла водительскую дверь, когда Дейзи почти бегом догнала меня. Её взгляд сразу зацепился за повреждённую переднюю часть машины, и она резко сбавила шаг.

Несколько секунд она просто смотрела, переводя взгляд с бампера на меня. В её лице постепенно проступило недоумение.

— Шей... что произошло?

Я быстро приложила палец к губам и бросила взгляд в сторону дома.

— Тише, прошу. Твоим родителям об этом знать совсем не обязательно.

— Но...

— Дейзи, пожалуйста.

На этот раз она промолчала. Её взгляд снова метнулся к дому, задержавшись на окнах, за которыми в любой момент мог показаться кто-нибудь из родителей.

Похоже, перспектива объяснять им, откуда на моей машине взялись эти повреждения, тоже не пришлась ей по душе.

Она больше ничего не спросила, лишь быстро открыла пассажирскую дверь и забралась внутрь.

Я села за руль следом, захлопнула дверь и на несколько секунд задержала руки на руле. В салоне повисла странная тишина — слишком тесная для двух людей, которым ещё минуту назад казалось, что обычная поездка в школу будет самым простым событием этого утра.

Дейзи первой потянулась за ремнём безопасности. Щёлкнув замком, она покосилась на меня, но промолчала. Я завела двигатель и тоже пристегнулась.

Мы выехали на дорогу, и Дейзи какое-то время молча разглядывала салон. Её взгляд блуждал по приборной панели, пока наконец не остановился на магнитоле с хромированными крутилками и старой шкалой.

— Боже мой, Шей, — протянула она. — И как ты вообще через это музыку слушаешь?

Я усмехнулась, достала телефон из кармана и, придерживая руль одной рукой, быстро нашла нужный трек. Через несколько секунд *No Surprises* Radiohead мягко зазвучала из динамиков, постепенно заполняя салон.

Дейзи несколько раз моргнула, переводя взгляд с телефона на магнитолу.

— Подожди. Ты сейчас серьёзно включила музыку с телефона через неё?

— А что тебя удивляет? — я покосилась на неё с улыбкой.

— Как это вообще работает? Она же оригинальная!

— Папа не хотел менять её на современную, потому что тогда весь вид салона испортился бы. Ну сама посмотри на эти ручки и шкалу. Представляешь здесь огромный экран?

Дейзи оглядела приборную панель и поморщилась.

— Ладно, да. Это было бы странно. Но как тогда телефон подключается?

— Папа установил внутрь Bluetooth-модуль. Снаружи всё осталось как было, а музыку теперь можно слушать с телефона.

— То есть ты можешь включить здесь хоть что угодно?

— Ага. Музыку, подкасты — всё, что захочешь.

— Твой отец серьёзно заморочился.

— Ещё как, — я улыбнулась, погладив пальцами край руля.

— А ты, я смотрю, тоже в этом разбираешься.

— Да я ещё толком ничего не рассказала, — усмехнулась я. — Ты бы лучше послушала, как она звучит, когда я нажимаю на газ.

Уже почти подъехав к школе, Дейзи тихо спросила, не сводя взгляда со своих рук, лежавших на коленях:

— Шей... это правда, что мама сказала про тебя? Ты действительно вляпалась в неприятности?

Я на секунду скривила губы.

Наверняка Хайди преподнесла всё так, что у Дейзи не осталось ни единого сомнения: я — проблема, от которой лучше держаться подальше.

Конечно, проще всего было назвать меня неудачницей. Слово короткое, удобное и отлично помещается в чужих выводах.

Развивать эту тему сейчас мне совершенно не хотелось. Но и оставлять Дейзи с таким представлением обо мне тоже было неприятно.

Я свернула на парковку и, сбавив скорость, принялась искать свободное место.

— Дейзи, если то, во что я вляпалась, можно назвать неприятностями, — я на мгновение замолчала, выбирая место между двумя машинами, — тогда да. Наверное, можно. Только я оказалась в них не по своей вине. Правда.

Она наконец подняла на меня глаза.

Припарковавшись и заглушив двигатель, я повернулась к Дейзи.

— Но не бери это в голову, хорошо? Со мной всё будет в порядке. Тем более теперь ты рядом, а мне уже от этого както легче, — я улыбнулась ей.

— Я всегда тебя во всём поддержу. Ты ведь моя сестра, — Дейзи протянула руку и накрыла мою ладонь своей. — И, если честно... я предательски счастлива, что ты вляпалась, — тихо добавила она, немного смутившись собственных слов.

Я не сразу поняла, правильно ли расслышала.

— Счастлива?

— Ну не из-за неприятностей, конечно, — поспешила уточнить она, уже смеясь. — Просто мне всегда хотелось,

чтобы сестра была рядом не только на праздники.

От её признания у меня невольно вырвался смех.

— Ты странная, Дейзи.

— Знаю.

Я покачала головой, всё ещё улыбаясь, и, забрав рюкзак с заднего сиденья, выбралась из машины.

Дейзи последовала за мной, захлопнула свою дверь и на секунду задержалась возле машины. Наклонившись к боковому зеркалу, она поправила выбившуюся прядь, пригладила чёлку и только после этого выпрямилась.

— Ну что, идём? — Она кивнула в сторону здания и махнула мне рукой, подзывая за собой.

Я закинула рюкзак на плечо и пошла рядом с ней.

Мы направились к входу вместе, и уже через несколько шагов я поняла, что незаметно здесь точно не останусь.

Школа Оукридж выглядела именно так, как я и ожидала: шумная, оживлённая и наполненная людьми, которые, казалось, знали друг друга целую вечность. Я ещё даже не успела толком рассмотреть здание, а на себе уже почувствовала несколько любопытных взглядов.

Правда, очень быстро стало понятно, что интересовала их не только я.

Несколько парней, стоявших у парковки, обернулись нам вслед и почти синхронно уставились на мою машину. Один даже достал телефон и сделал пару фотографий, после чего что-то сказал друзьям. Те тут же оживились и тоже начали

рассматривать мою Пантеру.

Я едва заметно усмехнулась.

Ну отлично.

Первый день в новой школе ещё даже не начался, а моя машина уже успела обзавестись первыми поклонниками.

Что ж, посмотрим, насколько быстро здесь начнут обсуждать уже меня.

Глава 4

Круз

Ко второй половине занятий я всё-таки добрался до школы — уже само по себе достижение, учитывая, каким дерьмовым успело стать это утро.

Обычно перед школой я успевал загнать себя в зал или хотя бы выйти на пробежку. Это настолько давно стало частью моего распорядка, что я даже не воспринимал это как тренировку — просто ещё один пункт дня, который нужно было выполнить, прежде чем отправиться на занятия. Сегодня вместо этого пришлось ехать с отцом к ещё одному специалисту по спортивной медицине.

После субботнего визита отец решил, что хочет услышать второе мнение. Вчера я продолжал лечение и физиотерапию, а сегодня снова оказался в кабинете человека, который несколько раз попросил меня поднять руку, проверить движения плеча, посмотрел результаты обследований и в итоге

сказал практически то же самое, что я уже слышал раньше.

Пока никаких нагрузок на плечо. Продолжать физиотерапию. Работать над подвижностью и постепенно возвращать силу мышцам, которые стабилизируют сустав. Никаких попыток самостоятельно решить, что мне уже достаточно хорошо и можно понемногу возвращаться к обычному режиму.

На последнем пункте я едва заметно усмехнулся.

Ну да. Очень смешно.

Я уже решил, что знаю лучше.

В пятницу я вышел на поле, хотя меня предупреждали, чем это может закончиться. Играл через боль, выдержал матч, мы выиграли — и тогда мне казалось, что этого вполне достаточно, чтобы заткнуть всех, кто советовал мне посидеть в стороне. Теперь я сидел в очередном кабинете и слушал, как мне снова объясняют, почему несколько часов футбола не стоят нескольких месяцев восстановления.

Самое мерзкое было даже не это. Я злился не на них — спорить с врачами было бессмысленно. Больше всего я злился на себя за упрямство и за то, что решил проверить собственное тело на прочность только потому, что боялся сказать команде, что их капитан сломан.

Когда мы наконец закончили, я первым делом отправился в мастерскую. Хотелось хотя бы с одной проблемой разобраться как можно быстрее — с той, которую мне подкинула Шей Делейни.

Машину пришлось оставить там, поэтому до школы я до-

бирался на автобусе. Не помню, когда в последний раз пользовался общественным транспортом. Наверное, ещё до получения прав. Всё было непривычно: ждать, смотреть на часы, подстраиваться под чужой маршрут вместо того, чтобы просто сесть в свою машину и поехать туда, куда нужно.

Мелочь.

Но именно из таких мелочей сейчас и состоял весь мой день.

В школу я вошёл уже после начала урока и направился на экономику. Коридор почти опустел, поэтому я добрался до кабинета без лишнего внимания, толкнул дверь и поймал взгляд мистера Хендерсона.

— Извините за опоздание, сэр, — сказал я, проходя внутрь.

— Рад, что вы всё-таки решили к нам присоединиться, Уитман, — сухо отозвался мистер Хендерсон, даже не отрываясь от своих записей.

— Я тоже, — усмехнулся я и прошёл к свободному столу.

Я бросил рюкзак рядом со стулом и сел, стараясь сделать вид, будто появляться посреди урока для меня совершенно обычное дело. Хотя сегодня обычным не было вообще ничего.

Бишоп, сидевший рядом, дождался, пока мистер Хендерсон снова повернётся к доске, и стукнул меня по предплечью. Я обернулся к нему.

— Где пропадал, Уитман? — спросил он вполголоса. —

Весёлые выходные?

Я отвернулся обратно к доске. Если самобичевание и постоянные уколы в плечо можно было назвать весельем, то я определённо отлично провёл выходные. Но ему этого знать было необязательно. Да и вообще никому в этой грёбаной школе.

Не для того я пахал с начала средней школы, чтобы сейчас всё это просрать и потом ловить на себе взгляды учеников и преподавателей. Особенно те, в которых читалось сожаление. А от некоторых я вполне мог представить и другое — тот самый короткий блеск удовлетворения у тех, кто слишком долго ждал, когда я наконец облажаюсь. Я не собирался доставлять им это удовольствие.

Звонок прозвенел, и класс почти сразу пришёл в движение. Стулья заскрипели по полу, кто-то уже на ходу начал обсуждать домашку, а Бишоп дождался, пока я уберу тетрадь в рюкзак, и первым направился к двери.

В коридоре он вдруг хлопнул меня ладонью по плечу — как раз по тому самому. Я дёрнулся и резко отступил на полшага.

— Ты как хочешь, а я пиздец как голодный, — заявил он с такой серьёзной рожей, будто речь шла о чём-то жизненно важном. — Пошли в столовку?

Я кивнул.

Со вчерашнего дня во рту у меня тоже ничего не было. Утром, когда поднялся с постели, кусок в горло просто не

лез. Да и сейчас особого аппетита не было, но перспектива хотя бы ненадолго отвлечься от всего происходящего показалась неплохой.

Дойдя до стойки, мы взяли подносы и двинулись вдоль раздачи. Бишоп по привычке не спешил выбирать еду. Он зацепился бедром за край стойки, одной рукой лениво потянул к себе стакан и свободной ладонью убрал со лба светлые, слегка волнистые волосы, почти касавшиеся плеч. Пока очередь ползла вперёд, он принялся изучать зал. Его взгляд скользил от одного стола к другому, задерживался на знакомых лицах и двигался дальше, будто он кого-то искал.

Я уже собирался спросить, кого именно он высматривает, когда Бишоп наконец подался ближе.

— Кстати, у нас тут небольшой сюрприз нарисовался. Я сам ещё не видел, но говорят, новенькая к нам перевелась. Прямо из Кливленда. Парни клянутся, что на вид — огонь, сладкая и опасная одновременно.

Я продолжал выбирать еду, хотя теперь уже скорее из принципа, чем потому, что действительно интересовался тем, что лежало передо мной. Бишоп слишком уж старательно делал вид, что просто делится свежими школьными сплетнями.

— Ты серьёзно продолжаешь перетирать девчонок с парнями, когда встречаешься с Оливией? — я взял с раздачи тарелку и поставил её на поднос. — Ты грёбаный год добивался её, чтобы теперь слить всё из-за какой-то тупой сплет-

ни про новенькую?

Бишоп фыркнул, будто я уже успел предъявить ему официальное обвинение. На его лице появилась та самая невозмутимая ухмылка, которой он обычно прикрывался, когда понимал, что его поймали на чём-то сомнительном.

— Я же сказал — я её даже не видел, — протянул он, опуская руки. — Парни рассказали, я тебе передал. Это вообще не моё мнение.

— Очень удобная формулировка.

— Потому что правдивая.

Я покачал головой и снова повернулся к раздаче. Бишоп мог сколько угодно изображать из себя невинного посредника, но я слишком хорошо его знал. Если бы ему действительно было всё равно, он бы не высматривал кого-то по всему залу с таким видом, будто уже собирался лично проверить достоверность слухов.

— Ты хоть Корбин это не собираешься рассказывать? — спросил я, выбирая себе что-то поесть.

— А зачем мне добровольно подписывать себе смертный приговор? — Бишоп усмехнулся и наконец взял поднос нормально в руки. — Я жить хочу, Кэп.

— Хоть что-то ты делаешь разумно.

— Не привыкай.

Мы успели занять места, но вдвоём просидели недолго. Почти сразу к нам начали подтягиваться ребята из команды — кто-то сел напротив, кто-то протиснулся рядом, следом

появились их девушки. Через пару минут вокруг стало настолько тесно, что я едва видел Бишопа через головы сидевших напротив.

— Кэп, ты чего к Митчеллу на вечеринку в пятницу не пришёл? — спросил один из парней, перегнувшись через стол. — Мы тебя там до последнего ждали.

— Да, Уитман, серьёзно, — подхватил другой, отодвигая свой стакан, чтобы не задеть чужой локоть. — После того, как ты отыграл в пятницу, я думал, ты первым туда заявишься. Ты там вообще всех разнёс.

Я едва заметно усмехнулся.

Конечно. Со стороны всё выглядело именно так. Удачная игра, несколько хороших бросков, довольная команда — со стороны можно было решить, что я вообще не чувствовал собственного плеча.

А оно болело так, что временами я продолжал уже на одном упрямстве. Каждый следующий пас приходилось вытаскивать из себя через силу, но остановиться я не мог. Не тогда. После финального свистка мне хотелось только одного — добраться домой и наконец перестать делать вид, что всё нормально.

— Не получилось приехать, — ответил я, ковыряя вилкой еду.

— Жаль. Там потом ещё такое началось...

— В следующий раз, — перебил я, даже не поднимая головы.

Хотя сам понятия не имел, когда у меня вообще будет этот следующий раз.

Бишоп, похоже, наконец решил, что от его попыток участвовать сразу в нескольких разговорах пользы всё равно никакой.

— Ладно, я пойду проверю, как там Корбин, — он кивнул в сторону выхода, уже протискиваясь между стульями. — Ты со мной?

— Не-а. Мне ещё английский из шкафчика забрать.

Бишоп остановился, придерживая поднос одной рукой, и посмотрел на меня через плечо.

— Тогда увидимся позже?

— Давай. И постарайся хотя бы сегодня не довести Оливию до того, чтобы она тебя послала.

— С чего ты вообще решил, что я собираюсь её бесить? — Он фыркнул, перекинув поднос из одной руки в другую.

— С того, что знаю тебя достаточно давно.

— Вот за это я тебя и люблю, — невозмутимо бросил он, направляясь к выходу. — Всегда веришь в лучшее.

— Я просто реалист.

— Это ты сейчас так свою депрессию называешь?

Я фыркнул.

— Иди уже к Корбин, пока она сама не решила проверить, чем ты занят.

Бишоп показал мне средний палец, даже не оборачиваясь.

— Увидимся, Кэп.

Я проводил Бишопа взглядом, пока за ним не закрылась дверь, и только тогда поднялся из-за стола. В столовой всё ещё стоял привычный гул — голоса смешивались между собой, над дальними столами то и дело раздавался смех, звякала посуда. Я оставил поднос на стойке и вышел в коридор.

Здесь было заметно тише. Несколько учеников ещё возвращались после обеда в классы, кто-то задержался у шкафчиков, но я почти не обращал на них внимания. В голове уже вертелось совсем другое, и чем дальше я отходил от столовой, тем сильнее возвращался к этому вчерашнему вечеру.

Точнее, к Шей Делейни.

Я почти до двух часов ночи искал её в грёбаных соцсетях. Сам не знал, что именно надеялся там найти. Нормальный профиль, фотографию, хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы убедиться, что передо мной действительно она, а не однофамилица с похожим именем. Но ничего.

Ни нормального аккаунта, ни фотографии, ни даже случайного упоминания. Будто человек взял и просто исчез из интернета.

Единственное, что у меня осталось, — её контакт. Маленькая чёрно-белая фотография рядом с именем и всё.

Я до сих пор не понимал, зачем вообще потратил на это столько времени. После всего, что случилось из-за этой девушки, логичнее было бы вычеркнуть её из головы и заняться собственными проблемами. Но почему-то вчера ночью

мне оказалось мало просто знать её имя.

Я уже дошёл до шкафчиков, когда снова достал телефон и открыл её контакт. Несколько секунд просто смотрел на экран, будто фотография могла каким-то образом дать мне ответы на вопросы, которые я сам себе даже нормально сформулировать не мог.

Сколько тебе вообще лет?

Возможно, она студентка и просто проезжала через Дейтон. Но тогда почему сказала, что её ждали? Значит, здесь у неё кто-то был. Друзья? Знакомые?

Или парень?

Я усмехнулся собственным мыслям. Вот этого мне только не хватало — стоять посреди школы и гадать, есть ли у незнакомой девчонки парень.

Хотя если бы он был, вчера она вполне могла вызвать его на подмогу.

А может, как раз не могла. Шей производила впечатление человека, который скорее сама полезет под машину, чем признается, что ей нужна помощь. Особенно если эту помощь предлагает какой-нибудь парень.

Я прислонился плечом к шкафчику и посмотрел на экран ещё раз. В какой-то момент поймал себя на том, что уже несколько минут просто стою и думаю о девушке, которую знаю всего по нескольким фразам, аварии и одному чёрно-белому снимку.

Прекрасно.

Моё плечо разваливалось, машина стояла в мастерской, школьный день уже пошёл наперекосяк, а меня почему-то больше всего занимала Шей Делейни.

Я открыл переписку.

Палец завис над клавиатурой.

Ничего особенного писать я не собирался. Просто… привет. Обычное слово. Никаких обязательств, никаких намёков. Моё эго точно переживёт одно сообщение незнакомой девушке.

«Привет.»

Посмотрел на него пару секунд и отправил, прежде чем успел передумать. Тут же сунул телефон обратно в карман, открыл шкафчик и вытащил «Суровое испытание» Миллера. Уже собираясь закрыть дверцу, услышал короткую вибрацию.

Телефон оказался в моей руке раньше, чем я успел сообразить, зачем вообще так тороплюсь.

Ответ был коротким:

«Сколько?»

Я усмехнулся, заметив, как какой-то первогодка слишком уж откровенно пялится на моё довольное выражение лица. Покачав головой, я отвернулся к открытому шкафчику и снова уставился в экран. Палец завис над ним. Сам не понимал, что забавляло меня больше: её безразличное к моей персоне сухое «Сколько?» или тот факт, что я стою посреди коридора и ломаю голову над тем, что написать девушке, ко-

торую видел всего раз — и то не в самое лучшее время.

Всё-таки постучал по экрану, набирая:

«А классическое привет, как дела и как добрался вчера, приятель? — это уже слишком банально для тебя?»

Я увидел, что статус вверху сменился на «прочитано», и уже через секунду под моим сообщением замерцали три точки. Я невольно задержал дыхание, ожидая привычную порцию её колючего тепла, но, когда экран загорелся новым уведомлением, всякая ирония испарилась.

«Ты, наверное, забыл, что написал наркоманке с нестабильной психикой, так что зря ты ожидаешь от меня любезностей. Так сколько, приятель?»

Я перечитал сообщение ещё раз, и неприятное чувство медленно вытеснило то довольство, с которым ещё минуту назад смотрел на экран. Она не забыла. И хуже всего было то, что я тоже отлично помнил каждую сказанную вчера фразу. Я ведь не просто неудачно пошутил — я влепил ей диагноз, на который не имел никакого права, просто чтобы сделать больнее. В тот момент, когда меня трясло от злости, это казалось отличным оружием, а теперь, увиденное её словами, всё это выглядело грязно и мерзко.

Опустив телефон, я уставился в глубину открытого шкафчика, без особого интереса перебирая лежавшие там учебники. Хотелось найти какое-нибудь оправдание собственным словам, но ничего толкового в голову не приходило. Она мог-

ла быть какой угодно проблемной, могла вывести меня из себя за две минуты и устроить мне самый дерьмовый вечер за последние месяцы, но это всё равно не давало мне права бить туда, где больнее всего.

Какого чёрта я вообще полез к ней со своим «приветом»?

Я захлопнул шкафчик чуть громче, чем собирался, и, не отрывая взгляда от экрана, зашагал в сторону кабинета. Нужно было как-то это исправлять, пока моё вчерашнее настроение окончательно не превратилось в личную катастрофу. Палец несколько секунд бегал по клавиатуре, пока я наконец не набрал:

«Ты мне ничего не должна, Шей. Похоже, это я тебе задолжал. И начать, наверное, стоит с извинения. Как насчёт Dunkin вечером?»

Всё ещё уставившись в экран, я зашёл в кабинет английского. Свободное место нашлось почти сразу, и я бросил рюкзак на пол, даже не потрудившись достать учебник. Мне сейчас было совершенно не до Миллера и его грёбаных салемских процессов.

Вверху переписки уже стояло «прочитано», но экран оставался неподвижным. Я ждал хотя бы этих трёх точек, которые означали бы, что Шей собирается ответить, однако ничего не происходило.

Чёрт.

Откинувшись на спинку стула, я продолжал держать телефон перед собой. Может, она просто решила подумать? Хо-

тя после вчерашнего Шей не производила впечатления человека, которому требуется много времени, чтобы сказать то, что он думает. Если ей что-то не нравилось, она сообщала об этом сразу и без особой заботы о чужих чувствах.

Переписка снова оказалась перед глазами, хотя за последние десять секунд там вряд ли могло что-то измениться. Может, она просто не знала, что ответить, или решила, что я не заслуживаю даже отказа.

Большим пальцем я провёл по краю телефона и нахмурился. Сам предложил ей встретиться в Dunkin, сам дал возможность послать меня нахрен, а теперь сидел и ждал хоть какой-нибудь реакции. И почему-то именно это молчание раздражало меня сильнее любого её ответа.

Я наконец опустил телефон на стол, но руку так и не убрал, словно всё ещё рассчитывал услышать вибрацию.

Похоже, Делейни решила оставить последнее слово за собой.

Глава 5

Шей

К обеду мой шкафчик уже выглядел так, будто я училась здесь минимум месяц. Я складывала внутрь учебники, которые мне успели вручить за первые несколько занятий, пытаясь понять, зачем американской системе образования понадобилось столько бумаги, чтобы сообщить мне вещи, половину которых можно было уместить страниц на двадцати.

Дейзи несколько минут назад ушла в столовую со своими подругами. Она предлагала пойти вместе, но я отказалась. После утренних вафель Хайди я всё ещё была настолько сыта, что одна мысль о школьной еде заставляла желудок вежливо просить оставить его в покое. К тому же несколько минут без необходимости кому-то представляться, отвечать, откуда я перевелась, и изображать восторг от новой школы казались сейчас куда привлекательнее обеда.

Я задвинула последний учебник поглубже и захлопнула шкафчик.

За первую половину дня я успела выяснить две вещи. Во-первых, школа была достаточно большой, чтобы здесь можно было заблудиться, но почему-то недостаточно большой, чтобы новость о появлении нового человека не разлетелась по ней за пару часов. Во-вторых, местные совершенно не умели пялиться незаметно.

Пока я шла по коридору, взгляды цеплялись один за другим. Девчонки рассматривали меня с тем особым вниманием, после которого обычно начинается подробный разбор чужой одежды, волос и всей жизни до третьего поколения. Парни были куда менее изобретательны — некоторые даже не пытались отвернуться, когда я ловила их с поличным.

Я выдержала очередной взгляд какого-то парня у питьевого фонтанчика и едва не усмехнулась.

Ладно. Не буду мешать людям заниматься важным.

Чтобы избавить их от необходимости сворачивать шеи вслед за мной, я свернула к свободному углу возле ряда шкафчиков и устроилась прямо на полу, прислонившись спиной к стене. Рюкзак бросила рядом, достала телефон и вставила наушники. Так было лучше. Пусть теперь рассматривают неподвижную мишень.

Я открыла ленту.

Мой собственный аккаунт вряд ли помог бы кому-нибудь из местных сталкеров узнать обо мне хоть что-нибудь полез-

ное. Если человек случайно попадал на shoo.del, скорее всего, первые секунд тридцать вообще не понимал, кому принадлежит страница.

Там почти не было меня. Зато было много хрома.

Старые «американки» шестидесятых и семидесятых попадали туда чаще всего. Причём целиком я снимала их редко. Мне всегда нравилось выхватывать детали: утопленные в решётку круглые фары, хромированные молдинги вдоль кузова, массивные бамперы, шильдики с названием модели на крыльях, старые колпаки с эмблемами, дверные ручки, тонкие боковые зеркала. Особенно любила переднюю оптику и решётки радиатора — у машин тех лет даже по ним можно было понять, что перед тобой, ещё не увидев значок.

Иногда попадались вещи совсем мелкие: потёртая эмблема на капоте, облезший хром вокруг приборной панели, старая шкала спидометра или край огромного тонкого руля. Для кого-то — кусок железа. Для меня — причина остановиться посреди улицы, достать телефон и получить очередное недовольное «Шу, мы вообще-то идём» от папы.

Папа с детства называл меня Шу. Почему именно так, я уже даже не помнила. И я решила, что более подходящего начала для моего ника всё равно не придумаю. Звучало достаточно безобидно, пока не знаешь, кому принадлежит.

Я провела пальцем по экрану, задержавшись на фотографии старого Cadillac. В кадр попала только передняя часть: широкая хромированная решётка, сдвоенные вертикальные

фары и угол тяжёлого бампера. Именно такие снимки я любила больше всего. Не машина целиком, поставленная посреди кадра ради красивой картинки, а одна деталь, по которой тот, кто действительно разбирается, узнает её без всяких подписей.

С машинами всё было проще. Достаточно было знать, на что смотреть, — и ты уже понимал о них больше, чем многие, кто видел только блестящий кузов. С людьми так не работало. Последние несколько часов я в очередной раз убеждалась, что чужие взгляды и поспешные выводы редко говорят о тебе хоть что-то правдивое.

Я зашла в директ и пролистала входящие. Несколько сообщений было от ребят из моей компании — они уже успели выяснить, что я уехала, и теперь спрашивали, какого чёрта узнают об этом от кого угодно, только не от меня, и что вообще произошло. Читать всё остальное пока не хотелось. Если открыть сообщения, они увидят просмотр, а значит, потом придётся либо отвечать, либо объяснять, почему я благополучно мысленно их всех послала. Ни на то, ни на другое сейчас не было желания.

От Тейта — ни хрена.

Я ещё раз пролистала список, будто его имя могло внезапно появиться, если достаточно долго на него смотреть. Нет. Похоже, он действительно решил быстро смириться с моим решением. Вроде бы именно этого я и добивалась, так какого чёрта внутри от этого стало так неприятно?

Я заблокировала экран, но почти сразу телефон снова завибрировал. Сначала даже не поняла, откуда пришло уведомление. Свернула всё, что было открыто, и только тогда увидела новое сообщение — уже не в директе, а на мой номер.

Круз Уитман.

«Привет.»

Я уставилась на экран и медленно выдохнула. Похоже, Вселенная решила, что одного геморроя на сегодня мне недостаточно. После занятий мне ещё предстояло найти мастерскую, где мою старушку не угробят окончательно и не выставят за это счёт размером с половину её стоимости. А теперь ещё и этот тип с приветом.

Хотя, если уж быть честной с самой собой, в этой истории я всё-таки была виновата. Я влетела ему в зад, и никакие оправдания этого не изменят. Да, он остановился посреди дороги, даже не включив аварийку, будто остальные водители должны были обладать телепатией. И меня откровенно бесило, что он словно совершенно не учитывал собственную роль в произошедшем. Но это всё равно не отменяло того, что я въехала в его машину. Так что платить придётся, и я даже не собиралась от этого бегать. Чем быстрее он назовёт сумму, тем быстрее я смогу закрыть этот вопрос и вернуться к своим проблемам.

Большим пальцем я набрала одно короткое слово:

«Сколько?»

Отправив, я уставилась на экран и машинально принялась грызть ноготь на большом пальце, сама не замечая, что делаю это уже не первую секунду.

Новое сообщение заставило меня нахмуриться.

«А классическое привет, как дела и как добрался — это уже слишком банально для тебя?»

Я постучала телефоном по лбу и нервно выдохнула. Какого хрена этому футболисту от меня вообще надо? Судя по вчерашнему разговору с копом, футбол у него явно занимал слишком много места в жизни. Да и телосложение парня сдавало его с потрохами — слишком крепкий, слишком уверенный в себе, слишком довольный собственной персоной. Не тот тип, который привык сомневаться, стоит ли ему вообще открывать рот.

Особенно после вчерашнего.

Его слова о моём состоянии и то, с какой уверенностью он решил, будто знает, что со мной происходит, до сих пор раздражали сильнее, чем мне хотелось бы признавать. А теперь этот человек ещё и ждал, что я поинтересуюсь, как он добрался.

Пошёл ты, Круз Уитман.

Я уже собиралась закрыть переписку, но вовремя вспомнила, что открыла её не просто так: мне ещё предстояло выяснить, сколько я ему должна. И, судя по всему, сумма будет немаленькой. Поэтому устраивать второй раунд выяснений отношений было бы как минимум глупо.

Пришлось взять себя в руки и попробовать написать нормально.

«Ты, наверное, забыл, что написал наркоманке с нестабильной психикой, так что зря ты ожидаешь от меня любезностей. Так сколько, приятель?»

Я только успела убрать телефон, как на меня легла чья-то тень. Подняв взгляд, я увидела Дейзи, а в следующую секунду она уже плюхнулась на пол рядом со мной, вытянув ноги и устроившись так, будто этот угол коридора был её личной территорией. За ней остановились две девушки — Пейтон и, кажется, Таллула. Имена я пока иногда путала, зато уже успела заметить одну общую у них особенность: молчание явно не входило в список их любимых занятий. Они умудрялись перескакивать с одной темы на другую с такой лёгкостью, будто тишина между ними считалась чем-то неприличным.

Дейзи достала из сумки яблоко и бросила его мне прямо между колен.

Я поймала его и вопросительно посмотрела на сестру.

— Я уверена, что ты уже проголодалась, — заявила Дейзи, устраиваясь поудобнее рядом. — Ты дома съела всего одну вафлю.

— Одну большую, — напомнила я.

— Это всё равно одна.

Она принялась рассматривать свой маникюр, явно наслаждаясь собственной правотой.

— И не отрицай, Шей. Я тебя знаю.

Таллула вдруг пнула Дейзи носком кроссовка и кивнула куда-то в сторону шкафчиков.

— Ну всё, можешь прекращать поиски. Вон твой потерянный принц собственной персоной.

— Лу, заткнись, — простонала Дейзи и тут же закрыла лицо ладонями.

Я повернула голову вслед за её взглядом. За открытой дверцей шкафчика виднелись только ноги какого-то парня. Судя по тому, как Дейзи моментально спряталась за собственными руками, это явно был не просто какой-то парень.

— И кто это у нас? — Я ткнула сестру плечом.

Пейтон тут же ухмыльнулась, даже не пытаясь дать Дейзи возможность придумать приличный ответ.

— Кто? Любовь всей её жизни, — совершенно спокойно выдала она, будто речь шла о чём-то настолько очевидном, что объяснять тут вообще нечего. — Капитан наших Росомах.

Я медленно повернулась к Дейзи.

— Серьёзно? И чего ты тогда прячешься? Тебе что, пять?

Дейзи нехотя убрала ладони от лица и бросила короткий взгляд в сторону шкафчиков.

— Потому что он даже не смотрит в мою сторону, — призналась она. — Что там говорить про отношения, если человек вообще не замечает, что я существую?

— Может, он просто делает вид, что не замечает, — пред-

положила Пейтон.

— Не делает, — Дейзи покачала головой. — Он реально ничего вокруг себя не замечает, когда дело касается футбола. У него в голове только игры, тренировки и ещё миллион каких-то вещей, связанных с футболом.

— Тогда у тебя есть шанс, — заметила я. — Нужно просто дождаться момента, когда он перестанет думать о футболе.

Дейзи посмотрела на меня с выражением, будто я только что предложила ей дождаться, пока океан высохнет.

— Тогда мне придётся ждать лет до сорока.

Пейтон прыснула, а Таллула снова слегка толкнула Дейзи кроссовком.

— Или просто скажи ему, что он тебе нравится.

— Ага, конечно, — Дейзи закатила глаза. — Чтобы потом всю оставшуюся жизнь вспоминать, как я призналась парню, который даже не знает, как меня зовут?

Я снова прислонилась затылком к стене и посмотрела перед собой. Честно говоря, я даже не знала, что ей на это посоветовать. Можно было сколько угодно говорить о смелости и первом шаге, но я слишком хорошо представляла, каково это — сказать человеку что-то важное и не получить в ответ ничего, кроме пустого взгляда.

Поэтому я выбрала единственное, что действительно пришло в голову:

— Похоже, все футболисты отбитые на голову. Дейзи, если они не видят перед собой такую девушку, как ты, пробле-

ма точно не в тебе.

Она тихо рассмеялась, но почти сразу снова посмотрела на парня у шкафчиков. Я тоже машинально перевела взгляд в ту сторону.

Парень захлопнул дверцу и пошёл прямо по коридору в нашу сторону. Телефон он держал перед собой, продолжая что-то печатать на ходу. Людей вокруг было достаточно, чтобы хотя бы иногда поднимать глаза, но его, похоже, это совершенно не волновало. Он просто обходил тех, кто оказывался на пути, не отрываясь от экрана.

Я невольно прищурилась, с интересом всматриваясь в него. Что-то в его лице показалось мне знакомым, хотя...

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Этого не может быть. Как это вообще, вашу мать, может быть?

Я пригнулась, незаметно натянув капюшон поглубже, и снова посмотрела на него, уже внимательнее. Сомнений не осталось. Короткие тёмные волосы, густые брови, прямой нос, резкая линия челюсти и тот самый тяжёлый взгляд, который я уже видела вчера. В его лице было что-то раздражающе уверенное — не наглое даже, а скорее привычное. Как будто он с детства прекрасно знал, что хорошо выглядит, и давно перестал придавать этому значение. На фотографии в контакте он казался просто симпатичным парнем. Вживую же я сразу вспомнила, почему вчера так хотелось закатить глаза, едва он открывал рот.

Я ведь только что отвечала ему на сообщения, сидя здесь же, в нескольких метрах от его шкафчика, и понятия не имела, что он всё это время находился буквально у меня под носом.

Более того, он тоже меня не заметил. Прошёл мимо, всё так же уткнувшись в телефон, даже не удостоив взглядом ни меня, ни Дейзи, ни кого-либо ещё вокруг. От этой мысли ситуация становилась настолько нелепой, что мне даже захотелось рассмеяться. Два человека умудрились вести переписку, находясь практически рядом, и при этом не заметить друг друга.

Я медленно перевела взгляд на Дейзи. Она всё ещё провожала его глазами, и теперь её смущение, подколы Пейтон и Таллулы и разговоры о потерянном принце наконец сложились в одну совершенно дерьмовую картину.

Её потерянный нахрен принц — это Круз Уитман.

Телефон, лежавший между ног, завибрировал от нового уведомления. Я тут же потянулась к нему и, быстро смахнув сообщение, пробежалась глазами по каждой строчке.

«Ты мне ничего не должна, Шей. Похоже, это я тебе задолжал. И начать, наверное, стоит с извинения. Как насчёт Dunkin вечером?»

Я перечитала последние несколько слов ещё раз, надеясь, что за это время они каким-нибудь чудом изменятся.

— Что там? — спросила Дейзи и уже начала наклоняться ко мне, пытаясь заглянуть через плечо.

Я мгновенно заблокировала экран и сунула телефон в карман.

— Ничего.

Слишком быстро.

Дейзи подозрительно прищурилась, но я уже отвернулась, делая вид, что меня гораздо больше интересует яблоко, которое она недавно бросила мне в руки.

Вот же, блядь.

Любовь всей жизни моей сестры только что позвала меня вечером в Dunkin.

И, конечно же, из всех возможных людей именно я должна была оказаться в этой ситуации. Мало мне было врезаться в его машину, потом выслушать от него всё, что он думает о моём состоянии, а теперь ещё и узнать, что капитан, который умудряется годами не замечать перед собой мою сестру, каким-то невероятным образом всё-таки заметил меня. Правда, исключительно через экран телефона — в реальности он только что прошёл мимо, даже не подняв глаз.

Просто прекрасно.

Только со мной могла произойти настолько абсурдная хрень.

Дейзи поднялась первой и протянула мне руку. Я ухватилась за неё, поднялась с пола, отряхнула ладонями шорты и посмотрела на сестру. Она всё ещё следила взглядом за коридором, куда ушёл Уитман.

— У него сейчас английский, — сказала Дейзи, не отры-

вая взгляда от пустого теперь прохода. — Как и у тебя, Шей.

Чёрт.

Утром, когда мы заходили в школьный офис, мне выдали расписание, и довольно быстро выяснилось, что общих занятий у нас не так уж много. Дейзи набрала себе столько углублённых предметов, что её расписание выглядело так, будто она собиралась не школу закончить, а сразу получить диплом и начать всем этим гордиться. Моя умная и такая невинная сестра.

Я покосилась в сторону кабинета английского.

Ну замечательно.

Из всех возможных кабинетов именно в этом сейчас сидел парень, с которым я вообще не планировала пересекаться больше никогда. Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц. Желательно — до конца школы. Но, судя по всему, хотя бы одно из этих желаний сегодня уже можно было вычёркивать.

На секунду мне действительно захотелось развернуться, выбежать на парковку, сесть в машину и просто свалить отсюда куда-нибудь подальше. Но это был первый день. Я не собиралась позволять одному самоуверенному футболисту испортить мне школу, особенно когда я ещё даже не успела нормально в ней освоиться.

Я уже собиралась направиться к кабинету, но сначала посмотрела на Дейзи.

— Увидимся после?

— У меня тренировка после, — ответила Дейзи и посмот-

рела на меня с такой надеждой, что я уже заранее поняла, какое предложение сейчас прозвучит. — Только если ты не хочешь посмотреть.

Судя по нему, сестра уже мысленно усадила меня на трибуну рядом с собой и представляла, как я с неподдельным восторгом наблюдаю за тем, как она и остальные девчонки забрасывают ноги куда-то в район, где обычному человеку уже пора вызывать скорую.

— Я поеду искать мастера, — покачала я головой.

— А, точно, — кивнула Дейзи. — Ну да, разберись с этим, пока мама не увидела и не доложила Элейн.

— Она именно так и сделает, — я скривилась.

Дейзи виновато улыбнулась, махнула мне рукой и поспешила за Пейтон и Таллулой, которые уже успели отойти по коридору.

Развернувшись, я пошла к кабинету английского. В администрации мне выдали расписание с фамилиями преподавателей, поэтому я уже знала, что этот урок ведёт мистер Салливан. Едва переступив порог, намеренно не подняла глаз на учеников. Меньше всего мне сейчас хотелось наткнуться взглядом на знакомое лицо, поэтому я сразу направилась к преподавательскому столу, пока тот ещё стоял у доски и что-то дописывал.

Дождавшись, когда он закончит, я остановилась рядом и как можно тише представилась, одновременно прислушиваясь к шуму за спиной:

— Я новая ученица. Шей Делейни.

— Здравствуй, Шей, — мистер Салливан скользнул пальцем по экрану планшета, сверяясь со списком, и поднял на меня глаза. — Как ты? Всё в порядке?

— Всё нормально, — кивнула я, переминаясь с ноги на ногу. — Я могу сесть?

— Конечно, — он махнул рукой в сторону дальней стены. — Видишь шкаф? Возьми со второй полки Миллера. Вы уже начинали его проходить?

— Да, — бросила я через плечо, направляясь к шкафу.

Стоило мне увидеть знакомую обложку, как в памяти тут же всплыл салон Тейта. Я сидела там с книгой в руках, а он то и дело заглядывал через моё плечо, пока мы не дошли до сцены с Эбигейл и её совершенно невозмутимым заявлением о собственной безупречной репутации. Мы тогда смеялись над тем, с какой серьёзностью она доказывала Пэррису, что с её именем всё прекрасно, будто находилась не в центре охоты на ведьм, а на собеседовании при приёме на работу.

Вытащив одну из оставшихся книг, я обернулась и быстро пробежалась взглядом по партам. Из всех свободных мест, разумеется, осталось ровно одно — прямо за Уитманом.

Он всё ещё был поглощён телефоном, и по его сосредоточенному выражению можно было подумать, что там происходит что-то гораздо более важное, чем начало урока английского. Может, оно и к лучшему. Если он продолжит так же смотреть в экран, у меня хотя бы появится шанс провести

этот урок незамеченной.

Я поставила рюкзак на пол, достала телефон и перевела его в беззвучный режим, отключив даже вибрацию. Его последнее сообщение так и висело без моего ответа, а значит, вполне можно было ожидать, что через пару минут ему снова взбредёт в голову что-нибудь написать.

Убрав телефон обратно в карман, я устроилась на месте и окинула взглядом соседние парты. Оба парня, сидевшие по бокам от меня, смотрели на меня с одинаково довольными улыбками, даже не пытаясь их скрыть. Видимо, моё появление в классе уже успело стать для кого-то неплохим развлечением.

— Серьёзная игрушка, — парень справа чуть подался в мою сторону, явно имея в виду машину на парковке.

Я коротко кивнула, сохраняя молчание. Мне сейчас было совершенно не до новых знакомств, а уж тем более не хотелось давать сидящему впереди повод обернуться.

Мистер Салливан хлопнул ладонью по столу, призывая класс к тишине, и дождался, пока разговоры стихнут.

— Хорошо, продолжим с третьего акта. Откройте страницу двести двадцать четыре, — он скользнул взглядом по классу, убеждаясь, что все нашли нужное место. — Сегодня хочу, чтобы вы посмотрели на сцену допроса Проктора и Мэри Уоррен немного внимательнее обычного. Не просто следите за тем, что они говорят. Обратите внимание на Данфорта: почему он продолжает задавать вопросы, если уже за-

ранее решил, каким должен быть ответ?

Он сделал небольшую паузу, позволяя классу переключиться на текст.

— И особенно следите за Мэри. В начале сцены она всё ещё верит, что достаточно сказать правду, чтобы её услышали. Но постепенно понимает, что здесь правда не обязательно является спасением. Подумайте, в какой момент это до неё доходит и что именно заставляет её отступить.

Я открыла нужную страницу и краем глаза заметила, как сидящий впереди потянулся к рюкзаку на полу, достал свою книгу и раскрыл её. Его широкая спина почти полностью закрывала меня от мистера Салливана, и я мысленно поблагодарила его хотя бы за это. Если повезёт, сегодня преподаватель не решит проверить, насколько хорошо новая ученица умеет отвечать на вопросы.

Урок продолжался, а я перечитывала уже знакомые строки, только теперь почему-то цеплялась за них совсем иначе. Странно, вроде пьеса одна и та же, слова никуда не делись, но стоит измениться чему-то в тебе самой — и знакомая сцена вдруг начинает говорить совершенно о другом. Некоторые фразы, которые раньше я просто проходила глазами, теперь задерживали внимание дольше, чем следовало.

Я перевернула страницу, пытаясь снова сосредоточиться, но спустя несколько минут всё-таки достала телефон и быстро проверила экран. Последнее сообщение так и оставалось без моего ответа, а теперь там висели ещё два новых.

Чёрт. Он всё-таки не унимался.

«Я правда хочу извиниться. Вчера я перегнул палку, и, если честно, мне не нравится, как всё вышло.»

«Давай хотя бы с ремонтом я разберусь. Так будет честно.»

Я задержала взгляд на первом сообщении, пытаясь понять, что именно он задумал. Слишком уж внезапно в этом парне проснулась совесть. После того, что он наговорил мне вчера, я не очень верила в бескорыстное раскаяние. Парни вроде него обычно не меняют тон просто потому, что осознали свою неправоту. Скорее уж он хотел посмотреть, как я поведу себя теперь: начну благодарить, смягчусь, а потом, может, и позволю ему залезть ко мне в трусы. Самоуверенности ему для такого плана точно хватало.

А вот предложение с ремонтом уже выбивалось из этой теории. Если он действительно рассчитывал таким образом меня впечатлить, то либо у него были совершенно другие представления о том, как работают девушки, либо он собирался зайти гораздо дальше, чем я думала.

Оплата ремонта моей машины весьма приятно бы вписалась в мои и без того незначительные сбережения. Так что предложение Уитмана было, мягко говоря, кстати.

Но соглашусь — и мне снова придётся иметь с ним дело. А вот это уже нравилось мне гораздо меньше. Особенно если учесть Дейзи, которая несколько минут назад смотрела ему вслед так, будто этот парень лично изобрёл любовь, футбол и

всё остальное, от чего девчонки обычно теряют голову. Влезать в какие-то игры за спиной сестры мне совершенно не хотелось.

Я взглянула на мистера Салливана, продолжавшего зачитывать отрывок, и снова опустила взгляд на телефон, лежавший поверх раскрытой книги. Несколько секунд покрутила его в пальцах, прикидывая, как бы ответить так, чтобы не оставить Уитману лишнего пространства для манёвра, а потом быстро набрала:

«То, что ты не собираешься брать с меня деньги за ремонт, уже достаточно весомый вклад в моё мнение о тебе. Так что считай, прощён. И на этом предлагаю завершить наше прекрасное знакомство, пока мы оба окончательно не испортили впечатление друг о друге. Удачи, приятель.»

Отправив сообщение, я ещё пару секунд смотрела на экран, будто могла заранее увидеть его реакцию. Получилось вполне дипломатично. Настолько дипломатично, насколько вообще могла быть Шей Делейни, когда ей предлагали деньги, кофе и очередной повод усложнить и без того паршивый день.

Телефон я убрала под книгу и снова перевела взгляд на мистера Салливана. Всё. Вопрос с машиной решён, извинения приняты, дальнейшее общение официально закрыто. По крайней мере, в моей версии событий всё выглядело именно так.

Я услышала, как он тяжело выдохнул, а потом поднял голову и посмотрел в окно. Тут же пригнулась, опустив лицо к книге и прикрыв лоб ладонью, будто внезапно решила с огромным интересом изучить строчку перед собой. Несколько секунд просидела в таком положении, после чего снова принялась следить за тем, что читал мистер Салливан.

Только мысли мои уже давно были не о пьесе. Я машинально водила взглядом по знакомым строчкам, время от времени прислушиваясь к голосу преподавателя, пока любопытство всё-таки не пересилило осторожность. Чуть приподняв книгу, я посмотрела на экран телефона.

Он что-то писал.

Я едва заметно усмехнулась. Похоже, его эго совершенно не было задето. Забавно. Я только что довольно недвусмысленно предложила закончить наше знакомство, а он, вместо того чтобы принять намёк, снова что-то набирал.

На экране появилось новое сообщение.

«Ты, конечно, невыносимо упрямая. Но что, если у меня есть знакомый, который может быстро привести твою тачку в порядок и не выставит тебе счёт, от которого захочется продать её на запчасти? Соглашайся, Шей. Я уже начинаю думать, что спорить с тобой — это отдельный вид спорта.»

Я усмехнулась. Он, конечно, решил идти до конца. Только просчитался. Я скорее спущу все свои сбережения на ремонт, буду заправлять машину раз в месяц и питаться одной

содовой, чем прогнусь под его соблазнительные предложения, после которых уже окажусь у него в долгу.

Палец застыл над экраном. Если он решил превратить это в соревнование, что ж, пусть попробует. Я тоже умела играть — просто в моей версии этого вида спорта призом было не заставить меня согласиться.

Я набрала:

«Можешь сколько угодно делать мне передачи, Капитан, но я не собираюсь открываться под твой пас. Придётся искать другого игрока. Хотя за настойчивость — пять баллов.»

Отправив сообщение, я выдохнула и взглянула на время. До конца урока оставалось всего три минуты. Как прекрасно. Ещё три минуты — и я смогу выйти отсюда, не совершив ничего нового, о чём потом придётся жалеть.

Именно в этот момент я почувствовала, как сидящий впереди выпрямился.

Я тут же подняла книгу почти к самому лицу, изображая человека, настолько поглощённого литературой, что весь остальной мир мог спокойно исчезнуть. Мистер Салливан мог бы решить, что перед ним будущая обладательница Пулитцеровской премии.

Экран телефона, лежавшего на столе, снова загорелся. Я мгновенно скинула его на колени и, прикрывшись книгой, разблокировала экран. Прочитав сообщение, я на секунду замерла, а потом тихо выругалась себе под нос.

Вот же чёрт.

«Так-так, кто-то уже успел меня посталкать? Откуда знаешь, что я капитан? Я вроде тебе не спешил раскрывать свои регалии.»

Я ведь действительно не должна была знать, что он капитан. Вчера коп об этом не говорил, сам Уитман тоже не представлялся великим предводителем футбольной команды. А значит, если я не собиралась признаться, что уже успела выяснить о нём кое-что самостоятельно, стоило следить за языком.

Он вполне закономерно решил, что я либо полезла искать его в интернете, либо каким-то образом успела навести о нём справки. И, судя по формулировке, второй вариант его почему-то забавлял.

Я заблокировала телефон и сунула его в карман худи. Пусть немного пожуёт своего самозначимого дерьма. Всё равно рано или поздно он узнает, что я учусь в той же школе, и тогда эта маленькая игра сама собой закончится. А пока мне неожиданно даже нравилось наблюдать, как он пытается собрать по кусочкам информацию, которой у него быть не должно.

И, если уж мы действительно играли в кошки-мышки, я совершенно не сомневалась, кому в этой паре досталась роль кошки.

Глава 6

Круз

Прозвенел звонок, и я первым выскочил из кабинета, закинув книгу в рюкзак на ходу. Мистер Салливан ещё что-то говорил нам вслед, но я даже не стал разбираться, что именно. После последних нескольких минут в этом кабинете мне хотелось только одного — оказаться подальше от своей парты и от собственного телефона, который я успел проверить уже раза три, хотя прекрасно знал, что нового сообщения там не появилось.

Шей Делейни определённо умела действовать на нервы. Причём каким-то совершенно особенным способом. Я не мог понять, что меня больше цепляло: её привычка отвечать так, будто она оказывает мне огромную услугу, или то, что она умудрялась каждый раз оставить последнее слово за собой.

Сначала она смотрела на меня так, будто я был послед-

ним человеком, с которым ей хотелось бы иметь дело. Потом каким-то образом выяснилось, что она знает, что я капитан команды. А теперь просто взяла и перестала отвечать, словно решила проверить, сколько сообщений мне потребуется, прежде чем я сдамся.

Не дождётся.

Кто же ты такая, Шей Делейни?

Я первым добрался до раздевалки. Здесь было почти пусто — остальные ещё не успели вернуться со своих занятий, и от этого непривычная тишина после школьного коридора казалась даже приятной. Полноценной тренировки мне сегодня всё равно не видать, но хотя бы немного побегать по стадиону я успею. После вчерашнего это было бы совсем не лишним.

Я бросил рюкзак на скамейку, сел рядом и принялся стягивать кроссовки, уже представляя, как через несколько минут наконец перестану думать о том, что какая-то упрямая девчонка решила устроить из нашей переписки соревнование.

Дверь раздевалки хлопнула, впуская внутрь первую волну шума. Парни начали вваливаться небольшими кучками, перекрикивая друг друга и продолжая разговоры, начатые ещё по дороге, но один голос вдруг прорезал весь этот гул настолько отчётливо, будто его обладатель стоял прямо у меня над ухом.

— Я бы не против прокатиться с этой деткой, — гоготнул

кто-то у соседнего ряда шкафчиков. — Вы вообще видели, какая у Делейни задница?

Раздался пошлый свист и одобрительный гогот.

— Эй, Шей, — подхватил второй, переходя на откровенный сальный напев. — Слышал, ты любишь старые тачки. Хочешь растрясти подвеску на моём переднем сиденье? Или сразу на заднем?

— Смотри, не развались по дороге, старик, — заржал первый.

Я замер, так и стоя со снятой футболкой в руках. На несколько секунд даже перестал понимать, что происходит вокруг. Делейни**.** Они сейчас говорили о Шей? Какого хрена?

Вчерашняя история была между нами. Я не рассказывал о ней никому, и уж точно не собирался обсуждать с командой то, как какая-то девушка влетела в зад моей машины, а потом умудрилась за один вечер довести меня до желания спорить с ней даже через сообщения. Так откуда, мать его, они вообще могли знать её фамилию?

Я натянул футболку обратно и резко развернулся к Маккою, который стоял ближе всех. Несколько быстрых шагов — и я уже оказался перед ним. Перехватив его за грудки, я впечатал его спиной в открытый шкафчик так резко, что металлическая дверца с грохотом ударилась о стену.

— Круз, какого хрена? — Чейз дёрнулся, ошарашенно уставившись на меня.

— О чём ты, блядь, сейчас говорил? — я не убрал руку с дверцы, продолжая смотреть ему прямо в глаза. — Откуда ты вообще её знаешь?

— Ты про Делейни? — переспросил он, будто только сейчас понял, из-за чего я его прижал.

— А вы про кого-то другого говорили? — я прищурился, уже начиная злиться ещё сильнее от его тупого выражения лица.

Он покачал головой и поднял ладони, показывая, что сдаётся.

— Кэп, если ты её уже себе присвоил, сорян. Я не знал, — он нервно усмехнулся. — Мы просто шутили.

Я отпустил его и оглядел раздевалку, впервые заметив, сколько взглядов уже было приковано ко мне. По выражениям лиц можно было подумать, что это не я задал совершенно нормальный вопрос, а только что признался, что разговариваю с призраками. Ривз так и застыл с бутылкой у рта, а вода тонкой струйкой стекла ему на подбородок.

— Откуда вы вообще её знаете? — спросил я, уже не скрывая раздражения.

— Кэп, ты прикалываешься? — Ривз вытер рот тыльной стороной ладони. — Она сегодня к нам в школу приехала на своей Камаро. Кажется, из Кливленда перевелась.

Я несколько секунд просто смотрел на него, пытаясь уложить услышанное в голове.

Сегодня.

В нашу школу.

Камаро.

— Да она же за тобой на английском сидела, — добавил второй, нервно потирая затылок и опуская глаза. — Ты чё... ну, ты в телефон уставился весь урок, не заметил, наверное, — виновато закончил он, явно пугаясь моей реакции и ожидая, что я сейчас снесу здесь всё.

Я закрыл глаза и медленно выдохнул, пытаясь хоть немного привести мысли в порядок, но это совершенно не помогло. Схватив кроссовки и рюкзак, я вылетел из раздевалки, на ходу натягивая обувь и даже не заботясь о том, как выгляжу со стороны.

Вот же наглая мелкая сука — наверняка всё это время насмехалась надо мной, пока я самоуверенно считал, что она успела прошерстить мои соцсети. Её «Капитан» теперь выглядело особенно издевательски. Всё это время она сидела в паре шагов позади и смотрела, как я сам себя выставляю идиотом.

Я выскочил на парковку, лихорадочно выискивая взглядом знакомый чёрный кузов. Шевроле Камаро как раз отъезжала от бордюра. Я рванул к ней, но Шей даже не собиралась ждать — резко вывернула руль и сорвалась с места так, что пара ребят у входа едва успела отскочить, провожая её вслед возмущёнными взглядами.

Догнать её уже не было никакой возможности. Я лишь тяжело выдохнул, глядя вслед машине, пока та окончательно

не скрылась за поворотом. Эта девчонка уже успела каким-то образом выставить меня виноватым, жалким прилипалой и посмешищем, а теперь ещё и оставила после себя такой бардак в моей голове, что тупое нытьё в проклятом плече — из-за которого я вообще пропускал тренировку — внезапно отошло куда-то на второй план.

На губах сама собой нарисовалась кривая усмешка. Похоже, она действительно решила поиграть.

Что ж, я не против. Быстрый тачдаун с разбега — шесть очков в её пользу.

Вызов принят, Делейни из Кливленда.

Возвращаться на тренировку не было ни малейшего желания, поэтому пришлось плестись на остановку и добираться домой на автобусе.

Когда я открыл дверь, в доме было тихо — впрочем, как и всегда. Отец, судя по всему, снова сорвался в дорогу. Бросив рюкзак прямо в прихожей, я прошёл на кухню и только тогда достал телефон, ожидая увидеть дежурное предупреждение.

«Сорвался в Цинциннати, завис на терминале. Буду через пару дней. Закажи нормальной еды, холодиль-

ник пустой. И надеюсь, ты сегодня не дурил с этим плечом. В среду жду отчёт по физио».

Я криво усмехнулся. Потрясающая стабильность: даже за три сотни миль отец умудрялся выстраивать мой график, контролировать врачей и отдавать команды с методичностью автомата.

Холодильник встретил меня предсказуемой пустотой — внутри обнаружилась лишь батарея соусов, початая пачка молока и кусок сыра, чей срок годности, судя по цвету, истёк ещё при прошлой администрации. Пришлось сдаться и лезть в приложение доставки.

Пока курьер где-то блуждал по району, я отправился в душ. Плечо тупо ныло, напоминая, что старик не зря последние недели твердил про реабилитацию. Но признавать это вслух ему — значило подписать капитуляцию.

Особенно учитывая, что разговор неизбежно скатился бы к его любимой пластинке: футбол — это временно, а цифры, контракты и реальный бизнес остаются навсегда.

Генри строил свою жизнь именно так. Начинал простым работягой на складе, выгрызал зубами каждую ступеньку, пока не дослужился до регионального директора. Сейчас под его началом находилась вся дистрибьюторская сеть, тянущаяся из Дейтона через весь Огайо в соседние штаты. Для него работа не была просто способом заработать на жизнь. Это была империя, которую он отвоевал у мира и теперь держал железной хваткой.

Генри не был плохим отцом. По крайней мере, я никогда не мог сказать этого вслух и действительно в это поверить. Он обеспечивал меня, следил за тем, чтобы у меня было всё необходимое, и с шестнадцати лет регулярно напоминал, что когда-нибудь мне придётся занять место рядом с ним. В его представлении будущее выглядело довольно просто: колледж, экономика, несколько лет рядом с ним, а потом семейный бизнес.

И, судя по всему, от меня он ждал такой же безупречной отдачи, какую требовал от всех, кто работал на него.

Только вот я совсем не был уверен, что собирался прожить свою жизнь по его чертежу.

Поужинав, я вернулся в гостиную и рухнул на диван, вытянув ноги перед собой. Щёлкнул пультом, просто чтобы заполнить давящую тишину в доме, и замер перед экраном. На ESPN как раз шла запись прошлогоднего полуфинала плей-офф между университетскими командами «Огайо Стэйт» и «Пенн Стэйт» — величайшего и самого злобного противостояния во всём студенческом футболе.

На поле разворачивалась знакомая мясорубка. Комментаторы надрывались, трибуны «Биг Кауза» ревели в бешеном экстазе, а команды лупили друг друга так, будто от этого зависела судьба мира. Я с мрачным интересом проследил, как квотербек «Бакса» под прессингом защитников вкладывает мяч точно в руки ресиверу, который, прорвавшись через защиту, тащит его ещё несколько ярдов.

Зрелище одновременно завораживало и бесило. Вот ради этой безупречной, брутальной игры стоило пахать до седьмого пота, терпеть боль и выслушивать нравоучения старика. И именно из-за неё я сейчас особенно остро чувствовал, что тело иногда имеет собственное мнение насчёт моих планов.

Я всё время крутил телефон между пальцами, сам не замечая этого. Время от времени экран загорался от какого-нибудь уведомления, но каждый раз там оказывалось что-то совершенно неинтересное.

А потом телефон зазвонил. Я, кажется, даже задержал дыхание, машинально переведя взгляд с телевизора на экран, но, увидев имя Бишопа, с разочарованным выдохом откинулся на спинку дивана, мысленно обозвав себя придурком за то, что уже успел надеяться на другое имя.

— Да, Тайлер, — ответил я, приняв звонок.

— Кэп, что там произошло в раздевалке? Я пришёл, а тебя уже не было. Без тебя тренировка была как семейная ссора у соседей — шуму до хрена, а смысла никакого.

— Недоразумение, — коротко ответил я, продолжая следить за повтором на экране. — Эндрюс что-нибудь спрашивал обо мне?

— Ну, Эндрюс был далеко не в восторге. Но после того, что мы устроили в прошлой игре, думаю, он решил, что один исчезнувший капитан — ещё не худшее, что случалось с этой командой, — Бишоп хмыкнул. — Только я всё равно не понял, куда ты испарился. И какого хрена тебя вдруг так

заинтересовала эта новенькая? Ты же обычно от подобных школьных сплетен шарахаешься, а сегодня сам устроил вокруг Делейни целое расследование.

Я усмехнулся, откинувшись глубже на диван.

— Поверь, там не тот случай, где мне вдруг захотелось пообсуждать чью-то личную жизнь. Вчера мы с ней немного… неудачно познакомились. Настолько неудачно, что утром мне пришлось оставить тачку в ремонте, — я потёр лицо ладонью и устало выдохнул. — А дальше всё как-то закрутилось. Долго рассказывать.

— Хочешь, приеду сейчас? — в его голосе тут же прорезалось оживление. — У меня как раз есть пара банок «Миллера», а ты по телефону звучишь так, будто тебе срочно требуется терапия в компании лучшего друга.

— Не надо, блин, приезжать, — я поморщился, прикинув в уме термоядерный коктейль из своих таблеток и его пива. Перспектива загибаться от пары глотков прельщала мало. — Оставь свое пиво при себе.

— Ну как хочешь, — легко согласился Тайлер, и в трубке отчетливо звякнуло открывающееся кольцо. — Значит, устрою себе вечернюю групповушечку с этими банками.

Я устало прикрыл лицо ладонью, мысленно признавая, что этот придурок неисправим.

Несколько секунд в трубке висела тишина — я тупо пялился на экран, где повтором крутили жесткий силовой прием, а в голове упрямо всплывал сегодняшний школьный

кошмар.

— Слушай... — я вздохнул, чувствуя себя последним идиотом, но любопытство уже переплавлялось в глухое раздражение. — Я не против, блядь, сплетен. Выкладывай всё, что знаешь про эту Делейни, от и до.

Из динамика донёсся довольный, откровенно издевательский смешок.

— Ого. Наш непобедимый капитан наконец-то сменил гнев на милость и кем-то заинтересовался? А я уже начал думать, что ты решил хранить девственный обет верности нашему грёбаному футболу до самого выпускного.

— Заткнись, Бишоп, — усмехнулся я, закатывая глаза и откидывая голову на спинку дивана. — Не начинай мне тут приписывать то, чего нет. Просто говори уже, что тебе удалось выяснить.

— Да особо ничего я и не узнавал, — в голосе Тайлера послышалась откровенная ухмылка. — Ты же сам мне велел держаться от этого дерьма подальше. Забыл?

— Не начинай мне тут строить из себя святого, я тебя знаю, — бросил я, криво усмехнувшись. — Уверен, вы с парнями уже успели перетереть всё, что только можно.

В ответ из динамика раздалась громкая отрыжка, настолько внезапная и мерзкая, что я поморщился и машинально отодвинул телефон от уха, но через секунду всё-таки вернул его обратно. Учитывая, с кем именно я разговаривал, это даже не удивляло.

— Ты невыносим, Бишоп,— протянул я, качнув головой. — Ты это вообще понимаешь?

— Это мне ещё в детстве сказали, — совершенно спокойно отозвался он. — Короче, знаю только, что она перевелась сегодня. Приехала из самого Кливленда, а её мать — какая-то крупная шишка в городском совете. Сама Делейни водит охрененную тачку... ну, впрочем, эту часть ты и так прекрасно знаешь, да?

Он ненадолго замолчал, будто мысленно перебирая всё, что успел услышать за день.

— М-м… что ещё? Некоторые парни пытались подкатить и узнать, где её найти в соцсетях, но она всех отшила так, что аж искры летели. Короче, друг мой, всё очень тяжело. Очень тяжело. Так что ты сто раз подумай, прежде чем соваться в эту историю.

— Подожди. А если её мать работает в Кливленде, какого хрена она вообще перевелась сюда? Она с кем-то живёт?

— А, точно, — Тайлер будто только сейчас вспомнил, звякнув банкой о стол. — Она у одной из наших девчонок остановилась. У Уинслоу, кажется. Помнишь её? Кудрявая блондинка. Они с Делейни сёстры.

— Та самая, которая однажды минут десять пялилась на меня через весь кабинет? — я на секунду задумался, припоминая эту историю.

— Вот-вот, она самая, — довольно подтвердил Бишоп. — Ты ещё тогда выдал, что она смотрит на тебя так, будто мыс-

ленно уже прикидывает, в каком лесу закопает твоё тело.

— Чёрт, точно. Теперь вспомнил, — я тихо рассмеялся, качнув головой и наконец отпуская напряжение последних суток.

— О, чёрт, Оливия мне уже настрочила, — в голосе Тайлера тут же появилась наигранная, довольная обречённость. — Сейчас начнётся получасовой разнос за то, почему я опять игнорю её смски. Ладно, мой сладкий ты там сильно не переживай за эту новенькую. Если ничего не выйдет — ничего страшного, в конце концов, у тебя всегда есть твой кожаный мяч для утешения в трудные ночи.

— Блядь, Бишоп, иди к чёрту, — пробормотал я, качая головой и даже не пытаясь сдержать усмешку, после чего сбросил вызов.

Я выключил телевизор и поднялся с дивана. Поднимаясь к себе в комнату, я прокручивал в голове всё, что успел узнать за сегодняшний день, но одна мысль никак не хотела отпускать: что должно было произойти, чтобы дочь влиятельной женщины бросила школу, друзей, привычную жизнь, возможно, оставила там кого-то, с кем у неё были отношения — парня или девушку, — а я чертовски надеялся, что никого не было, — и в выпускном классе сорвалась из Кливленда к родственникам в Дейтон?

Шей Делейни с каждой новой деталью становилась всё более загадочной, и это начинало меня откровенно затягивать. Я не любил оставлять вопросы без ответов, а с ней их стано-

вилось только больше. И мне уже чертовски хотелось разобраться, что именно она так старательно прячет.

На следующее утро мне уже удалось провести изнуряющую пробежку по району — холодный утренний воздух и лёгкая боль в мышцах отлично помогли собрать голову заново после ночных раздумий.

Я попросил Бишопа забрать меня по дороге, и всю дорогу до школы без утайки выложил ему всё, что произошло в воскресенье, не забывая самозабвенно стебать себя за собственную тупость и тот фееричный эпик-фейл, который я устроил накануне в классе.

— Ну ты и задротище, — от души поржал Тайлер, резко сворачивая на школьную парковку и паркуясь. — Все, блин, в школе уже успели тщательно рассмотреть её, перетереть с ног до головы, а ты тупо пялился в экран и даже не заметил, что она сидит прямо за тобой.

— Заткнись, — бросил я, но его было не остановить:

— Кэп, да это же именно те истории, которые в старости хочется рассказывать внукам. Клянусь, я так и сделаю.

Я стукнул его кулаком в плечо и, не удержавшись, рассме-

ялся.

— Ты, блядь, элементарно не доживёшь до этой своей старости, если продолжишь в том же духе.

— А вот и нет, мой друг, — бросил он через капот своего серебристого «Дуранго», закидывая лямку рюкзака за спину. — Как раз это всё и поможет мне прожить очень и очень долго.

Он подмигнул мне с наглой ухмылкой, и мы двинулись к центральному входу. Я сразу же невольно обернулся, выискивая глазами знакомую агрессивную морду «Камаро» среди припаркованных машин, но её нигде не было.

После вчерашнего инцидента я ловил себя на том, что стал гораздо внимательнее разглядывать всё, что творится вокруг. Обычный утренний хаос в школьном коридоре вдруг перестал быть просто фоном. Уголок у лестницы оккупировала парочка — парень вжимал девчонку в стену с таким видом, будто они одни на всём побережье, совершенно не смущаясь проходящих мимо учителей. Чуть дальше, прямо посреди прохода, двое из наших защитников сцепились из-за какой-то тупой шутки, шумно выясняя отношения под одобрительный гомон толпы. У подоконников кто-то судорожно дописывал вчерашнюю домашку по алгебре, кто-то пересчитывал мелочь на газировку, а мимо проплывала стайка девчонок из группы поддержки, оживлённо обсуждая утренние сплетни. В общем, обычное школьное утро — хаос, шум и люди, которые явно считали, что именно сегодня им жизнен-

но необходимо стоять посреди прохода.

Мы дошли до ряда шкафчиков и остановились возле Бишопа. Тайлер с привычным грохотом откинул металлическую дверцу, зарылся рукой в завалы из книг и тетрадей и выудил оттуда нужный учебник, после чего с лязгом захлопнул её обратно. Я наблюдал за ним без особой спешки, пока он не развернулся и лениво не прислонился спиной к железной поверхности. Я молча последовал его примеру, встав рядом.

— Ну а теперь, мой друг, давай-ка включишь режим повышенной наблюдательности, — многозначительно протянул он, складывая руки на груди. — Постоим, подождём ту самую, которая умудрилась тебя так легко очаровать и при этом уже успела порядком потрепать тебе нервы.

Я коротко и беззлобно усмехнулся, но на провокацию всё равно поддался, переведя взгляд на входные двери.

Минут через пять она наконец появилась в коридоре.

Чёрт.

Она оказалась ещё красивее, чем я запомнил: чёрные волосы спадали до самого пояса, чёрная кожанка, короткая юбка с дерзким разрезом и тёмные колготки, которые делали её и без того стройные ноги безумно соблазнительными.

Я не отрывал от неё взгляда, хотя прекрасно понимал, насколько откровенно это выглядит со стороны. Наверное, любой нормальный человек уже давно бы отвернулся, но я продолжал пялиться. Блядь, да что со мной вообще происходит?

Рядом с ней шла та самая кудрявая блондинка, о которой говорил Тайлер. Они что-то оживлённо обсуждали, время от времени переглядываясь и улыбаясь друг другу. Я уже собирался сделать вид, что совершенно случайно оказался в этом конце коридора, когда Шей подняла глаза и заметила меня.

Она резко остановилась, быстро что-то прошептала сестре и, даже не пытаясь сделать вид, что это не связано со мной, развернулась и свернула в другой проход.

— Вот же чёрт, — Тайлер стукнул меня локтем, откровенно забавляясь происходящим. — Она от тебя шарахается, как от какого-то прокажённого.

Даже не стал дослушивать очередную насмешку Тайлера и двинулся следом, снова поймав на себе взгляд блондинки.

Я прибавил шагу и, заметив впереди её спину, быстро сократил расстояние. Шей шла почти вприпрыжку, явно не собираясь оборачиваться, пока не свернула за угол, ведущий к нашим раздевалкам.

Я успел обогнать её и выставил руку, перекрывая дорогу.

Она резко отпрянула, глухо ударившись спиной о стену, и вскинула на меня широко раскрытые, испуганные глаза.

— Куда-то торопишься, Делейни?

Она попыталась убрать мою руку, но я не ослабил хватку, лишь шагнул ближе и встал перед ней, окончательно перекрывая единственный путь для отступления.

— Какого хрена? Что тебе нужно? — выдохнула она, лихорадочно озираясь по сторонам, но это крыло школы по

утрам всегда пустовало.

— Повеселилась вчера? — бросил я, не сводя с нее глаз.

— Не понимаю, о чём ты, — она прищурила свои голубые глаза. — Дай мне пройти.

— Ты прекрасно поняла мой вопрос, — я чуть подался вперёд. — Тебе понравилось наблюдать, как я распинаюсь в жалких сообщениях, даже не подозревая, что ты всё это время сидишь у меня за спиной?

— Мне кажется, ты сам ответил на свой вопрос, приятель, — усмехнулась она.

Я невольно улыбнулся, качнув головой. До чего же невероятная.

— Почему ты убегаешь от меня? — я невольно задержал взгляд на её пухлых губах.

— Я не убегаю, — быстро бросила она.

— Да? А зачем тогда тебе понадобилось идти именно к мужским раздевалкам? — я приподнял бровь. — Выискиваешь себе следующую жертву?

Она фыркнула, наконец посмотрев мне прямо в глаза.

— Да что ты. Мне одной хватает.

Даже не стала отрицать, что играет со мной, и это уже было хоть чем-то. По крайней мере, куда лучше её вечного безразличия, которым она до сих пор методично выводила меня из себя.

— Почему ты здесь, Шей? — спросил я уже тише, внимательно наблюдая за её лицом.

Она приподняла бровь, будто вопрос показался ей настолько очевидным, что я окончательно потерял рассудок.

— Я вообще-то здесь учусь, — сухо отозвалась она. — Тебе мячом все мозги отбили, капитан?

Я усмехнулся. Её язык явно работал быстрее, чем она успевала думать, но сейчас мне было не до её колкостей.

— Почему ты в Дейтоне? Почему сорвалась из прошлой школы посреди года? Были проблемы?

На этот раз улыбка с её лица исчезла. Шей резко оттолкнула меня от себя, заставив сделать шаг назад.

— Тебя это не касается.

Она развернулась и пошла обратно по коридору, не оставляя мне ничего другого, кроме как двинуться следом.

— Ладно, Делейни. Не хочешь рассказывать — не рассказывай. Но тогда хотя бы скажи, что с твоей Камаро. Нашла, кому показать после нашей маленькой встречи?

Шей замерла, на секунду оглянувшись по сторонам, будто выискивая кого-то в пустом коридоре.

— Нет, чёрт бы побрал этот город, — процедила она, потёрев лоб. — Я вчера объездила всё, что можно. Бампер и решётка ещё держатся, но после того, как я въехала в твою задницу, передок теперь выглядит жалко. Мастера либо заламывают космический ценник, либо вообще боятся подходить к классике. Ублюдки.

Я кивнул, стараясь не выдать, как мне на самом деле нравилось услышанное. Конечно, я не радовался её проблемам,

но возможность снова оказаться рядом с ней была слишком заманчивой, чтобы я мог её не заметить.

— Моё предложение всё ещё в силе, — сказал я уже спокойнее. — У меня есть знакомый, который не раз работал с классикой. Посмотрим, насколько сильно пострадал бампер с облицовкой, и станет понятно, во что всё это выльется. Думаю, с ним ты хотя бы не попадёшь на очередного придурка, который видит в машине только возможность содрать с владельца побольше денег.

Шей медленно повернулась ко мне и прикусила губу. По выражению её лица было видно, что внутри уже идёт настоящий торг: в очередной раз послать меня к чёрту или всё-таки согласиться.

Я едва удержался от улыбки.

Ну же, Делейни. Ещё немного. Сломайся первой. Хотя кого я обманываю? Я уже давно сломался.

— Ладно, — просто сказала она.

— Ладно? — переспросил я, будто хотел убедиться, что не ослышался.

— Да, ладно, капитан. Давай мне его номер, — бросила Шей и уже полезла за телефоном в карман.

Я замер.

Чёрт. Об этом я как-то не подумал.

— Вообще-то будет разумнее, если я поеду с тобой, — выпалил я, прежде чем успел придумать что-нибудь получше. — Лично объясню всю ситуацию и уломаю на нормаль-

ную скидку. Разве мы не об этом договаривались?

Она медленно подняла на меня взгляд и прищурилась.

— Ну ты и...

Я не стал ждать, чем именно она собиралась меня обозвать. Развернулся и пошёл по коридору, пока не услышал за спиной ничего более разрушительного для моего плана.

— Напиши мне после занятий! — крикнул я через плечо. — Встретимся на парковке, Делейни.

Я не стал оборачиваться, чтобы не дать ей увидеть довольную улыбку, которая сама собой расползлась по моему лицу. Чёрт, таким одновременно жалким и довольным я себя ещё никогда не чувствовал. Ещё недавно мне бы и в голову не пришло добиваться чьего-то внимания с таким упорством, а теперь я умудрился выпросить у девушки встречу, придумать повод, зацепиться за её проблемы с машиной и чуть ли не считать минуты до конца занятий, лишь бы снова оказаться рядом с ней. И самое паршивое заключалось в том, что меня это совершенно не расстраивало.

Глава 7

Шей

Вот же чёрт!

Круз Уитман подкатывает ко мне. Теперь у меня уже не было никаких сомнений. Видимо, он поставил себе спортивную цель — залезть мне под юбку, — и теперь из принципа не собирался униматься. И никакие мои посылы куда подальше, взгляды и довольно прозрачные намёки на то, что он меня раздражает, его молодое эго, похоже, вообще не тревожили.

Ну и вляпалась же я.

Тот, в кого тайно и безответно влюблена моя милая, невинная и, насколько я вообще знаю людей, самая святая сестра на свете, решил, что хочет меня.

Прекрасно.

Просто охренительно.

Конечно, я могла бы снова послать его куда подальше. И, если честно, очень хотелось. Но тогда пришлось бы объяснять, почему я отказываюсь от единственного человека, который предложил помочь с машиной.

Я не могла позволить Колину узнать о ней. На Хайди мне было плевать. Как и на мать, которой, скорее всего, было плевать на мою машину примерно так же, как и на меня. Главное, чтобы эта история никак не коснулась её самой. Но Колин...

Он был нормальным человеком и, скорее всего, не стал бы читать мне нотации из-за разбитого передка. Но я совершенно не хотела потом ловить на себе взгляд Хайди. Особенно тот самый, в котором без слов читалось бы: *я же говорила*. Что я не умею водить. Что мне нельзя доверять такую машину. Что я её не заслуживаю.

Пошли они все.

Я хотела привести в порядок свою тачку. Не ради Хайди, Колина или уж тем более Круза, а только ради себя. И сделать это нужно было как можно скорее, пока отец не успел слишком сильно разочароваться в своей дочери.

Хотя, если честно, я даже не знала, возможно ли разочаровать человека, которого больше нет рядом. Но иногда мне казалось, что возможно.

Оказалось, что общих занятий с Капитаном у нас гораздо больше, чем мне хотелось бы. Свободных мест в классе хватало, но я всё равно оказалась прямо за ним, словно судьба

решила, что одного столкновения на дороге недостаточно и теперь собиралась испытывать моё терпение вплоть до выпускного.

Первые десять минут Круз делал вид, что меня не замечает, но получалось у него хреново. Сначала он обернулся, будто кто-то позвал его сзади. Потом ещё раз — уже под предлогом посмотреть на доску, хотя доска находилась перед ним. Через несколько минут его ручка каким-то образом оказалась на полу. Он наклонился за ней, выпрямился, покрутил плечами, потянулся, снова посмотрел назад.

Я молча наблюдала за этим цирком, стараясь не улыбаться. Серьёзно, неужели он действительно думает, что я не понимаю, что происходит?

В какой-то момент Круз снова повернул голову, и наши взгляды встретились. Он даже не смутился. Наоборот — задержал взгляд на секунду дольше, чем следовало, после чего совершенно спокойно отвернулся к доске.

Вот же наглый придурок.

В другой жизни это могло бы даже польстить. Наверное, большинство девушек в нашей школе на моём месте наверняка нашли бы в том, что парень вроде Круза Уитмана обратил на них внимание, повод как минимум неделю ходить с довольной рожей. Но у меня сейчас были проблемы посерьёзнее его самооценки, и последнее, чего мне хотелось, — это заводить отношения. Мне вообще никто не был нужен.

Я только приехала в город, который до сих пор не чув-

ствовался моим. Жила в доме, где каждый вечер приходилось помнить, что я здесь временно. Ездила на машине, которую умудрилась разбить в первый же день. Денег у меня было ровно столько, сколько мне позволяли иметь, а что делать после школы, я представляла примерно так же хорошо, как объяснить Хайди, почему её дочь влюблена в парня, который теперь, похоже, решил заинтересоваться мной.

С будущим тоже было весело. Все вокруг уже определились, куда двигаться дальше: колледж, футбол, заявки, планы, разговоры о том, кем станут через пять лет. А я пока пыталась понять, как пережить следующие пять месяцев и не развалиться окончательно.

Так что Круз мог сколько угодно ронять свои ручки, крутить плечами и строить из себя самого невозмутимого парня на планете, но я не собиралась в это ввязываться. У меня и без капитана школьной команды было достаточно дерьма.

После нескольких уроков все потянулись на обед. Дейзи почти сразу написала, что заняла нам место и ждёт меня.

Идти туда не хотелось. Вернее, не хотелось рисковать: последнее, что мне сейчас было нужно, — это чтобы Уитман вдруг решил подсесть к нам и заодно продемонстрировать Дейзи, что его внезапный интерес ко мне вовсе не плод моего воображения. Я прекрасно представляла её лицо, если она это заметит, но совершенно не представляла, что потом с этим делать.

«Не голодна».

Я быстро отправила сообщение Дейзи, прежде чем она успела прислать что-нибудь вроде *«я знаю, что ты голодна, иди сюда»*, закинула рюкзак на плечо и свернула в сторону внутреннего дворика, где хотя бы можно было спокойно посидеть.

Толкнув тяжёлую дверь, я вышла наружу и на секунду остановилась, щурясь от яркого солнца после полутёмного коридора. Для октября в Огайо день выдался неожиданно тёплым: воздух уже не был летним, но солнце ещё не сдалось окончательно и прогревало всё вокруг так, что куртка сейчас казалась лишней.

Почти все лавки были заняты. За столиками сидели компании, кто-то ел, кто-то разговаривал, несколько человек листали телефоны, спрятавшись от остальных в собственных экранах.

Отлично.

Я могла бы вернуться в здание, но тогда неизбежно пришлось бы столкнуться с кем-нибудь из знакомых, поэтому вместо этого посмотрела на свободный кусок газона чуть дальше от дорожки. Трава выглядела вполне пригодной для жизни, так что я прошла ещё немного вглубь, бросила рюкзак на землю и опустилась рядом.

Достав из него солнцезащитные очки и яблоко, которое утром без особых угрызений совести стащила с кухни, я невольно усмехнулась. Вот и весь мой обед.

Надев очки, я улеглась на спину, подложив рюкзак под го-

лову, и уставилась сквозь тёмные стёкла в небо, надеясь хотя бы на пятнадцать минут тишины.

Но продлилось это от силы минуты три. Сначала я услышала шаги, потом кто-то остановился совсем рядом, послышался тихий шорох одежды и звук, с которым человек сел на траву.

— Привет. Ты же Шей?

Нехотя приподняв очки, я рассмотрела незнакомку. Девушка сидела рядом, чуть подтянув ноги к себе, и спокойно смотрела куда-то перед собой. Светло-русые волосы мягкими волнами спадали ниже плеч. На ней был объёмный светлый свитер, джинсы и белые кеды. Серо-голубые глаза, широкие брови, минимум макияжа. Ничего кричащего или нарочито заметного, но внешность у неё была из тех, которую легко запомнить.

Я посмотрела на неё пару секунд и кивнула.

— Я Оливия Корбин, — сказала она и, заметив, что я всё ещё её рассматриваю, слегка смутилась и поправила волосы, перекинув их через плечо.

— Если ты из очередного кружка, клуба дебатов или какой-нибудь другой школьной секты по вербовке счастливых и деятельных подростков, можешь даже не начинать, — я снова опустила очки на глаза и подставила лицо солнцу. — Я ни в чём не состою, ни к чему не стремлюсь и внезапно обнаруживать в себе любовь к общественной жизни тоже не планирую. Мне всё это нахрен не нужно.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты очень грубая?

В голосе у неё не было ни обиды, ни раздражения, поэтому я усмехнулась.

— Конечно, Корбин. А как, по-твоему, я вообще поддерживаю жизнедеятельность? Солнечными батарейками я пока не обзавелась. Приходится питаться чужим терпением.

Она ничего не ответила, и эта пауза довольно быстро начала действовать мне на нервы. Я чуть сдвинула очки на переносицу, посмотрела на неё поверх стёкол и, не дождавшись никаких объяснений, продолжила:

— Так что? Ты из школьной газеты? Ансамбля? Комитета по спасению школьной жизни от скуки?

Оливия всё ещё молчала, и мне ничего не оставалось, кроме как продолжить допрос самостоятельно.

— А, погоди. Дай угадаю сама, — я ткнула яблоком в её сторону. — Драмкружок. Точно. Ты из теспианусов?

— Теспианцев, — спокойно поправила она.

— Вот видишь. Даже название у вас такое, будто без специальной подготовки туда не попасть, — я вздохнула и снова откинулась на рюкзак.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которых видишь впервые?

— Только с теми, кто мешает мне обедать.

— Ты ешь одно яблоко. Это не обед, — Оливия с сомнением покосилась на мой импровизированный рацион.

— Не соглашусь. Это очень компактная версия обеда, — я

покрутила яблоко в пальцах. — Никаких контейнеров, столовых приборов и последующего сожаления о жизненных решениях.

— Ты серьёзно считаешь это полноценным обедом? — уголок её губ дёрнулся.

— Я считаю, что если человек достаточно уверен в своей правоте, ему не нужны доказательства.

Корбин тихо рассмеялась.

— Ладно, — протянула я. — Только не говори, что вы там ставите «Бриолин» или «Вестсайдскую историю», я ещё не готова узнать, что в этом городе подростки добровольно поют друг другу о любви посреди школьного спортзала.

Оливия посмотрела куда-то в сторону, словно решала, стоит ли вообще продолжать этот разговор, а потом снова перевела взгляд на меня:

— Вообще-то нет.

Я облегчённо выдохнула, снова опустив голову на рюкзак.

— Слава богу.

— Мы не ставим ни «Бриолин», ни «Вестсайдскую историю».

Пришлось открыть один глаз.

— Мы ставим «Гордость и предубеждение».

Несколько секунд я смотрела на неё, потом снова закрыла глаза.

— Ну конечно, Корбин. Как же без Джейн Остин. Было бы странно, если бы вы просто оставили людей в покое.

— Ты читала?

— Нет, — я пожала плечом. — Но культурная среда, знаешь ли. Иногда я всё-таки выхожу из своей пещеры.

— А говоришь так, будто знаешь, о чём говоришь, — Оливия усмехнулась, покосившись на меня.

— Я знаю достаточно. Богатый мужчина, упрямая девушка, куча недоразумений и люди, которым почему-то понадобилось двести страниц, чтобы нормально поговорить друг с другом.

— Это очень поверхностное описание, — она уже рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Зато удобное. И, судя по твоей реакции, не совсем неправильное.

Оливия перестала смеяться и посмотрела на меня уже серьёзно, с каким-то почти детским ожиданием одобрения.

— Нам бы не помешали ещё люди, — сказала она. — Премьера в конце декабря, а из-за нехватки участников роли до сих пор распределены не полностью. И твоя сестра сказала, что тебе не помешали бы друзья.

— Дейзи сказала тебе это?

— Да. Но дело даже не в ней.

Корбин чуть подалась вперёд, словно теперь собиралась перейти к действительно важной части разговора.

— Только едкие диалоги, чопорные платья и британский снобизм. Твоя едкая ухмылка и способность смотреть на всех как на пустое место подходят просто идеально, — она

улыбнулась уже совсем иначе, без прежней осторожности. — Ты даже ничего изображать не будешь. Просто придёшь и будешь собой.

— Очень заманчиво, — я сдержала усмешку.

— Так ты придёшь?

Я села ровнее и сняла очки, медленно сложив их в руке. Некоторое время внимательно смотрела на Корбин, пытаясь понять, действительно ли она говорит это всерьёз или просто настолько привыкла жить в своём уютном пузыре, что не замечает, насколько странно всё это звучит.

Эта девушка одновременно притягивала и отталкивала. Стоило ей открыть свой милый ротик, как я начинала колебаться между желанием рассмеяться и желанием объяснить ей несколько очевидных вещей.

С Дейзи я, конечно, потом разберусь. Но это...

Оливия.

Милая Оливия.

— Когда я сказала, что мне всё это нахрен не нужно, — наконец произнесла я, — я именно это и имела в виду.

— Я просто предложила тебе попробовать, — она слегка нахмурилась.

— Нет, ты предложила мне вступить в школьный спектакль, потому что решила, что моя способность хамить идеально сочетается с британским снобизмом.

— Я сказала, что ты подходишь на роль.

— А я сказала, что мне это неинтересно.

— Почему?

— Потому что мне не семь лет, Оливия. Я не верю в эту ерунду про «попробуй, вдруг это твой шанс». Ты собираешься стать актрисой — отлично. Но если ты всерьёз думаешь, что школьная постановка хоть на сантиметр приблизит тебя к этой жизни, то тебе стоит немного проснуться. Вы сыграете спектакль для людей, которых видите каждый день, получите свои аплодисменты, а потом всё закончится. И никакой внезапной двери в большое будущее за кулисами не появится.

Я покрутила очки в пальцах, чувствуя, как раздражение становится всё сильнее.

— Это просто развлечение для детей, которым пока нравится верить, что если они достаточно сильно чего-то хотят, то обязательно это получат. В настоящей жизни так не работает. Особенно если речь идёт об актёрстве. Там мало хорошо выучить текст и красиво постоять в чопорном платье под софитами. Тебе придётся годами пробиваться, получать отказы, конкурировать с сотнями таких же девочек и доказывать, что ты чего-то стоишь.

Я только усмехнулась, убрала яблоко обратно в рюкзак и продолжила:

— Но если у тебя есть папочка-мультимиллионер, всё действительно может оказаться немного проще. Он найдёт нужных людей, оплатит нужные курсы, устроит нужные знакомства — в общем, обеспечит тебе то, на что у остальных

уходят годы. А если таких связей нет, Корбин, я тебя разочарую. От школьного спектакля ничего не изменится. Тебя не заметят, не пригласят в какую-нибудь волшебную академию и не предложат главную роль в голливудском фильме после финального поклона. Это просто школьная сцена. Не больше.

В глазах Оливии что-то дрогнуло. Они подозрительно заблестели, и она почти сразу отвернулась, сделав вид, будто разглядывает что-то на траве. От этого мне стало неловко: кажется, я всё-таки переборщила.

Поднявшись, я закинула рюкзак за спину и поправила его на плече.

— Уверена, у вас там очередь из девочек, мечтающих на пару часов стать Беннетами, так что не принимай мой отказ так близко к сердцу. Было приятно познакомиться с тобой.

Корбин даже не взглянула на меня.

— И мне, — пробормотала она.

Я развернулась и направилась к дверям. Навстречу мне шёл парень с блондинистыми кудрями до плеч. Такой же широкоплечий, как Круз, — наверняка ещё один футболист. Судя по его откровенному интересу, стеснительность ему была совершенно не свойственна. Он улыбался так, будто мы уже были знакомы и каким-то чудом успели стать родственными душами.

Нахмурившись, я прошла мимо, даже не ответив на его улыбку.

Открыла входную дверь — и едва не врезалась в человека, которого очень надеялась сегодня до конца занятий больше не видеть.

Круз.

Он успел схватить меня за плечи, не дав потерять равновесие, но я тут же скинула его руки.

— Делейни?

Он посмотрел на меня своими серыми глазами, внимательно, будто пытался понять, что именно со мной не так, но я уже прошла дальше. Разумеется, Круз пошёл следом.

— Что тебе нужно, капитан? — бросила я через плечо. — Мы договорились увидеться после занятий. Это не значит, что нам теперь обязательно общаться в течение всего дня.

— Ты какая-то заведённая. У тебя всё в порядке? — он поравнялся со мной. — Кто-то приставал?

— Ты сейчас делаешь ровно то, о чём спрашиваешь.

Он усмехнулся, даже не сбавляя шага.

— Я хотел напомнить про одну несущественную деталь: моя тачка всё ещё в ремонте, так что сегодня поедем на твоей. Не против провести со мной какое-то время в одном салоне?

Чёрт. По сути, я сама виновата в том, что у него сейчас нет колёс. Отказывать ему после того, как он ещё и предложил помочь с моей машиной, было бы уже откровенным свинством.

— Не против, приятель. Но после тренировки, после ко-

торой ты обычно пахнешь так, будто решил проверить пределы человеческой выносливости, сначала душ. Я не собираюсь добровольно вдыхать это в собственной машине.

— Я сегодня вообще не тренируюсь, — спокойно сообщил он. — А душ после тренировок я принимаю всегда, если тебе вдруг было интересно.

Он немного замедлил шаг и посмотрел на меня с той самой ухмылкой, которая начинала действовать мне на нервы быстрее, чем само его присутствие.

— Хотя почему-то мне кажется, ты попросила меня помыться совсем не из-за запаха, — он прищурился.

Боже, какой же идиот.

Я уже открыла рот, чтобы отправить его куда-нибудь подальше, желательно туда, где водятся более терпеливые собеседники, но тут заметила движение за его спиной.

Дейзи шла по коридору вместе с подругами, и они уже приближались к нам. Прекрасно. Я мгновенно отступила от Круза на шаг, стараясь сделать это не слишком резко, чтобы не выглядеть подозрительно, и поправила ремень рюкзака.

— Я не дам тебе списать алгебру, ясно? Отвали от меня уже, — произнесла я достаточно громко, чтобы услышали все.

Круз замер на полшага, явно не понимая, какого чёрта происходит.

Я даже не притормозила.

— Иди лучше тригонометрию учи. Или чем вы там за-

нимаетесь, когда пытаетесь изобразить умственную деятельность.

Я обошла его и рванула вперёд, прямо в женский туалет — просто чтобы у него наконец не возникло желания последовать за мной. Прислонилась спиной к стене и медленно выдохнула, позволяя себе хотя бы несколько секунд побыть в тишине.

Нужно бы уже рассказать сестре, что я знакома с тем, по ком она так воздыхает. Хотя «знакома» звучало слишком невинно для человека, с которым я успела познакомиться благодаря разбитой машине, поругаться, обменяться номерами, а теперь ещё и договориться уехать из школы. Всё это начинало напоминать какое-то сюрреалистичное грёбаное издевательство.

Дверь открылась, и вошла Дейзи. Одна.

Она опустила сумку на пол и подошла к раковине. Включив воду, принялась мыть руки, время от времени поглядывая на меня через зеркало. Это затянувшееся молчание начинало действовать мне на нервы сильнее, чем хотелось бы. Я уже несколько раз ловила её взгляд, но Дейзи словно намеренно не спешила ничего говорить.

Мимо нас в туалет забежали две девочки, на вид младше нас. Переговорили о чём-то вполголоса и тут же скрылись за дверью кабинок.

Я посмотрела на сестру в отражении.

— Ну как дела, Дейзи? Обед понравился?

Она выключила воду, взяла несколько бумажных полотенец и тщательно вытерла руки. Только после этого выбросила их в урну и повернулась ко мне.

— Почему ты так орала на Круза в коридоре? — спросила она наконец. — Что произошло? Он что-то тебе сделал?

Я подошла к раковине просто для того, чтобы не смотреть Дейзи в глаза, пока буду отвечать, и включила воду.

— Да ничего такого. Просто мы с ним ходим вместе на алгебру, и он решил, что я дам ему списать домашку. Которую я сама, между прочим, не сделала, — призналась я, намыливая руки. — Но ему об этом знать совершенно не обязательно. Поэтому я и сорвалась как умалишённая.

Пожав плечами, я смыла пену.

— Не бери в голову. Ничего серьёзного.

Дейзи обернулась и посмотрела на меня через зеркало.

— Ты ведь не знаешь, почему он не смог сделать домашнее задание. Он вчера даже на тренировке не был. Может, у него действительно какие-то проблемы, Шей, а ты сразу включаешь стерву.

Она подняла сумку с пола и закинула её на плечо. Уже направилась к двери, но остановилась.

— Серьёзно, твой цинизм иногда переходит все границы. Попробуй хоть раз допустить мысль, что люди вокруг — не просто ходячие мишени для твоих подколок.

Как только Дейзи скрылась в коридоре, я осмелилась поднять глаза на своё отражение в зеркале.

По её реакции на мой тон с Крузом было понятно: она могла не просто расстроиться — вполне могла ещё и обидеться на меня из-за него. А если я потревожу её покой — как мне с угрозами в голосе обещала Хайди, — меня вдобавок вышлют и из этого дома. Желания искать ночлег в каком-нибудь притоне у меня вообще не наблюдалось.

Судя по всему, признание сестре пока откладывается.

Теперь оставалось только придумать, как выбраться из школы так, чтобы никто не заметил капитана, сидящего в моей машине.

Глава 8

Круз

Тренер Эндрюс знал, почему я пропускаю уже вторую тренировку за эту неделю. После разговора с отцом ему, кажется, вообще не требовалось дополнительных объяснений: Генри позаботился о том, чтобы тренер был в курсе всего, что касается моего плеча, результатов обследований и того, чем может закончиться моя очередная попытка доказать, что я здоровее, чем есть на самом деле. Если он выпустит меня на поле раньше времени, под ударом окажется не только плечо. На кону вполне может оказаться весь сезон.

И, если уж совсем честно, моё будущее в футболе тоже.

Я сам попросил Эндрюса не распространяться об этом. Не потому, что мне нравилось играть в тайны, а потому, что стоило ребятам узнать, насколько всё серьёзно, как мой статус капитана тут же перестал бы восприниматься как что-то

само собой разумеющееся. Хотя кого я пытался обмануть? Последние несколько месяцев я и без того слишком часто чувствовал, что ношу это звание скорее по привычке, чем потому, что действительно его заслуживаю.

Но пока никто ничего не знал, у меня оставалась возможность хотя бы в школе делать вид, что всё под контролем. В моём случае это было почти то же самое, что действительно держать ситуацию под контролем.

Я сказал тренеру, что еду на физиотерапию, и вышел из его кабинета, прежде чем разговор успел превратиться в очередную лекцию о том, почему я не бессмертный.

Коридор уже почти опустел. После последнего урока школа быстро теряла людей: кто-то ушёл домой, кто-то остался на дополнительных. Я направился к парковке, поправляя лямку рюкзака на здоровом плече.

Пора было разгребать вторую головную боль, которую я сам себе устроил.

И, в отличие от первой, у этой хотя бы были имя, характер и совершенно отвратительная привычка смотреть на меня так, будто за все её проблемы отвечал лично я.

Я оттолкнул двери и вышел на улицу. Парковка уже заметно поредела по сравнению с утром, поэтому среди оставшихся машин отсутствие знакомого Камаро бросилось в глаза сразу. Значит, она всё-таки уехала.

Покачав головой, я достал из кармана джинсов телефон и уже открыл её контакт. Шей, Шей… Кажется, ты уже полю-

била испытывать моё терпение. Или это я слишком замотался со своей собственной значимостью.

Палец завис над экраном, когда из-за другой стороны школы донёсся звук разгоняющейся машины. Знакомый низкий рокот заставил меня поднять голову, и через несколько секунд по дороге показался чёрный кузов.

Она резко затормозила у парковки и один раз просигналила.

Улыбка сама расползлась по моему лицу — настолько довольная и идиотская, что со стороны я наверняка выглядел как человек, которому только что сообщили хорошие новости о его собственном IQ.

Я направился к ней через территорию школы, срезая путь по газону, опустив голову, лишь бы эта стерва не успела заметить мою реакцию.

Рванув ручку пассажирской двери, я забросил рюкзак внутрь и сам устроился на сиденье. Дверь ещё не успела захлопнуться до конца, как Шей вдавила педаль в пол. Машина рванула с места так резко, что мне пришлось вжаться в спинку.

— Какого хрена, Делейни? Зачем такая спешка? — я щелкнул ремнем безопасности и повернулся к ней.

Куртку она уже скинула, оставшись в тонкой чёрной кофте. Ткань плотно обтягивала тело, и сквозь неё едва заметно угадывался силуэт белья. Взгляд невольно пополз ниже, но вовремя напоролся на татуировку на её руке.

Блядь.

Круз-младший, держи себя в руках.

Волосы она собрала в небрежный пучок на макушке, из которого выбилось несколько чёрных прядей. Ей, похоже, было совершенно плевать, как она выглядит, и от этого факта меня почему-то крыло ещё сильнее.

— Ты опоздал, — бросила она, даже не удостоив меня взглядом.

— Занятия закончились пять минут назад.

— Именно.

— Откуда мне было знать, что ты сорвёшься с места сразу после звонка? Я ещё должен был предупредить тренера, что ухожу.

На мгновение она всё-таки повернула голову. Голубые глаза мелькнули в мою сторону, и я снова поймал себя на том, что смотрю на неё дольше, чем собирался.

— Капитан, может, ты уже скажешь, куда ехать, и перестанешь на меня пялиться?

Чёрт.

— Да, конечно.

Телефон оказался в руке быстрее, чем успела появиться следующая колкость. Шей тут же прищурилась, заметив это движение.

— Ты не помнишь адреса? — в её голосе уже слышалось знакомое недоверие. — Ты же сказал, что он твой друг.

— Помню. Просто… он сменил локацию. Расширил свой

бизнес, понимаешь? — на ходу сочинял я.

Шей скептически изогнула бровь, бросив на меня короткий взгляд.

Я нашёл нужный адрес в переписке и начал подсказывать ей, куда сворачивать. Ехать предстояло чуть ли не через весь город, и я мысленно похлопал себя по плечу: времени провести с ней наедине у меня теперь было предостаточно.

Пока Шей вела, я невольно следил за её движениями. За тем, как расслабленно она переключала передачи, как держала руль одной рукой, как время от времени бросала взгляд в зеркала. В какой-то момент двигатель на мгновение изменил тон — низкий, глубокий звук прокатился по салону, заставив меня задержать взгляд на приборной панели, прежде чем ровный гул снова вернулся на прежний уровень.

А потом я снова посмотрел на неё.

На напряжённую ногу, обтянутую тонким капроном, на то, как уверенно она работает педалями.

И только спустя несколько секунд понял, что смотрю уже слишком откровенно и слишком долго. Пришлось заставить себя перевести взгляд на салон.

Странно было видеть настолько безупречный интерьер в машине, которой было больше пятидесяти лет. Ни одной случайной детали, ни следа небрежности. Идеальная обивка, чистая приборная панель, хромированные ободки вокруг круглых циферблатов. Стрелка тахометра двигалась вместе с оборотами, а спидометр спокойно отсчитывал скорость.

— Ты всегда так ездишь? — Я бросил на неё быстрый взгляд, наблюдая, как она уверенно выжимает сцепление и плавно переключает рычаг на четвёртую передачу.

— Как? — Она на секунду повернула голову, лениво встретившись со мной глазами.

— Будто тебе нечего бояться.

Она усмехнулась, не отрывая взгляда от дороги.

Я снова посмотрел на приборы. В этой машине всё было простым до невозможности. Никаких экранов, которые сообщали бы тебе, что делать. Никакой электроники, которая исправляла бы твою ошибку. Только двигатель, коробка, педали и человек за рулём.

И почему-то мне это нравилось.

— Пять и семь? — бросил я, изучая приборную панель.

— Ага.

— Двести пятьдесят пять лошадей? — я перевёл взгляд на Шей, уже откровенно забавляясь.

— Ага.

— И ты называешь это «тачкой для девочки»?

Она даже не повернула головы, лишь уголок её губ дрогнул в ленивой усмешке.

— Я никогда не называла свою Пантеру машиной для девочек, приятель.

Я рассмеялся, отвернувшись к окну, но тут же бросил через плечо:

— Перестань меня так называть.

— Как?

— «Приятель». Ты ещё ни разу не назвала меня по имени. Капитан, приятель, Уитман… — я покосился на неё, не скрывая улыбки. — Что, называть меня по имени для тебя слишком интимно? Боишься привязаться?

Она наконец посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то опасное и насмешливое.

— Здесь направо, — я указал рукой на дорогу, вовремя возвращая внимание к маршруту.

— Что с плечом? — бросила она, резко обрубая наш диалог.

Я замер на секунду. Она не могла знать. Во всяком случае, не должна была.

— С ним всё в полном порядке, — ответил я после короткой паузы. — А что?

— Просто за последние десять минут ты уже раз пять его потёр, — Шей постучала пальцем по оплётке руля, отбивая какой-то свой внутренний ритм. — И на тренировках тебя, как выясняется, тоже второй день нет. Капитаны школьных сборных не сбегают с поля посреди сезона ради сомнительных покатушек с девчонкой, которую едва знают. Значит, дело серьезное.

Она наконец повернула голову и посмотрела на меня.

— Так что с ним? Выбили?

Этот внезапный интерес Шей к моей личности одновременно радовал и напрягал. Сам факт, что она вообще реши-

ла что-то обо мне узнать, почему-то цеплял. Но из всех возможных вопросов она выбрала именно тот, на который мне меньше всего хотелось отвечать.

— Скажу, если расскажешь, почему переехала, — бросил я после затянувшейся паузы, глядя ей прямо в профиль.

— Здесь куда? — спросила она, плавно притормаживая у светофора и бросив на меня быстрый взгляд.

— Прямо, Шей, — ответил я, следя за дорогой.

Она кивнула и, сняв одну руку с руля, потёрла ладонью бедро. Видимо, не один я тут начал нервничать.

Шей качнула головой, сдула упавшую на глаза прядь волос и, бросив короткий взгляд в зеркало заднего вида, тихо заговорила:

— Никаких подводных камней, Уитман. Я просто поругалась с матерью, и мы обе решили, что нам будет полезнее пожить отдельно. Мне восемнадцать, так что формально я могу делать что хочу, но есть небольшая проблема: мать не собирается оплачивать мою самостоятельную жизнь. Отец открыл для меня трастовый фонд, но доступ к нему я получу только после окончания школы, когда мне исполнится девятнадцать. Поэтому мы договорились, что выпускной год я проведу у её сестры. А дальше уже буду сама решать, где и как жить.

Она ненадолго замолчала, поправила выбившуюся из пучка прядь и убрала её за ухо.

— Надеюсь, я понятно объяснила? Чтобы не возникало

лишних вопросов и чтобы об этом потом не трепалась вся школа.

Последнее она произнесла уже спокойнее, но взгляд, которым она снова встретилась со мной, ясно дал понять: второго допроса на эту тему она не планировала.

— Видимо, причина вашей ссоры была действительно серьёзной, раз вы не смогли больше выносить друг друга в одном доме, — осторожно протянул я, пытаясь хотя бы краем зацепиться за то, что она так старательно оставляла за пределами разговора.

Шей лишь едва заметно кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

Я помолчал, прежде чем всё-таки спросить:

— А отец? Он...

— Умер два года назад, — перебила она, не дав мне договорить. — Сердце. Оно просто остановилось.

Я на секунду отвёл взгляд, подбирая слова.

— Мне жаль, Шей. Это дерьмово.

Она мельком посмотрела на меня, но ничего не ответила и снова сосредоточилась на дороге.

Чтобы сменить обстановку и заодно наконец получить ответ на вопрос, который мучил меня последние три урока, я решил вернуться к тому, что не давало мне покоя.

— Какого чёрта это было в коридоре? — не выдержал я, барабаня пальцами по колену. — Какая ещё домашка по тригонометрии? Ты меня порядком напугала. Я уже решил, что

у тебя биполярка.

Шей покачала головой, отпуская газ перед поворотом.

— Люди с биполярным расстройством борются с реальной химией мозга, Уитман. Не стоит разбрасываться такими диагнозами.

Я невольно скривился: спорить с ней в этом было нечем, но сдавать позиции я всё равно не собирался.

— Ладно, справедливо. Но всё же… что произошло? Это из-за сестры?

Шей притормозила и переключилась на пониженную передачу. По тому, как на мгновение застыло её лицо, я понял: кажется, попал прямо в точку.

— Почему ты так решил?

— До конца этой улицы и направо. Там должны быть гаражи, — сказал я, указывая на дорогу, а затем, выдержав короткую паузу, добавил: — Да потому, что я видел, как ты, заметив кого-то за моей спиной, в ту же секунду отреклась от меня, как от сопливого школьника, и начала нести какой-то бред про алгебру и тригонометрию.

Я повернулся к ней, пытаясь поймать взгляд.

— Когда ты ушла, я обернулся и увидел, что твоя сестра зашла следом за тобой в уборную. Ты ведь её увидела? Я прав?

Она закусила губу и ничего не ответила, продолжая следить за дорогой. Несколько секунд в салоне стояла тишина, и чем дольше Шей молчала, тем активнее мой мозг пытал-

ся самостоятельно заполнить пробелы. Обычно это плохая идея. В этот раз он превзошёл сам себя.

В голову пришло настолько дерьмовое объяснение, что мне даже стало не по себе.

— Ты что… влюблена в свою сестру? — осторожно спросил я. — Ты посылаешь меня при каждом удобном случае потому, что ты лесбиянка?

Я помолчал, а потом добил собственную репутацию окончательно:

— Вот же чёрт.

Шей свернула на следующую улицу — и вдруг рассмеялась.

Не просто усмехнулась, не фыркнула, не выдала очередное «приятель» с выражением лица человека, который мысленно уже пишет на меня жалобу. Она рассмеялась по-настоящему, в голос, так, что на несколько секунд вообще перестала притворяться, будто умеет держать себя в руках.

Я уставился на неё, совершенно не ожидая такого. Смех Шей Делейни оказался совсем не таким, каким я его почему-то представлял: живым, немного хриплым от неожиданности и совершенно неподконтрольным ей самой. И, чёрт возьми, мне вдруг отчаянно захотелось, чтобы причиной этого смеха оказался не я. Пожалуйста, пусть я ошибаюсь.

— О боже, Уитман... — выдавила она сквозь смех, утирая уголок глаза пальцем. — Ты просто невероятный идиот.

Она несколько раз ударила ладонью по рулю, пытаясь

успокоиться, но это только ухудшило ситуацию.

— Ничего другого в твоей капитанской голове не нашлось? Чтобы объяснить, почему я на тебя не вешаюсь с первого взгляда, ты решил записать меня в лесбиянки... да ещё и с привязкой к собственной сестре?!

Я усмехнулся и потёр щёку, чувствуя, как там уже начинает проступать совершенно заслуженный стыд.

— Если изложить это твоими словами, звучит действительно не очень.

— Действительно? — она снова захлебнулась смехом. — Уитман, ты только что придумал мне романтическую линию с Дейзи!

— Я просто искал логичное объяснение.

— Логичное?!

— В тот момент казалось логичным.

Она покачала головой, всё ещё улыбаясь, и наконец бросила на меня быстрый взгляд.

— Боже, да когда раздавали самоуверенность, ты, похоже, отгреб за себя и за того парня на три ряда вперед.

Я криво усмехнулся, чувствуя, как напряжение отпускает. Чёрт побери, а ведь со стороны это и правда выглядело феерично тупо.

— Ладно, — выдохнул я, качая головой. — Признаю. Я и правда идиот.

— Здесь? — спросила она, плавно сбрасывая скорость и направляя машину к аккуратному зданию из тёмного кир-

пича.

Я поднял взгляд на лаконичную чёрную вывеску *«Revive Garage»*, сиявшую в лучах заката, и кивнул, откидываясь на спинку кресла.

— Да.

Шей припарковалась прямо у широкого въезда в мастерскую, резко заглушила двигатель и, щелкнув кнопкой, отстегнула ремень безопасности. Я тоже потянулся к защёлке, но прежде чем толкнуть дверь, резко повернулся к ней, цепляясь за шанс перехватить инициативу.

— Так ты не ответила.

Она медленно повернула голову, одарив меня тем самым ленивым, непроницаемым взглядом, за которым уже наверняка прятался очередной едкий подкол.

— Ты тоже не ответил на мой вопрос, приятель, — она качнула головой, сдувая со лба тёмную прядь. — Так что завязывай со своими допросами, я в это больше не играю.

И прежде чем я успел возмутиться или выдать хоть что-то в ответ, она толкнула дверь и выскользнула наружу.

Плечо. Чёрт. Точно.

Я совершенно забыл, что так и не ответил на её прямой наезд про мою руку. Тяжело вздохнув, я выбрался следом, машинально морщась от тупой боли в суставе. Мы обошли «Пантеру» с двух сторон и вместе направились к входу в мастерскую. Шей уверенно толкнула массивную дверь, впуская нас внутрь, где пахло дорогим кофе и свежим маслом.

Я достал телефон, на ходу сверившись с данными в сообщении, и решительно направился вглубь мастерской.

У капота ярко-синего, до зеркального блеска отполированного классического Форда Мустанга на высоком барном стуле сидел парень. Кажется, чуть старше нас, в чистом тёмно-сером комбинезоне с закатанными рукавами, обнажавшими татуированные предплечья. На коленях у него лежал ноутбук, от которого к внутренностям этого ретро-монстра тянулся целый пучок разноцветных проводов.

Я остановился в паре шагов, с глухим раздражением разглядывая всю эту картину. Выглядело так, будто он пытается запустить межгалактический шаттл с помощью калькулятора. Для меня все эти современные жгуты, вплетённые в древний блок цилиндров, были тёмной материей.

Парень как раз щёлкнул пару клавиш на клавиатуре. Мотор глухо кашлянул и заурчал ровнее, а на мониторе ноутбука побежали зелёные строчки графиков.

Я шагнул ближе и хлопнул его по плечу. Чуть грубее положенного, но нервы и так были на пределе.

— Леннон, бро, мы приехали, — выдал я. — Надеюсь, ты не забыл то, о чём мы с тобой договаривались по телефону.

Он прищурился, аккуратно отложил ноутбук на металлический стол рядом и поднялся. Усмехнувшись моей слегка полоумной интонации, протянул мне руку.

— Круз. Рад видеть. Как поживаешь? Всё так же в борьбе?

— В футболе, — быстро исправил я, пока он не наговорил

лишнего, и крепко пожал его ладонь.

Но за попытку подыграть мысленно накинул ему плюс в чек.

— А ты у нас владелица той самой «Кэмми»? — Леннон перевёл взгляд на мою спутницу.

— Шей, — представилась она, шагнув вперёд и без тени смущения протянув ему руку.

— Леннон, — представился он, пожимая её пальцы. — Но, спорим, твой парень уже успел прожужжать тебе все уши тем, какой я классный парень?

— Он мне не парень, — ледяным тоном отчеканила Шей, скрещивая руки на груди и отступая на шаг.

—Как скажете, — легко согласился Леннон, ничуть не смутившись. Он громко хлопнул в ладоши и азартно потер их. — Ладно, давайте ближе к делу. Страсть как хочу глянуть, из-за чего поднялся весь этот кипиш.

Шей молча крутанулась на каблуках и резким шагом направилась обратно к выходу, к своей машине.

Я тяжело выдохнул, засунув руки в карманы, и поплёлся следом, молясь про себя, чтобы этот дешёвый спектакль не закончился для меня внеплановой пластикой носа.

Мы вышли из гаража, и Леннон первым подошёл к «Пантере». Он обошёл машину спереди, присел возле повреждённого места и несколько секунд внимательно его рассматривал. Потом провёл пальцами по краю детали, заглянул под бампер и снова выпрямился.

Шей стояла рядом, молча наблюдая за ним. По тому, как напряжённо она следила за каждым его движением, было понятно: для неё это была не просто старая машина, которую нужно починить.

— Ну? — наконец спросила она.

— На первый взгляд, ничего катастрофического, — Леннон поднялся, ещё раз осмотрел переднюю часть машины. — Но окончательно смогу сказать только после того, как разберу её. Снаружи не всегда понятно, что там с креплениями и внутренними элементами, а гадать я не люблю — особенно когда речь идёт о такой машине.

— Ты можешь хотя бы примерно сказать, во сколько Шей всё обойдётся? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Леннон посмотрел на меня, и в уголке его рта появилась понимающая улыбка. Он снова присел возле передней части, приподнял сбоку повреждённую деталь, заглянул под неё и только после этого выпрямился.

— Если геометрия внутри чистая и тянуть на стапеле ничего не придётся, — задумчиво протянул он, ещё раз окидывая машину взглядом, — думаю, в тысячу восемьсот уложимся. С работой.

— И это окончательная цена? — Шей недоверчиво прищурилась.

— Нет, это то, что я могу сказать сейчас, пока не разобрал машину. — Леннон усмехнулся и слегка качнул голо-

вой. — Но для подруги моего хорошего друга можно и пойти навстречу. Считай, скидка за знакомство.

Я едва заметно напрягся.

Хорошего друга.

Вот это уже было лишним.

Леннон поймал мой взгляд и, кажется, понял, что начинает переигрывать, поэтому тут же вернулся к делу:

— После разборки я свяжусь с тобой, покажу, что именно нужно делать, и назову окончательную сумму. Если обнаружится что-то, чего сейчас не видно, никаких сюрпризов в счёте не будет — сначала твоё согласие, потом работа.

— Хорошо. Только детали нужны оригинальные, — Шей перевела взгляд на «Камаро». — Никаких реплик, универсальных заменителей и всего остального, что просто подходит по размеру. Если менять — ставь то, что действительно должно стоять на этой машине.

— С этим проблем не будет, — спокойно ответил Леннон. — Я уже знаю, где взять нужные детали, так что специально месяцами искать их по всей стране не придётся. Как только пойму точный список, сразу закажу всё необходимое и постараюсь управиться как можно быстрее. Не хочу, чтобы ты надолго осталась без машины.

— Я умею ждать, — Шей наконец улыбнулась.

— Хорошо. Но я всё равно постараюсь не растягивать это удовольствие, — усмехнулся Леннон. — Дай мне пару минут, я оформлю приём машины.

Он вернулся в мастерскую, оставив нас с Шей возле машины.

Открыв водительскую дверь, она наклонилась внутрь, достала куртку, а затем потянулась через салон к заднему сиденью и сгребла оттуда наши вещи.

— Твоё, — протянула мне мой рюкзак.

Закинув его на плечо, я дождался, пока Шей закроет дверь, и последовал за ней к Леннону.

Леннон вернулся с планшетом и бланком, на ходу что-то просматривая. Подойдя к Шей, он остановился рядом и развернул документы.

— Здесь укажи имя, фамилию, номер телефона и почту, — он провёл пальцем по первой части бланка. — По машине мне понадобятся год, модель, модификация, VIN, номер двигателя, если он сохранился, и текущий пробег. Остальное я внесу сам по диагностике и повреждениям.

Шей взяла ручку и склонилась над бумагами, заполняя строки одну за другой. Пока она записывала данные, Леннон отошёл к машине, заглянул через открытое водительское окно, а затем, опершись рукой о крышу, бросил через плечо:

— Она вообще твоя?

Шей продолжила писать, даже не поднимая головы.

— Когда-то была машиной моего отца. Он сам привёл её в такой вид.

— Серьёзно? — в голосе Леннона сразу появилось больше интереса. — Тогда я понимаю, почему ты так за неё дер-

жишься. А что он с ней делал? Просто восстановил кузов или полностью перебирал?

Шей наконец оторвалась от бланка и посмотрела на него, словно вопрос ей понравился гораздо больше, чем она собиралась показать.

— Кузов он разобрал до металла, — начала она, снова опуская взгляд на бумаги. — Заменил всё, что успело сгнить, выправил геометрию и вернул ей заводские линии. Двигатель оставил родной LM1 — 350-й V8, только полностью перебрал его. Карбюратор Rochester Quadrajet тоже сохранил оригинальный. Коробка родная, четырёхступенчатая Muncie M20. Даже дифференциал с Positraction оставил, хотя мог поставить что-нибудь современнее и не мучиться.

Леннон заинтересованно присвистнул.

— А салон?

— Его тоже восстановил. Сиденья перешил по оригинальному рисунку, панель приборов оставил родную, хром восстановил. И не стал выкидывать старую магнитолу.

— Работает?

— Работает, — Шей чуть улыбнулась. — Отец терпеть не мог менять вещи только потому, что появились новые. Поэтому спрятал под панелью отдельную аудиосистему с Bluetooth. Снаружи всё осталось как было, а я могу подключить телефон и слушать что хочу.

— Вот это уже умно.

— Он хотел, чтобы она выглядела так, будто шестьдесят

девятый год просто никуда не делся, — сказала Шей, ставя последнюю цифру в строке с пробегом. — Но при этом не собирался заставлять меня жить с кассетами и ловить радио через три штата.

— У твоего отца отличный вкус, — Леннон усмехнулся, снова оглянувшись на машину. — Так что нам лучше побыстрее разобраться с этим передком, пока он не решил, что ты её совсем не ценишь.

— У него был отличный вкус, — спокойно поправила Шей.

Я всё это время молчал, прислонившись к стойке и слушая их разговор. И впервые смотрел на Шей не как на строптивую девчонку, которая с первого дня умудрялась выводить меня из себя, а немного иначе.

За её привычкой огрызаться и держать всех на расстоянии оказалось куда больше, чем я предполагал. Смерть отца, проблемы с матерью, переезд, которого она явно не хотела. А теперь ещё и эта машина, которую он восстановил своими руками и оставил ей.

Кажется, я наконец понял, почему для неё было так важно вернуть «Камаро» в прежнее состояние. Дело было вовсе не в редкой классике или её стоимости. Это была одна из немногих вещей, которые остались у неё от отца.

И от этого я почувствовал себя ещё большим мудаком.

В тот вечер я видел только аварию, свою машину и собственную злость. Теперь же, узнав хотя бы часть того, через

что проходила Шей, я всё яснее понимал, насколько паршиво тогда с ней обошёлся. Особенно учитывая, что сам остановился посреди дороги, а потом ещё и сорвался на неё.

Мне снова хотелось извиниться. На этот раз не просто ради того, чтобы закрыть неприятную тему, а потому, что я наконец понимал, насколько сильно был неправ.

Шей передала Леннону ключи, на секунду задержав их в ладони, словно отпускать машину ей было сложнее, чем она хотела показать. Потом всё-таки разжала пальцы и проследила, как он убрал связку в карман комбинезона.

Я дождался, пока он поднимет на меня взгляд, и, кивнув в сторону мастерской, сказал:

— Я напишу тебе позже. Рад был встрече, Леннон. Уверен, ты не подведёшь.

В его глазах мелькнуло что-то понимающее. Он едва заметно подмигнул мне, после чего улыбнулся и поднял руку в коротком прощальном жесте, будто мы действительно были знакомы сто лет и сейчас просто заканчивали обычное дело.

Шей ничего не сказала. Она ещё несколько секунд стояла возле своей «Пантеры», внимательно разглядывая её, а потом провела ладонью по кузову — медленно, почти рассеянно, кончиками пальцев скользнув по гладкому металлу. В этом движении не было показной сентиментальности, скорее какая-то привычка, которой она сама не придавала значения. После этого Шей всё же отступила от машины и направилась к парковке.

Я пошёл следом. Солнце уже клонилось к горизонту, и длинные тени от припаркованных вдоль дороги машин растянулись по асфальту. Воздух заметно остыл, хотя день ещё не успел окончательно закончиться. Я машинально посмотрел на время и понял, что дорога до нашего района займёт ещё битый час. Можно было бы попробовать найти машину или вызвать такси, но после всего, что произошло за сегодняшний день, мне почему-то совершенно не хотелось никуда торопиться.

Шей остановилась возле тротуара, сняла с плеча рюкзак и, устроив его у ног, потянулась к затылку. Пальцы нащупали резинку, и она одним движением стянула её, освобождая волосы. Тёмные пряди тяжело рассыпались по плечам, и Шей несколько раз провела по ним ладонями. Только закончив, она снова закинула рюкзак на плечо, накинула куртку и повернулась ко мне.

— Спасибо, Круз, — наконец произнесла она, и в её голосе не осталось привычной насмешки. — Эта сумма значительно меньше той, что мне вчера называли другие. И Леннон вроде вызывает доверие. В общем… да. Спасибо. Вы оба меня очень выручили.

Круз.

Я даже не сразу отреагировал на собственное имя. За всё это время она успела назвать меня кем угодно, только не так. А сейчас произнесла его совершенно спокойно, без привычного желания поддеть меня или поставить между нами ещё

одну защитную стену.

Я улыбнулся, глядя куда-то вперёд, чтобы она не заметила, насколько сильно меня зацепила такая мелочь.

— Тебе не за что меня благодарить, — ответил я после короткой паузы. — Это я извиняться должен. Так что… да, извини. Я тогда вообще не понимал, что у тебя происходит, а вёл себя так, будто знаю о тебе всё.

Взгляд у неё стал внимательнее, но ни жалости, ни смущения в нём не было — скорее знакомое мне выражение человека, который уже решил, что не собирается позволять другому копаться в том, что он предпочитает держать при себе.

— Я рассказала тебе про мать и переезд только для того, чтобы ты от меня отстал, Уитман, — произнесла она спокойно, но с той самой сухой интонацией, которая моментально возвращала её на привычную территорию. — А не для того, чтобы ты меня пожалел. Так что забудь.

Я кивнул, принимая её слова без дальнейших попыток что-то объяснять. Спорить не хотелось, да и жалеть её я точно не собирался — кажется, Шей меньше всего на свете нуждалась именно в этом.

Потянулся за телефоном, разблокировал экран и открыл расписание, пытаясь понять, когда будет следующий автобус.

— Тебе тоже до Кеттеринга, так ведь? — спросил я, убирая телефон в карман. — Учитывая, что мы учимся в одной школе, предположил, что ты тоже где-то там живёшь.

Шей кивнула, продолжая идти вдоль тротуара.

— Фэрхилл-авеню.

— Значит, нам в одну сторону. — Я поравнялся с ней. — Поедем на автобусе? Или можем взять такси. Я оплачу.

Она даже не остановилась, только бросила через плечо:

— Я не спешу. Можем и на автобусе.

Я невольно улыбнулся ей вслед и прибавил шаг, догоняя. Значит, я не один такой. Похоже, Шей тоже совершенно не стремилась поскорее оказаться дома.

До остановки оставалось несколько минут, и вскоре впереди показалась небольшая площадка с навесом. Рядом стоял фуд-трак, от которого тянуло жареным тестом и чем-то сладким. Подойдя ближе, я остановился перед меню, пробежался глазами по вывеске и повернулся к Шей.

— Будешь кофе или чай? — спросил я, уже рассматривая список напитков. — И вообще, может, поедим? Ты ведь сегодня на обед не ходила, так ведь?

Несколько секунд она молча смотрела на дорогу, словно всерьёз обдумывала не мой вопрос, а вероятность того, что автобус приедет раньше, чем я успею продолжить допрос. Затем медленно повернулась ко мне.

— А ты следил за моим рационом в школе?

Я усмехнулся.

— Нет. Просто почему-то уверен, что ты не ходишь в столовую исключительно ради того, чтобы со мной не пересекаться.

— Ты очень проницательный, Уитман, — на её губах по-

явилась едва заметная улыбка.

Она всё-таки подошла к фуд-траку и подняла взгляд на меню.

— Ладно. Что у них тут есть?

Я встал рядом, и мы вместе принялись выбирать, время от времени перебрасываясь короткими комментариями насчёт того, что выглядело съедобно, а что лучше было оставить на совести повара. В итоге взяли по хот-догу с начинками и по молочному коктейлю.

Когда мы отошли от фуд-трака, каждый с добычей в руках, Шей вдруг посмотрела мне за спину.

Я обернулся и увидел, что к остановке как раз подъехал наш автобус. Я посмотрел на неё и кивнул в сторону автобуса, который уже начал отъезжать от остановки.

— Может, подождём следующий?

Шей проводила его взглядом и, чуть пожав плечами, согласилась:

— Да. Так будет разумнее.

Мы отошли к небольшому столику возле фуд-трака. Я опёрся бедром о край, а Шей встала напротив, поставив коктейль рядом с собой. Несколько секунд мы молча разбирались со своими хот-догами, пока она наконец не откусила первый кусок. Едва прожевав, довольно промычала что-то нечленораздельное и прикрыла глаза.

— Уже сто лет ничего подобного не ела.

Я тоже откусил, но вместо того, чтобы сразу отвернуть-

ся к дороге, продолжил смотреть на неё. Шей заметила мой взгляд, подняла глаза поверх стакана и сделала глоток коктейля.

— У тебя тут соус, — она указала пальцем на уголок своих губ.

Я провёл большим пальцем по своему лицу, пытаясь угадать, где именно испачкался.

Шей покачала головой, явно наблюдая за моими безуспешными попытками.

— Боже, капитан…

Она взяла салфетку и, прежде чем я успел что-либо сказать, протянула руку к моему лицу. Осторожно провела салфеткой по уголку моих губ, стирая остатки соуса.

Я невольно улыбнулся, всё ещё пережёвывая еду.

— Спасибо.

— Не привыкай, Уитман. Я не твоя мамочка.

Улыбка сама собой сползла с моего лица. Я опустил взгляд на хот-дог, коротко кивнув, будто её слова совершенно меня не задели.

Несколько секунд мы ели молча. Потом Шей, покрутив стакан с коктейлем в ладонях, вдруг спросила:

— А ты с кем живёшь?

— С отцом.

Она замолчала. Нижняя губа на мгновение оказалась между зубами, и по тому, как она на меня посмотрела, я понял: следующий вопрос она явно подбирала осторожнее.

— Родители в разводе, — добавил я, избавляя её от необходимости спрашивать. — Мать живёт где-то возле Чикаго.

Шей кивнула, принимая ответ без лишнего любопытства, и снова посмотрела на дорогу.

Мы доели почти молча, иногда перебрасываясь короткими репликами, пока автобусная остановка постепенно не опустела. Машины проезжали мимо, загорались окна в домах, а над дорогой становилось всё темнее.

Я поймал себя на том, что совершенно не думаю о тренировке. Обычно даже пропущенное занятие продолжало сидеть в голове занозой: я прокручивал упражнения, вспоминал, что мог сделать лучше, и прикидывал, сколько придётся наверстать. Даже сейчас, когда плечо фактически заставляло меня держаться подальше от поля, я всё равно считал это время потерянным.

Но сегодня всё было иначе.

Шей стояла рядом, придерживая стакан коктейля обеими руками, и смотрела на дорогу. Ни телефонных звонков, ни попыток выяснить, что будет дальше, ни привычного напряжения на лице. Просто ждала автобус.

Рядом с ней я и сам незаметно перестал следить за временем и думать о том, что происходит сейчас на поле. Для человека, который привык строить весь день вокруг футбола, это было непривычно.

Вдали показались фары следующего автобуса. Странно. Ещё утром я думал только о том, как дотянуть до конца дня.

А теперь этот день почему-то не хотелось заканчивать.

Глава 9

Шей

Мы вошли в автобус последними, и Круз, даже не дав мне возможности достать телефон, приложил свой к терминалу сразу после оплаты за себя.

— Эй, я сама могу за себя заплатить.

— Знаю, — бросил он, уже проходя дальше по салону. — Просто сегодня решил воспользоваться редкой возможностью побыть полезным.

Я покосилась ему вслед, но спорить не стала. В конце концов, после всего, что он сегодня сделал с моей машиной, позволить ему оплатить одну поездку было, пожалуй, наименьшим из возможных преступлений.

Мы прошли в самый конец салона и, сняв рюкзаки, устроились на последнем ряду. Точнее, попытались устроиться. Круз оказался слишком высоким и широкоплечим для нор-

мального существования на одном сиденье, поэтому через несколько секунд его колено уже упиралось в моё, а плечо практически касалось моего.

В любой другой день я бы уже успела сообщить ему, что общественный транспорт предлагает достаточно свободного пространства для того, чтобы не сидеть на чужой половине сиденья. Но сегодня почему-то промолчала.

Я откинулась на спинку и посмотрела в окно. На улице уже окончательно стемнело, и отражение в стекле стало заметнее самого города. Я давно не оставалась без своей «Пантеры» так надолго. За последние годы привыкла, что куда бы мне ни понадобилось, она всегда была рядом.

Оставалось только придумать, что сказать Колину и Хайди про машину. Завтра утром они наверняка заметят, что машины нет. Дейзи придётся либо ехать со мной на автобусе, либо Хайди снова самой везти её в школу.

— Я бы подвёз тебя завтра, если бы машина была на месте, — вдруг сказал Круз, продолжая ровно ту мысль, которую я только что прокручивала в голове. — Но заберу её только после занятий. Бишоп мой друг, он может забрать меня, и мы могли бы заехать за тобой.

Он ненадолго замолчал, а потом, видимо, сообразив, что сказал только о мне, добавил:

— Точнее, за вами. Ты ведь, наверное, вместе с сестрой ездишь? Или у неё есть тачка?

Вот этого точно не должно было случиться.

Я медленно повернула голову к нему.

— Это очень любезно с твоей и твоего не менее любезного друга стороны, но нет, не стоит из-за нас напрягаться. Ты и так уже достаточно сделал. На автобусе вполне нормально.

— Уверена?

— Да, капитан. Спасибо.

Он ещё несколько секунд продолжал смотреть на меня. Я чувствовала на себе его взгляд и от этого постепенно становилось не по себе, хотя сама не могла толком объяснить почему. В конце концов я снова отвернулась к окну, сделав вид, что меня гораздо больше интересует то, что происходит за стеклом.

Мы проехали ещё несколько остановок, когда Круз вдруг заговорил:

— Месяц назад… во время контакта за мяч я столкнулся с другим игроком и неудачно упал на правое плечо, — тихо сказал он, но так, чтобы я слышала каждое слово.

Я повернулась и взглянула на него. Круз смотрел перед собой, напряжённо перебирая пальцами ремешок рюкзака.

— Ничего не выбил и не сломал. По крайней мере, так мне тогда казалось. Я поднялся и доиграл матч. А потом плечо начало болеть. Особенно когда руку приходилось поднимать выше головы или нормально нагружать. В общем, организм решил напомнить мне, что он вообще-то не железный.

Он едва заметно усмехнулся, но тут же снова посерьёзнел.

— Сначала я думал, что это обычное повреждение. Па-

ра дней — и пройдёт. Ну, максимум неделя. Я же, мать его, спортсмен, а не хрустальная ваза. Но боль никуда не делась.

Он на секунду замолчал, потерев ладонью шею, словно ему самому было неприятно признавать, до чего далеко зашла эта история.

— Пришлось идти на обследование. В итоге нашли частичный разрыв сухожилия надостной мышцы — одного из сухожилий ротаторной манжеты, плюс воспаление и раздражение структур плечевого сустава. Врач сказал забыть о нагрузках, продолжать физиотерапию и постепенно возвращать силу плечу.

В памяти вдруг всплыли слова того самого копа, который в тот злосчастный вечер ещё умудрился похвалить Круза за его игру.

— Но ты ведь продолжаешь играть. Зачем? — спросила я, уже не скрывая недоумения.

Он повернулся ко мне и на несколько секунд задержал взгляд, словно решал, насколько честно ему стоит отвечать.

— Потому что в пятницу я решил, что уже достаточно восстановился. Вышел на матч, хотя врач прямо сказал этого не делать.

Он произнёс это почти буднично, но следующая усмешка вышла заметно кислее. Круз покачал головой, будто сам до сих пор не мог решить, кем был в тот момент — самоуверенным идиотом или просто человеком, которому слишком сильно хотелось вернуться на поле.

— Я, блядь, усугубил повреждение. Частичный разрыв стал более выраженным, — он коротко выдохнул и снова потёр плечо. — Поэтому после пятницы врач уже не оставил мне пространства для торга: никаких нагрузок, физиотерапия и постепенное восстановление плеча. В этот раз, похоже, придётся хотя бы попытаться делать то, что мне говорят.

Автобус заметно пустел, и чем дальше мы ехали, тем отчётливее я слышала его голос среди редкого шума за спиной. Слушая Круза, я постепенно понимала, что дело было далеко не в том, что он просто не мог сейчас выходить на поле. За его упрямством было что-то гораздо серьёзнее, чем желание не пропустить несколько игр.

— Ты боишься, что пропустишь сезон? — спросила я, всматриваясь в его лицо.

— Не только сезон, — несколько секунд он молчал, а потом продолжил уже без привычной лёгкости: — Я должен был именно сейчас показать, чего стою. Все эти четыре года я пахал ради выпускного сезона, потому что именно по нему меня будут оценивать колледжи.

Круз на мгновение запнулся, но почти сразу продолжил, и теперь в его голосе отчётливо слышалось то напряжение, которое до этого он старательно прятал за шутками и самоуверенностью.

— А теперь из-за этой херни шанс попасть в колледж как футболисту — процентов десять, если вообще не меньше. Придётся закончить школу с тем же планом, который отец

придумал для меня ещё несколько лет назад: экономика, его бизнес и дальше по списку. Только это будет его жизнь, а не моя.

Он опустил голову, прикрыл глаза и пару раз несильно стукнул рюкзаком себя по лбу, словно уже начинал жалеть, что вообще открыл эту тему.

— Команда об этом вообще не в курсе. Даже, блядь, мой лучший друг ничего не знает.

— Почему ты ему не расскажешь? — спросила я. — В этом же нет ничего такого.

— Для тебя — нет, — Круз чуть повернулся ко мне, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучало раздражение не на меня, а на саму ситуацию. — А для меня есть. Если я расскажу Бишопу, он начнёт смотреть на меня не так, как раньше. Начнёт жалеть. А это последнее, что мне, блядь, нужно.

Он сделал короткую паузу и продолжил уже жёстче:

— С командой всё ещё хуже. У нас достаточно игроков, которые только и ждут возможности занять моё место. Стоит им узнать, что я травмирован и неизвестно, когда вернусь, меня просто посадят на скамейку и поставят другого. А если я не вернусь вовремя, место уже никто не станет мне возвращать только потому, что я капитан.

Я некоторое время молчала, переваривая его слова. Он рассказал мне не просто о травме, которую скрывал от команды, а о том, что могло перечеркнуть всё, к чему он шёл

последние четыре года. До этого я видела в нём самоуверенного футболиста, который слишком легко шутит и слишком неохотно показывает, что его действительно задевает. Сейчас передо мной был совсем другой Круз, и я не знала, что делать с этим знанием.

Наверное, именно поэтому мне стало немного не по себе. Я слишком хорошо понимала, что обычно происходит после таких признаний: человек показывает тебе то, что привык прятать от остальных, и между вами будто автоматически возникает какое-то обязательство. Не произнесённое вслух, но вполне понятное — теперь твоя очередь.

Возможно, Круз именно этого и ждал. Не признания в ответ и не жалости, а хотя бы маленькой уступки с моей стороны, чтобы я перестала держать его на расстоянии и тоже позволила ему узнать обо мне что-то настоящее.

Только вот дальше той черты, которую я уже позволила ему пересечь, пускать не собиралась.

Когда мы подъезжали к остановке, которая была ближе всего к моему дому — точнее, к дому, в котором я теперь обитала в качестве назойливой мухи, — я поднялась с сиденья и вместе с Крузом прошла к выходу. Остановившись у двери, я обернулась. Он держался одной рукой за верхнюю перекладину и смотрел на меня сверху вниз, и от этого взгляда я почему-то снова почувствовала себя неуютно.

— Я дойду сама, капитан. Провожать не обязательно, — сказала я, стараясь, чтобы это прозвучало достаточно ясно.

Его взгляд на мгновение опустился к моим губам, и я тут же отвернулась к дверям, сделав вид, что именно они сейчас требуют моего полного внимания.

Автобус остановился, двери разъехались, и я первой вышла на тротуар, надеясь, что на этот раз он всё-таки услышал сказанное. Надежда оказалась недолгой. За спиной послышались знакомые шаги.

— Я же сказала, Уитман.

— Делейни, я не отпущу тебя одну, — спокойно ответил он, закидывая рюкзак на плечо. — Нравится тебе моё общество или нет, придётся терпеть.

Я только фыркнула и пошла дальше. Похоже, на этом мы снова вернулись туда же, откуда начали.

— Слушай, если ты решил, что после сегодняшнего дня и всех этих взаимных откровений мы вдруг стали близкими друзьями, то ты ошибаешься, — сказала я, продолжая идти по тротуару. — Всё останется как прежде. И вообще, было бы гораздо лучше, если бы в школе мы просто сделали вид, что вообще друг друга не знаем. Ты не против?

Круз остановился на мгновение, и я краем глаза заметила, как от такой наглости у него округлились глаза, а руки, спрятанные в карманы толстовки, сжались в кулаки. Кажется, вышло резковато. Но отступать было поздно.

— Делейни, чего ты боишься? — спросил он уже без привычной усмешки. — У тебя что, парень-ревнивец в Кливленде остался? Так и сказала бы. Я вообще-то просто хотел

разгрести дерьмо с машиной и извиниться за тот вечер, а не набиваться в лучшие друзья.

Я отвернулась и продолжила идти, но он снова догнал меня, не пытаясь спорить или заставлять меня остановиться.

Наверное, другой парень на его месте уже послал бы меня куда подальше. Особенно после такого заявления. Но Круз почему-то даже не попытался ответить мне той же монетой.

— Ты невероятно усложняешь, капитан, — бросила я через плечо, не сбавляя хода. — Я приехала сюда только для того, чтобы дотянуть этот проклятый выпускной год. Никаких тусовок, никаких клубов, никаких новых знакомых и тем более — парней. Мне никто здесь не нужен.

Я продолжала идти, чувствуя его взгляд у себя за спиной.

— У тебя своя жизнь и свои проблемы, у меня — своя. Не думаю, что из нашего общения выйдет что-то стоящее, — я ненадолго замолчала, подбирая последние слова, хотя внутри уже прекрасно знала, что хочу сказать. — Так что лучше тормознём именно на этом моменте. Ладно?

— Как скажешь, — просто ответил он.

И от этих двух слов меня почему-то неприятно кольнуло. Именно этого я ведь и хотела — чтобы он отступил, перестал лезть туда, куда его не звали, и оставил меня в покое. Но почему-то вместо ожидаемого облегчения внутри стало пусто.

Чёрт.

Дейзи. Думай о Дейзи, Шей.

Когда впереди показался дом Уинслоу, я снова поверну-

лась к нему.

— Мы уже пришли. Спасибо, Уитман. За машину и… за понимание, — я чуть помедлила, подбирая слова. — И надеюсь, твой ремонт не обошёлся тебе в какую-нибудь космическую сумму. Если да, то я, вообще-то, всё ещё обязана тебе все выплатить.

— Не придумывай себе ещё одну проблему, — отозвался он, даже не посмотрев на меня.

— Надеюсь, твоё плечо всё-таки быстро придёт в себя, — я попыталась улыбнуться. — А то будет довольно нелепо: капитан команды, который сам себя вывел из игры, — я слегка толкнула его рукой в здоровое плечо. — Ты вообще-то скала, помнишь?

Круз даже не пошевелился.

— Я серьёзно, Круз. Посмотри на меня.

На этот раз он всё-таки поднял голову. Лицо у него было таким каменным, что моя попытка разрядить обстановку окончательно провалилась.

— Ладно, — сказала я уже спокойнее. — Я передумала насчёт тебя.

— В каком смысле? — он чуть нахмурился.

— В самом хорошем. Ты, оказывается, вполне нормальный человек. Даже отличный парень, если не считать твоей патологической уверенности в собственной дедукции.

В уголке его рта что-то едва заметно дрогнуло.

— Особенно мне понравилась твоя версия про Дейзи, —

добавила я. — Не каждый день человек умудряется придумать мне романтические отношения с собственной сестрой. Думаю, это достижение надолго останется в моей памяти.

Теперь он всё-таки едва заметно усмехнулся, и я тоже не удержалась.

— Но если серьёзно… — я выдохнула и на секунду отвела взгляд. — Я тоже была не подарок. Могла бы не разговаривать с тобой так, будто ты лично придумал все проблемы, которые свалились мне на голову. Так что… прости.

Круз просто кивнул, не сказав ни «всё нормально», ни очередной шутки. Потом развернулся и пошёл обратно той же дорогой, откуда мы пришли.

Я ещё несколько секунд смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол и не исчез из виду, и только тогда вспомнила, что вообще-то собиралась домой. Направившись к крыльцу, я заметила, что во всех окнах горит свет, за занавесками первого этажа мелькают размытые тени, а из гостиной доносятся приглушённые голоса. Обычный вечер в обычном доме. Поднявшись на крыльцо, я потянулась к дверной ручке.

Заперто.

— Ну конечно, — пробормотала я и постучала.

Сначала ничего не произошло. Через несколько секунд за дверью послышались шаги. Я постучала ещё раз и стала ждать, пока кто-нибудь соизволит открыть.

Когда наконец щёлкнул замок и дверь распахнулась, на пороге стояла Хайди. В одной руке она держала кухонное по-

лотенце, которым вытирала влажные ладони, и внимательно оглядывала меня с головы до ног.

— Где ты была? Занятия давно закончились. И, насколько я понимаю, ни на одно дополнительное занятие ты так и не записалась.

Я переступила порог и, не задерживаясь в прихожей, направилась к лестнице.

— Впечатляет, — протянула я, поднимаясь по ступеням. — Я ещё даже не успела войти в дом, а ты уже успела составить список всего, чем я сегодня не занималась.

— Я задала простой вопрос, — голос Хайди донёсся снизу. — И ожидаю на него такой же простой ответ.

— А я не люблю вопросы, в которых ответ уже придумали за меня, — бросила я, продолжая подниматься по лестнице. — Особенно когда от меня ждут не объяснений, а подтверждения собственной версии.

— Никто ничего за тебя не придумывает, Шей, — отозвалась Хайди снизу, и по её тону я сразу поняла, что она начинает злиться. — Я просто спросила, где тебя носило всё это время.

— И я услышала, — ответила я, не сбавляя шага. — Просто не вижу причин отчитываться о каждом своём шаге.

— Пока ты живёшь под моей крышей, такие причины есть, — отрезала она.

Поднявшись на верхнюю площадку, я остановилась и обернулась.

— Я прекрасно понимаю, где нахожусь, — медленно произнесла, встречаясь с ней взглядом. — Но, кажется, ты путаешь «живёт в моём доме» с правом «теперь я могу решать за неё».

Хайди на секунду застыла, а потом резко выдохнула и отвела взгляд.

— Иногда с тобой невозможно нормально разговаривать.

— Взаимно, — бросила я с едва заметной усмешкой и наконец развернулась к своей комнате.

Проходя мимо комнаты Дейзи, я остановилась. Дверь была распахнута настежь, и, судя по всему, она слышала весь разговор с её матерью.

Я заглянула внутрь и прислонилась плечом к дверному косяку. Дейзи лежала на животе, подперев голову одной рукой, а второй что-то записывала в тетради. В комнате царил привычный для неё идеальный порядок: вещи лежали на своих местах, книги были аккуратно сложены, а форма черлидерши уже висела на вешалке, отглаженная и готовая к следующему дню.

Дейзи почувствовала мой взгляд, подняла голову и улыбнулась. Я тоже улыбнулась ей.

— Тебе нравится её бесить, да? — спросила она, чуть поморщившись.

Я усмехнулась, но отрицать не стала.

— Удалось найти мастера?

— Да, — кивнула я.

— Значит, завтра нам рассчитывать на мамин трансфер? — Дейзи чуть улыбнулась, уже догадываясь, какой будет ответ.

— Только не это, — я наконец оттолкнулась от дверного косяка и вошла в комнату. — Я прекрасно переживу автобус. А ты можешь продолжать пользоваться семейным сервисом.

Дейзи тихо рассмеялась и снова склонилась над тетрадью.

— Как твой день вообще? — спросила я, остановившись возле её кровати. — Как тренировка?

Дейзи опустила взгляд обратно в тетрадь, несколько секунд что-то дописывала, а потом сказала:

— Нормально. Школа, потом тренировка… — она на секунду замолчала, а потом добавила уже совсем другим тоном: — Только…

— Что? — я вопросительно посмотрела на неё.

— Круза снова не было на тренировке, — наконец сказала Дейзи. — У нас тренировки проходят одновременно, и его на поле не было. Как думаешь, у него что-нибудь случилось?

И каким-то образом разговор всё равно пришёл к нему. Да она просто помешалась на этом парне.

— Дейзи, ты вообще его знаешь? — я с сомнением посмотрела на неё. — Почему ты так переживаешь из-за парня?

— Знаю достаточно, чтобы заметить, когда его нет, — спокойно ответила она, снова склонившись над тетрадью.

— Это, пожалуй, уже пугающий уровень наблюдательно-

сти, — пробормотала я, прислонившись к подоконнику. — Вы вообще разговаривали когда-нибудь? Нормально, а не в твоём мысленном диалоге с ним?

— Один раз, — ответила Дейзи, продолжая выводить что-то простым карандашом на полях. — На вечеринке у Тайлера. Ещё в прошлом году.

— И что же вы успели обсудить за этот знаменательный разговор?

Дейзи улыбнулась, не поднимая головы.

— Ничего особенного. Мы оба стояли в очереди в туалет. Он спросил, весело ли мне. Я сказала, что да.

Я несколько секунд смотрела на неё, пытаясь понять, серьёзно ли она считает этого достаточно, чтобы весь год следить за тем, появился ли он на тренировке. Судя по выражению её лица — более чем.

Советы по привлечению парней я уж точно не собиралась ей давать. Мой собственный опыт в этом вопросе особым разнообразием не отличался: одни нормальные отношения — и довольно странный финал, который я до сих пор не смогла толком разложить по полочкам. Я никогда не понимала всех этих правил про «написать первой», «не писать слишком быстро», «показаться заинтересованной, но не слишком заинтересованной». Для меня всё это всегда выглядело как инструкция, которую почему-то забыли выдать вместе с остальными.

— А что тебе советуют твои великие специалисты? —

спросила я, явно напрягшись и даже не понимая, из-за чего.

Дейзи пожала плечами, лениво перебирая край пледа.

— Таллула считает, что мне стоит самой ему написать. Просто предложить куда-нибудь сходить. Без всяких намёков, чтобы не усложнять. А Пейтон уверена, что после этого я покажусь слишком доступной.

— Разумеется, — пробормотала я. — Потому что написать человеку первой — это уже почти общественное преступление.

Дейзи тихо рассмеялась, но тут же снова стала серьёзной.

— Поэтому я и не знаю, кого слушать. Одной кажется, что я должна что-то сделать, другой — что лучше вообще ничего не делать.

Она посмотрела на меня с ожиданием.

— А ты что скажешь?

Вопрос застал меня врасплох сильнее, чем должен был. Я отвела взгляд к окну, пытаясь придумать хоть что-нибудь, что не звучало бы фальшиво. Но любое мнение, которое я могла сейчас высказать о Крузе, автоматически означало бы, что я знаю о нём гораздо больше, чем Дейзи должна была предполагать.

— Не знаю, — ответила я наконец. — Правда, Дейзи. Я не хочу в это лезть.

Она несколько секунд смотрела на меня, а я уже направилась к двери.

— Ты чего? — тихо спросила она.

— Ничего. Просто устала, — я остановилась у порога и обернулась. — Давай завтра поговорим, ладно? Спокойной ночи, Дейзи.

Она кивнула, хотя по её лицу было видно, что мой ответ её немного озадачил.

— Ладно. Спокойной.

Я прошла к себе и закрыла за собой дверь, отсекая оставшийся в коридоре свет и голоса. Щёлкнула выключателем у кровати, зажигая мягкий жёлтый свет настольной лампы, и сбросила надоевшую куртку прямо на пол. Рюкзак отправился туда же, рядом с креслом.

Достав из кармана телефон, я нервным движением большого пальца разблокировала экран и снова открыла сообщения. Один мессенджер, второй, третий. Я проверила все чаты, хотя прекрасно знала, что за последние несколько минут ничего измениться не могло.

Пусто.

Ни от Тейта. Ни от кого-то ещё, чьего сообщения я, возможно, всё-таки ждала.

Я ещё несколько секунд смотрела на экран, прежде чем погасить его.

Видимо, никто из нас больше не скучал.

Утром я выбралась из дома, демонстративно оставив всех остальных завтракать в их образцовой семейной идиллии, и быстрым шагом направилась к автобусной остановке. До этого, правда, пришлось выдать Колину заготовленную легенду насчёт машины — к счастью, Дейзи в этом вопросе малодушно согласилась подыграть, не привлекая лишнего внимания к деталям. Я с чистой совестью выложила дяде историю о том, как накануне прямо на светофоре у машины внезапно пропала задняя передача, а педаль сцепления провалилась в пол и больше возвращаться туда не собиралась. Ехать дальше было физически невозможно, поэтому пришлось экстренно вызывать эвакуатор и тащить тачку до ближайшего частного гаража, где мастера ещё соглашались возиться с капризной американской классикой.

Колин тогда лишь тяжело покачал головой, заметив, что механика у таких автомобилей иногда требует мужской силы и вообще любит напоминать о себе в самый неподходящий момент.

В общем, ещё одной проблемой можно было считать временно решённой.

Шумный жёлтый автобус тормознул у главных ворот, и я вывалилась наружу вместе с остальной толпой. Поправила лямку рюкзака, привычно вбивая наушники поглубже под волосы, где на полную гремели *The Daylights*, и зашагала к главному входу. Парковка уже задыхалась от машин, а на ступеньках образовался настоящий затор из школьников, перегораживавших весь проход.

Краем глаза я зацепила знакомый кроссовер. Дейзи уже выбиралась с пассажирского сиденья, что-то бросая Хайди напоследок и махая ей рукой. В какой-то момент она перевела взгляд в мою сторону, кивнула матери и хлопнула дверью.

Обычно я бы замерла у газона и дождалась её, чтобы вместе протолкаться сквозь двери и под привычную болтовню дойти до шкафчиков. Но сегодня я просто сбавила шаг, вжалась плечом в поток учеников и намеренно уставилась в асфальт под ногами, делая вид, что увлечена треком в наушниках. Поступить так с Дейзи было откровенно паршиво, зато это моментально срезало на корню любой разговор. Слушать с самого утра её вздохи по Крузу, а потом с каменным лицом отыгрывать роль безучастной слушательницы — последнее, на что у меня сегодня хватало ресурса.

Я поднялась вместе со всеми, вошла в шумное школьное здание и только там начала выискивать глазами знакомую макушку. Заодно мысленно натянула броню понадёжнее, стараясь сделать вид, что вчерашнего вечера со всеми его провалами и откровенными разговорами никогда не су-

ществовало.

Воздух в коридорах был тяжёлым, наэлектризованным от утренних сплетен, громких голосов и звона металла у шкафчиков. Я поправила капюшон своей худи, заправляя выбившиеся волосы обратно, и продолжила упорно следить за затылком впереди идущего парня. План был прост до боли в зубах: добраться до своего ряда, закинуть учебники и раствориться в расписании так, чтобы меня просто физически не существовало для окружающего мира. Особенно для тех, кто мог напомнить о вчерашнем дне.

Я забрала учебники из шкафчика и направилась в кабинет истории. Людей было ещё немного, поэтому я сразу заняла своё привычное место в дальнем углу возле окна, скинула рюкзак на пол и, глубже кутаясь в просторные карманы худи, уставилась на пейзаж за стеклом, ожидая звонка.

Через пару минут кабинет начал стремительно заполняться учениками. Гул голосов становился всё плотнее и постепенно начал давить на уши, поэтому пришлось неохотно стянуть наушники и убрать их в карман.

Именно в этот момент я машинально подняла взгляд на очередного вошедшего парня.

Круз.

Он шёл, отрешённо глядя себе под ноги, словно происходящее вокруг его совершенно не касалось. Лишь когда он оказался ближе, я заметила крошечные беспроводные наушники. На нём был плотный спортивный костюм, безупреч-

но белые кроссовки, а из-под расстёгнутой толстовки поверх белой футболки поблёскивала цепочка.

Пройдя вглубь класса, он небрежно бросил рюкзак на второй ряд и рухнул на стул, даже не взглянув на остальных.

Поймала себя на том, что рассматриваю его уже слишком откровенно.

Чёрт.

Резко отвернувшись, я раскрыла учебник на первой попавшейся странице и уставилась в текст, пытаясь сосредоточиться на событиях, которые происходили в этой стране задолго до моего рождения.

Но стоило мне снова поднять взгляд, как на соседнее место слева от меня сел тот самый парень, которого я заметила вчера. Кудрявый, светловолосый — только сегодня смотрел он на меня совсем иначе. Вчера его взгляд был странным, а сейчас казалось, будто он всерьёз прикидывает, как бы расчленить меня прямо посреди кабинета.

Я машинально приподняла одну бровь, демонстрируя полное отсутствие страха перед его угрожающим видом, и в ответ он демонстративно цокнул языком, разворачиваясь ко мне всем корпусом.

— Делейни, не много ли ты на себя берёшь? — процедил он сквозь зубы, явно рассчитывая застать меня врасплох.

Я моргнула, переваривая услышанное, и скептически прищурилась.

— Что прости? Ты кто вообще?

— Ты только, чёрт возьми, перевелась, а уже испортила жизнь двум моим самым близким здесь людям, — он запнулся, бросив быстрый взгляд в сторону доски, и тут же поправился: — Ну, не только здесь... В общем, ты поняла. Я Бишоп. Друг нашего капитана и парень Оливии Корбин.

Я медленно спустила воздух из надутых щёк и уставилась прямо перед собой.

Просто великолепно.

Одной проблеме, видимо, в этой грёбаной школе было скучно жить.

— Что ты от меня хочешь? — процедила я едва слышно, не поворачивая головы. — Я тебе ничего не сделала.

— Мне? — Бишоп едва заметно скривился. — Да мне-то как раз повезло. Ещё бы ты мне что-нибудь успела сделать.

В кабинет вошёл мистер Паркер, положил на стол папку с бумагами и начал перекличку. Мы оба сделали вид, что внимательно смотрим на доску.

— Тебе теперь придётся разгребать всё это, — Бишоп наклонился ко мне чуть ближе.

— А выражаться поточнее без этой драмы ты можешь, Златовласка? — прошипела я в ответ, боковым зрением заметив, как впереди Круз неторопливо стянул наушники, убрал их в карман и небрежно открыл учебник.

— Могу. Только тогда нам обоим влетит от Паркера, — Бишоп усмехнулся.

— Переживу.

— Я тоже. Но он говорит так, будто лично меня родил и теперь жалеет об этом.

— Так что? — я скосила на него взгляд.

— Во-первых, моя девушка теперь отказывается ходить в свой драмкружок, — процедил он уже тише. — Уверяет, что в этом больше нет никакого смысла. Вчера проплакала почти весь день из-за той херни, которую ты ей наговорила.

— Я ей ничего…

— Во-вторых, — перебил он, даже не дав мне закончить, — мой друг Уитман…

— Бишоп, — окликнул мистер Паркер. — Если разговор настолько интересный, поделитесь со всем классом.

— Мы как раз обсуждаем освоение Дикого Запада, — совершенно спокойно ответил Бишоп.

— Тайлер, у нас Великая депрессия, если вдруг забыл, — сухо напомнил преподаватель.

Бишоп посмотрел на него с самым серьёзным выражением лица.

— Не забыл. Просто решил немного углубиться в тему человеческих конфликтов.

— Тогда углубляйся молча.

— Разумеется, мистер Паркер.

Мистер Паркер вернулся к планшету и продолжил зачитывать текст. Тайлер дождался, пока его внимание снова переключится на урок, и тут же продолжил:

— Так вот. Мой друг Уитман…

Бишоп произнёс это имя чуть громче, чем следовало, и Круз резко повернул голову. Прищурившись, он наблюдал за нашей вознёй, но блондин рядом со мной вовремя выпрямился, умело скрывая напряжение, чтобы со стороны не казалось, будто у нас тут намечаются разборки на ножах. Круз перевёл взгляд на меня и тут же отвернулся. Ни улыбки, ни приветствия, вообще ничего.

Чёрт.

— Из-за тебя мой друг не приходит на тренировки, — продолжил Бишоп, уже практически шевеля одними губами. — И не надо на меня так смотреть. Я прекрасно знаю, что это не ты лично запретила ему играть. Но он теперь вообще забил на футбол.

— При чём тут я? — нахмурилась я.

— Парень забросил дело всей своей жизни из-за твоей глупой проблемы с тачкой. А после вашей вчерашней поездки его вообще переклинило. Не знаю, что ты там с ним сотворила и чем твоя тёмная личность так его завлекла, но ты и это, блядь, исправить должна.

— Что значит «переклинило»? — я медленно повернула голову, чувствуя, как внутри всё-таки шевельнулось противное липкое любопытство.

— Не знаю. Я не психиатр, я парень Оливии, — он усмехнулся краешком рта. — У меня и без этого достаточно квалификаций.

Я едва не усмехнулась в ответ на эту напыщенную репли-

ку, но вовремя сдержалась, плотнее втягивая голову в капюшон худи.

— Слишком уж много ты повесил на меня грехов, — я прищурилась, в упор глядя на него. — А если скажу, что ничего не собираюсь исправлять?

— Ну тогда... — парень криво усмехнулся, и в этой улыбке не было ни капли веселья, — я всем вокруг растреплю, что ты тайно встречаешься с Уитманом.

— Что? Ты вообще больной? — я едва не сорвалась, чудом сдержавшись на полуслове.

— Возможно, — совершенно спокойно согласился он. — Но сейчас это не самое важное.

Я несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, серьёзно ли он это сказал.

— С чего люди вообще должны поверить в такую хрень?

— У меня есть свидетель, — ухмыльнулся он, чуть подавшись вперёд. — Вчера ко мне подошёл Эмерсон. Сын того самого копа, который подъехал к вам в тот день, когда ты, не глядя на дорогу, влупилась в зад Круза, и спросил, правда ли то, что ему рассказал отец. А тот-то выложил всё как на духу: как он остановился перед нашим капитаном и его девчонкой на старой «Шевроле» в разгар выяснений отношений влюблённых.

— И что ты ему сказал? — я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

— Я сказал, что лучше пока это держать при себе. Капи-

тан не хочет, чтобы кто-то узнал, — он самодовольно улыбнулся, явно любуясь собственным великолепием. — Но стоит мне разрешить ему открыть рот — и об этом узнает вся школа.

Бишоп выпрямился и посмотрел прямо перед собой, туда, где сидел Уитман. Выдержав небольшую паузу, он снова наклонился ко мне поближе.

— А ещё, поговорив сегодня с Крузом в машине, — не думай, всех подробностей вашего адюльтера он мне не рассказывал, — продолжил Бишоп. — Знаешь, что я понял?

— Что ты слишком много говоришь? — прошептала я.

Он чуть наклонился ко мне, понизив голос ещё сильнее.

— Я понял, что ты что-то скрываешь. И панически боишься даже словом с ним в школе перекинуться, чтобы никто не спалил, что между вами вообще что-то происходит.

— Может, потому что между нами ничего не происходит?

— Может, — он кивнул, хотя по его лицу читалось, что этому варианту он верит меньше всего. — Только есть одна маленькая проблема, Делейни. Круз не умеет делать такое лицо, когда ему всё равно.

Я замерла, а Бишоп снова уткнулся в учебник, будто не бросал только что бомбу.

— Пока не знаю, зачем ты так старательно держишь его на расстоянии, — продолжил он, не поднимая глаз. — Но подозреваю, что тут замешан кто-то ещё. Кто-то, кого ты очень не хочешь расстроить. И я это выясню.

— А потом? — я медленно повернула к нему голову, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки под партой.

— А потом, Делейни, мы с тобой проведём очень содержательный разговор, — Бишоп едва заметно улыбнулся, перевернув страницу. — И поверь, после сегодняшнего утра мне уже чертовски интересно, насколько глубока эта кроличья нора.

Я прикрыла глаза и медленно выдохнула.

Как одна никчёмная авария вообще умудрилась запустить цепную реакцию из этого грёбаного абсурда?

С Корбин, ладно, соглашусь: кажется, я действительно перегнула. Видимо, её театральная драма не выдерживает столкновения с реальной жизнью, раз девочка расклеилась из-за пары резких фраз. Я почему-то всегда считала, что актрисы должны быть устойчивы к любому стрессу.

Но Бишоп со своими идиотскими заговорами и «дедуктивными способностями» сейчас заставлял меня изо всех сил сдерживаться, чтобы не встать и не выкрикнуть ему в лицо всё, что я о нём думаю.

А ещё Круз. Чёрт бы его побрал.

Нет бы просто сказать другу правду: мол, так и так, не до футбола сейчас, проблемы похуже навалились. Так нет же. Проще прикрыться самой тупой из возможных мужских отговорок: его, видите ли, великодушно отшили, а его величественная гордость теперь не позволяет спокойно выйти на

поле.

Они все сговорились, что ли?

Я уткнулась взглядом в раскрытый учебник, стараясь хотя бы сделать вид, что слушаю мистера Паркера.

Но сегодня даже Франклин Рузвельт явно проигрывал как минимум одному придурку, одной расстроенной актрисе и одному капитану, который, судя по всему, решил окончательно свести меня с ума.

Глава 10

Круз

— Ты же помнишь, что игра в пятницу? Ты нам нужен, капитан.

Бишоп нагнал меня в коридоре и, не спрашивая разрешения, хлопнул ладонью по здоровому плечу, пока мы пробирались к следующему кабинету.

— Помню, — отозвался я, поправляя ремень рюкзака. — Ты уже второй раз за сегодня решил мне об этом напомнить.

— Потому что ты второй день подряд испаряешься с тренировок.

Я усмехнулся, хотя особого веселья не чувствовал.

Вот только с ответом на этот вопрос у меня как раз были проблемы.

Я уже не знал, какое ещё оправдание придумать Бишопу, почему сегодня снова не пойду на тренировку. Врать всей команде — одно. Но ему, человеку, который всегда был ря-

дом и никогда не давал повода усомниться в нашей дружбе, лгать было гораздо сложнее.

После уроков мне нужно было забрать джип из ремонта, потом ехать на физиотерапию и уколы, а уже после — заехать к Леннону и отдать деньги за ремонт «Пантеры». Шей могла сколько угодно повторять, что не хочет иметь со мной ничего общего. Отступать я не собирался. Даже если мне ничего с ней не светило.

— О чём ты говорил с Делейни? — не выдержал я и всё-таки спросил.

Бишоп отвёл взгляд и непривычно замялся. Такая реакция мне сразу не понравилась. Пауза затянулась настолько, что я уже начал жалеть, что вообще спросил.

— Да ничего такого, не парься, — наконец отмахнулся он. — Просто хотел, чтобы Шей поговорила с Корбин.

— Зачем ей с ней говорить? — я достал из рюкзака бутылку воды, сделал пару глотков, не сводя с него взгляда.

Бишоп покосился в сторону коридора, будто надеялся обнаружить там срочное спасение, но его, конечно, не оказалось.

— Вчера твоя подружка слишком резко отреагировала на предложение Оливии вступить в их театральную тусовку.

— Ну конечно. Другого от неё никто и не ожидал, — я усмехнулся.

— Нихрена смешного, Уитман, — Бишоп тут же повернулся ко мне. — Моя девочка проплакала весь вечер, я часа

два выпытывал у неё, что случилось. Она теперь хочет всё бросить и вообще не знает, чем ей заниматься после школы. В общем, твоя Шей основательно «перепрошила» мою девушку. Я вежливо попросил Делейни откатить обновление и вернуть прежнюю версию Корбин.

— Господи, Тайлер. Твоя девушка не компьютер, которому можно одним кривым кликом снести операционную систему, — я отступил на шаг, пропуская пару учеников, протиснувшихся в кабинет. — Как можно за один разговор настроить человека так, чтобы он потерял интерес к любимому делу? Ты уверен, что всё настолько плохо?

— Не знаю, Круз, у меня нет хрустального шара, чтобы разобраться, что у неё в голове, — упрямо бросил он. — Поэтому пусть эта новенькая всё исправляет. Иначе я за себя не ручаюсь.

Я посмотрел на него уже без улыбки. Видимо, выражение моего лица получилось достаточно красноречивым, потому что Бишоп вдруг рассмеялся.

— Чёрт, чувак. Ты вообще потерян. Не буду я нихрена ей делать.

— Иди в кабинет, Бишоп.

— Уже иду, капитан.

После занятий я сразу направился к автобусной остановке. Весь день старался снова не обращать внимания ни на что вокруг, но получалось так себе. Шей была рядом — на тех же уроках, в тех же коридорах, буквально в нескольких шагах, — и при этом я даже не мог нормально подойти к ней и поздороваться. Больше всего бесило именно это.

Ещё вчера мы вроде бы наконец нормально поговорили. Без этих её вечных попыток от меня отделаться, без напряжения, которое появлялось каждый раз, когда я подходил слишком близко. Она смеялась надо мной, я умудрился выставить себя полным идиотом, и каким-то образом после этого всё стало проще. Я уже решил, что, может быть, мы хотя бы сможем нормально общаться.

А сегодня она снова смотрела на меня так, будто мы вообще не знакомы. Я не понимал, какого хрена она так боится даже обычного разговора со мной. В какой-то момент мелькнула мысль подойти к её сестре и спросить прямо: у Шей вообще есть парень? И что, чёрт возьми, у неё происходит?

Но я вовремя себя остановил. Во-первых, это было бы странно. Во-вторых, она сама вчера попросила меня сделать

вид, что мы друг друга не знаем. И каким бы идиотским ни казалось мне это решение, я не хотел создавать ей новые проблемы только потому, что мне самому не нравились её правила.

Когда подъехал нужный автобус, я зашёл внутрь, прошёл в начало салона и плюхнулся на свободное место у окна. Народу было немного, поэтому никто не мешал мне снова провалиться в свои мысли. Музыку в наушниках прервало входящее уведомление. Наверняка Бишоп уже успел заметить, что меня снова нет на тренировке.

Я достал телефон и, даже не разблокируя его, увидел, что написала она. Несколько секунд просто смотрел на экран, пытаясь угадать, зачем Шей вообще решила мне написать. Наверняка хочет попросить номер Леннона или адрес мастерской. Может, узнать, что там с машиной. Что-нибудь в этом роде. Я открыл сообщение:

«Снова пропускаешь тренировку, капитан?»

Я огляделся и только тогда заметил Шей, стоявшую прямо передо мной в проходе, державшуюся за спинку моего сиденья. Пришлось вытащить наушники.

— Ты наконец-то научился смотреть не только себе под нос? — с едва заметной издёвкой произнесла она.

На ней было плотное худи и чёрные джинсы, волосы спрятаны под капюшоном, из-за которого лицо казалось чуть более открытым, чем обычно. И только когда она оказалась так близко, я почувствовал её запах — что-то тёплое, пряное,

с сухой осенней нотой. Не приторный девчачий парфюм, от которого вечно першит в горле в школьных коридорах, а что-то совсем другое, почему-то сразу напомнившее мне прохладный вечер. Ничего особенного, если подумать, но настолько ей подходящее, что я поймал себя на совершенно идиотской мысли: если почувствую его ещё раз, уже точно узнаю.

— Ты же знаешь, я не могу сейчас играть, — сказал я, отвернувшись к окну, хотя прекрасно понимал, что именно она пытается сделать.

Шей пару секунд молчала, а потом совершенно бесцеремонно стукнула меня коленом по бедру.

— Подвинься, приятель.

Я покосился на неё, но спорить не стал и придвинулся к окну. Она тут же стянула с плеч рюкзак, поставила его между ног и уселась рядом так естественно, словно мы не провели весь день, старательно изображая двух людей, которые впервые видят друг друга.

— Я почему-то думала, что проблема у тебя только с плечом, — протянула она, устраиваясь поудобнее, — а теперь выясняется, что ещё и с нытьём. Бегать ты можешь, стратегию разбирать можешь, орать на своих больших мальчиков, когда они не туда побежали, тоже, подозреваю, можешь. Так в чём трагедия? Футбол же не заканчивается, если капитан на пару дней перестаёт изображать героя боевика.

Я сжал пальцы в кулак, спрятав руку в кармане, и несколь-

ко секунд смотрел в окно. Она явно наслаждалась собой. Причём настолько, что спорить с ней означало только дать ей ещё больше материала.

— Завтра я буду на тренировке, — наконец ответил я. — Сегодня у меня есть дела поважнее. А вечером заеду в зал и прогоню всё, что пропустил. Так что можешь прекращать хоронить мою спортивную карьеру.

Она повернула голову и посмотрела на меня с таким видом, будто только сейчас решила сообщить очевидную вещь:

— Да ладно тебе. Я же стебусь.

И, чтобы окончательно доказать отсутствие злого умысла, легонько толкнула меня плечом.

Попала ровно туда, куда не стоило.

Боль прошла по плечу короткой горячей вспышкой, и я машинально поморщился, потирая его ладонью.

Шей мгновенно изменилась в лице. Ещё секунду назад в её глазах плясало привычное ехидство, а теперь взгляд скользнул к моей руке.

— Чёрт… — она осторожно коснулась моего предплечья. — Я не хотела.

— Не выражайся, девочка.

Голос раздался сбоку настолько неожиданно, что Шей замерла, всё ещё не убирая руку. Я повернул голову и увидел сидевшую через проход старушку в потёртом пальто и аккуратной вязаной шапочке. Она смотрела на Шей поверх очков с выражением человека, который только что обнаружил

на собственной кухне таракана и теперь решает, насколько далеко тот успел зайти.

Шей медленно отпустила мою руку и подняла ладони.

— Вот же срань… Извините, леди. Я вас не заметила. Мне чертовски жаль.

Я уставился в окно, пытаясь удержать лицо, но уголок рта всё-таки дёрнулся.

— Даже не думай, — прошипела Шей, не поворачивая головы.

Это окончательно меня добило. Я тихо рассмеялся, прикрыв рот ладонью.

Старушка неодобрительно покачала головой, поднялась со своего места и, бросив на нас последний взгляд, двинулась дальше по салону, словно решила оставить эту битву следующему поколению.

Я проводил её глазами и снова посмотрел на Шей.

— Что? — буркнула она.

— Ничего.

— Тогда чего ржёшь?

— Просто удивлен, почему твой лексикон состоит исключительно из производных от слова «хрен» и недоверия ко всему миру.

— Я просто называю вещи своими именами, — она отвернулась к окну на противоположной стороне автобуса.

— Куда ты едешь? — спросил я, окончательно успокоив смех.

— Вообще-то собиралась домой на школьном автобусе. Ну… — она чуть поморщилась, — не домой. Туда, где я сейчас обитаю.

Я покачал головой. «Обитаю» она сказала так, словно не жила у родственников, а временно оккупировала помещение и пока не решила, стоит ли возвращать ключи владельцам.

— Но потом подумала, что лучше поеду к Леннону, — продолжила она. — Узнаю, как там машина, что уже успели разобрать. Вообще хотелось бы поучаствовать в разборе.

— Зачем? — спросил я чуть быстрее, чем собирался. — Ты же уже оставила машину. Ленни её посмотрит, починит, позвонит тебе. Зачем тебе лично торчать в мастерской?

Мысль о том, что Шей сейчас останется наедине с другим парнем, с которым они с первой встречи нашли общий язык, неприятно дёрнула где-то внутри.

— Потому что это моя тачка, Уитман. Я хочу лично проверить, что он там на что поменяет, — она снова отвернулась к окну, но через секунду добавила: — И вообще, мне особо нечем заняться. Лучше уж покататься на автобусе целый день, чем сидеть дома и выслушивать упрёки Хайди.

— А Хайди — это... — приподнял бровь я, цепляясь за спасательный круг новой информации.

— Моя тётя. Сестра матери.

Я кивнул, запоминая имя, хотя понятия не имел, зачем мне вообще это понадобилось.

— В общем, я хотела написать тебе и узнать точный адрес

мастерской. Вчера я ехала туда на машине, поэтому особо не запоминала маршрут. А сегодня на автобусе понятия не имею, где мне выходить и куда потом идти. Но потом увидела тебя на той же остановке.

На этот раз улыбка появилась у меня сама собой. Довольная и, наверное, слишком очевидная.

— Странный маршрут ты себе проложила, — усмехнулся я. — То есть ты пошла за мной только ради того, чтобы спросить адрес, потом выйти из автобуса и уже оттуда добраться до мастерской?

Я повернулся к ней, чуть прищурившись.

— А написать мне и спросить адрес, пока ты ещё была на остановке, было слишком скучно?

— Отвали, Уитман, — она качнула головой, пряча предательскую улыбку, и отвернулась к мутному стеклу, явно рассчитывая на этом закончить разговор.

Но меня уже было не остановить.

Весь день я убеждал себя, что мне абсолютно фиолетово. Что если она решила снова изображать незнакомку — её дело. Я переживу без её колких реплик, без этих коротких взглядов и даже без возможности нормально поздороваться. По крайней мере, очень старательно делал вид, что переживу.

А теперь выяснилось, что она сама выбрала возможность снова со мной поговорить.

И, чёрт возьми, мне этого оказалось достаточно, чтобы

весь день вдруг перестал казаться таким дерьмовым.

Я чуть подался к ней, сокращая расстояние между нами.

— Или дело в другом? — спросил я тише, уже почти возле её виска. — Тебе просто захотелось снова оказаться со мной в одном замкнутом пространстве?

Шей замерла, продолжая смотреть в окно.

— Вчера тебе было мало, так ведь?

Последнюю фразу я произнёс почти ей на ухо и откинулся обратно, оставляя ей возможность решить, хочет она меня послать или всё-таки ответить.

Достал телефон, открыл наш чат и отправил ей локацию мастерской. Уведомление пришло почти сразу. Шей тут же достала свой телефон, открыла сообщение и ввела адрес в карты.

Я некоторое время молча наблюдал за тем, как она разбирается с маршрутом, а потом решил, что сейчас лучше не возвращаться к шуткам. Если я хотел, чтобы она действительно согласилась, стоило хотя бы раз сказать что-нибудь без привычного самодовольства.

— Я сейчас еду за своей машиной, потом у меня встреча с физиотерапевтом, — сказал я, чуть помедлив, а затем добавил, уже прямо: — Поехали со мной. После этого мы можем поехать к твоей «Пантере». Ты сама призналась, что тебе особо нечем заняться, так почему бы заодно не решить обе проблемы одним маршрутом?

Шей перестала водить пальцем по экрану. Несколько се-

кунд смотрела куда-то перед собой, прикусив нижнюю губу, словно пыталась понять, где именно в моём предложении спрятан подвох.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой к твоему доктору? — она наконец повернула голову.

— Я просто не хочу, чтобы ты одна ехала на другой конец города, а потом сама же разбиралась с обратной дорогой. Это не подкат, Делейни, — я чуть усмехнулся, стараясь разрядить повисшее между нами напряжение. — Просто предлагаю вариант, который, как мне кажется, будет для тебя удобнее.

Она всё ещё молчала, и я уже почти видел, как в её голове одна за другой выстраиваются причины отказаться. Поэтому, прежде чем она успела выбрать самую убедительную, я добавил:

— А в школе… можем и дальше делать вид, что друг для друга мы никто. Если тебе так спокойнее.

На самом деле я сам зацепился за это условие, как за единственный вариант, при котором она хотя бы не сможет сказать, что я снова лезу туда, куда меня не просили. Если для неё это цена за то, чтобы нормально разговаривать со мной за пределами школы, ладно. С этой частью сделки я как-нибудь разберусь. Главное — чтобы она не уехала сейчас одна.

Она заблокировала телефон, положила его поверх рюкзака и только после этого повернулась ко мне.

— Ладно. Но есть ещё одно условие. И я хочу, чтобы ты

его не нарушил.

— Какое? — спросил я, продолжая смотреть на неё.

Почему-то именно на губы. Я поймал себя на этом слишком поздно и всё равно не заставил себя отвернуться.

Шей опустила взгляд на свои руки, сцепленные на коленях, и после недолгой паузы заговорила почти шёпотом:

— Не говори никому об этом. Даже своему лучшему другу. Ладно?

— Ты имеешь в виду Бишопа? — уточнил я, внимательно всматриваясь в её лицо.

Она кивнула, а потом, немного поколебавшись, спросила:

— А у тебя есть ещё кто-нибудь, с кем ты делишься всем? Ну, кроме… — она запнулась, словно не хотела лишний раз называть очевидное, — кроме твоей травмы.

Я только покачал головой.

— Не скажу, — ответил я уже без тени улыбки, давая ей понять, что на этот раз это не очередная моя шутка. — Никто ни о чём не узнает. Было бы куда проще, если бы ты рассказала мне, почему и зачем устроила вокруг всего этого целую конспирацию, но ладно. Не хочешь говорить — не надо. Обещаю, Шей, никто не узнает.

— Спасибо, — тихо сказала она, кивнув, и на её губах появилась едва заметная улыбка. — Так действительно будет проще, капитан.

— Как скажешь, — отозвался я, не сводя с неё взгляда.

Она повернулась обратно к окну, и в этот момент её плечо

мягко придвинулось к моему. Ждал, что она, как обычно, заметит расстояние и тут же его восстановит. Однако Шей почему-то так и осталась сидеть рядом, не отодвигаясь.

Я тоже не стал двигаться.

И, глядя перед собой на мелькавшие за стеклом дома и мокрые улицы, поймал себя на совершенно довольной мысли: похоже, иногда мне действительно не требовалось от неё ничего большего. Даже такая маленькая уступка почему-то ощущалась как чертовски хорошая победа.

После того как мы забрали мой «Джип» из мастерской, Делейни без лишних вопросов забралась на пассажирское сиденье. Её рюкзак упал к ногам, ремень щёлкнул, и она сразу уставилась в окно. Ничего особенного. Просто Шей в моей машине.Только почему-то это выглядело уже слишком привычно. Настолько, что дорога до клиники пролетела почти незаметно, а о физиотерапии и грёбаном уколе, который ждал меня дальше, я вспомнил только тогда, когда увидел знакомое здание.

В клинику она тоже вошла вместе со мной. Я почему-то ожидал, что Шей останется в машине или хотя бы скажет,

что подождёт в коридоре, но она просто последовала следом, не задавая лишних вопросов. Будто она действительно решила остаться рядом не потому, что ей было нечем заняться, а потому, что не хотела оставлять меня одного с этой частью моей жизни.

Сотрудники клиники, которые за последний месяц уже успели привыкнуть видеть меня здесь, здоровались на ходу, но появление Шей неизбежно вызывало у некоторых любопытные взгляды. Крис Наварро, мой физиотерапевт, вообще без всякого смущения назвал её моей девушкой, когда предложил ей присесть в кресло для ожидания. Я почти автоматически приготовился услышать знакомое «он мне никто», но Шей лишь спокойно села, даже не став ничего уточнять.

Этого мне почему-то хватило, чтобы окончательно перестать ненавидеть сегодняшний день.

Дальше всё прошло по привычному сценарию. Крис попросил меня снять футболку, проверил движение плеча, заставил несколько раз поднять руку, отвести её в сторону и выполнить ряд простых на вид упражнений, которые почему-то очень быстро переставали казаться простыми. Потом началась физиотерапия — аппараты, аккуратная работа с плечом и упражнения с минимальным сопротивлением. Никакого футбола, никакой скорости, никакого ощущения настоящей тренировки. Только медленные движения, контроль и необходимость постоянно следить за тем, чтобы не сделать больше, чем мне разрешили.

Всё это время Шей сидела в другом конце кабинета, подперев подбородок ладонью и листая что-то в телефоне. Я почти перестал замечать её, пока в какой-то момент не поднял взгляд на зеркало.

Она смотрела на меня.

Не на моё плечо и не на то, что делал Крис. Её взгляд медленно прошёлся по моей спине, задержался на плечах, потом скользнул ниже и снова вернулся обратно. Она даже не пыталась особенно скрывать интерес, пока не заметила в зеркале мой взгляд.

Тогда всё изменилось.

Шей чуть приподняла бровь, словно это она только что застала меня за чем-то подозрительным, а не наоборот. Но отводить взгляд не стала.

Чёрт.

Возможно, я просто слишком хорошо думал о себе. Такое со мной уже случалось. Но если мне не мерещилось, ей действительно нравилось то, что она видела. И, честно говоря, после последних нескольких дней я был совсем не против такой версии событий.

— Ещё как минимум месяц никаких нагрузок, Круз, — Крис посмотрел на меня поверх планшета. — И я говорю именно о футболе. Никаких тренировок, матчей и самостоятельных попыток «проверить, как там плечо». Тебе нужно дать сухожилию спокойно восстановиться. Это в твоих же интересах.

Я натянул футболку и, поблагодарив Криса, вышел из кабинета. Шей молча пошла следом. И это, как ни странно, работало лучше любых попыток меня успокоить. Она не жалела меня, не спрашивала, больно ли и не собиралась превращать обычную поездку в экскурсию по моей травме. Просто была рядом.

Мы сели в машину и выехали через весь город к мастерской. По дороге я остановился у Frisch's, и, пока забирал заказ из окна, успел заметить, как Шей уже хозяйничает с моим телефоном, выбирая музыку.

Повернувшись к ней, я увидел название трека на экране. Через несколько секунд Radiohead заполнил салон, и мы снова двинулись в сторону мастерской. Шей устроилась поудобнее, копалась в своём бургере и едва заметно шевелила губами, подпевая. Я покосился на неё, потом снова на дорогу.

— Ты специально выбрала именно эту? — спросил я, кивнув на телефон.

— Что? — Шей подняла на меня взгляд поверх бургера, продолжая жевать.

— *Let Down*. — Я усмехнулся, снова переводя взгляд на дорогу. — После всего, что этот месяц со мной сделал, выбор подозрительно точный. Ещё немного — и я решу, что ты специально подбираешь мне саундтрек к моей жалкой спортивной трагедии.

Она проглотила кусок и невозмутимо пожала плечом.

— Включи любую другую песню Radiohead — ты всё рав-

но найдёшь способ привязать её к своей жизни, приятель.

— Неправда, — возразил я, хотя сам уже улыбался.

— Правда, — невозмутимо ответила Шей. Она снова откусила бургер, прожевала и через секунду совершенно будничнодобавила: — Особенно *Creep*.

— Это просто новый вид издевательства от Делейни, — я покачал головой, снова глядя на дорогу. — Ты просто нашла способ оскорблять меня через музыку.

Она рассмеялась, откидываясь на сиденье, и несколько секунд просто смотрела на меня с совершенно довольным видом. Я продолжал следить за дорогой, но боковым зрением чувствовал, что её взгляд всё ещё задерживается на мне.

Откусив кусок бургера, я протянул руку к стакану, но Шей уже сама подала его мне. Я забрал напиток, встретился с ней взглядом и усмехнулся.

В мастерской Леннон без всякого напряжения рассказывал Шей обо всём, что уже успел получить для «Пантеры». Он перечислял детали, объяснял, что именно пришлось искать и почему остановился на конкретных вариантах, а она то и дело удивлённо переспрашивала, как всё это вообще могло уложиться в ту сумму, которую он ей назвал.

Леннон держался безупречно. С совершенно серьёзным видом рассказывал ей про своего дилера, с которым якобы давно работал, про скидки для постоянных клиентов и какие-то особые условия, которые тот якобы давал ему за большие объёмы. Говорил настолько уверенно, что со стороны

всё выглядело совершенно убедительно.

Пока Шей рассматривала очередную деталь, я незаметно достал из кармана свёрнутую пачку купюр и передал её Леннону. Тот ловко спрятал деньги в комбинезон, даже не сбившись с разговора, а потом на секунду посмотрел на меня и едва заметно усмехнулся.

— Любовь, Круз, — тихо бросил он, — удивительная вещь. Заставляет людей добровольно расставаться с деньгами и ещё делать вид, что это была их собственная идея.

Я закатил глаза, но промолчал.

Шей тоже не стала затягивать с оплатой — достала телефон и перевела ему свою смешную сумму прямо на карту. Леннон ещё раз заверил её, что через день машина будет готова, и только после этого мы попрощались и вышли из мастерской.

На улице уже стемнело. Мы направились к моему «Джипу», и спустя несколько минут город остался за окнами, пока мы ехали домой.

— Какие планы на колледж? — спросил я, прибавляя температуру, заметив, как Шей прячет руки в карманы худи.

— Подала на бизнес и управление, — она потёрла кулаком кончик носа.

— Серьёзно? Почему экономика? — Я удивлённо приподнял бровь.

— А что, по-твоему, я должна была выбрать? — Она повернулась ко мне с совершенно серьёзным выражением ли-

ца.

— Не знаю, — покачал я головой. — Что-нибудь, где тебе официально разрешено спорить с людьми за деньги. Переговоры, например. В этом деле ты бы точно преуспела.

— Не смешно.

Она снова спрятала руки в карманы, а я усмехнулся, продолжая смотреть на дорогу.

— Хочу научиться самой принимать решения, зарабатывать и распоряжаться своей жизнью так, чтобы больше ни от кого не зависеть, — вдруг продолжила она, когда я уже решил, что мы закрыли эту тему. — Продолжить дело отца, только в крупных масштабах, понимаешь?

— А кем был твой отец? — спросил я, мельком взглянув на неё и тут же снова переведя взгляд на дорогу.

— Он занимал какую-то высокую должность в городской администрации. Что-то связанное с экономическим развитием Кливленда, кажется. До этого работал в частном секторе, но я никогда особо не вникала в подробности. — Она ненадолго замолчала, поморщившись. — Меня всегда раздражало, каким он становился, когда речь заходила о работе. Иногда мне казалось, что ему самому она тоже не особо нравилась.

— Они с твоей матерью работали вместе?

— Да, но я говорю не про это, — бросила Шей. — Я про его хобби по выходным, чтобы хотя бы на время отключить голову от всего остального.

— Ты про машины? — уточнил я, мельком взглянув на неё.

— Верно, — она кивнула, плотнее кутаясь в воротник худи.

За окном начался дождь. Капли быстро забегали по стеклу, и я немного сбавил скорость. Спешить почему-то совсем не хотелось.

— Он мог месяцами ковыряться с какой-нибудь развалюхой, которую нормальный человек давно отправил бы на свалку, — продолжила Шей. — И при этом совершенно искренне получать от этого удовольствие. Мог притащить домой какую-нибудь рухлядь, часами рассказывать, что в ней ещё можно спасти, а потом пропасть в гараже на все выходные. Наверное, только там он действительно отдыхал.

Она ненадолго замолчала, глядя на дождь за стеклом, а потом продолжила уже тише:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.